

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ ⁸⁰²⁻¹¹
₂₁₄

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1827.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

Сог. Крузе.

Бывають происшествія, кошорья, какъ ни глубоко пошрясались ими души людей, принимавшихъ въ нихъ участіе, за всемъ тѣмъ, возбуждають мало вниманія въ свѣтѣ и, почти незамѣченныя, — исчезаютъ въ вѣч-ности; но тѣмъ разительнѣе должны они быть для зоркаго наблюдателя. Къ такимъ происшествіямъ принадлежишь и слѣдующее. Предупреждаемъ, что напрасно бы спалъ чиншатель искашь слѣдовъ его нынѣ: чѣмъ ближе будешь онъ находиться къ ошквиваемымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе предшавишия ему даже несообразношей; это по-тому, что время, мѣста дѣйствія, короче, все несущественное давно измѣнилось; впрочемъ въ самой сущности удержана полная истина.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Іюня 21 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ
Продіонъ Вятринскій.*

Въ Копенгагенъ есть не очень большая, но симметрически расположенная осмиугольная площадь, которую образуютъ четыре зданія, недурной архитектуры; посреди оной, возвышается статуя незабвеннаго по добротѣ своей Короля, который, сидя на конѣ, все еще благословляетъ любезный ему народъ. Въ прехъ изъ сихъ зданій помѣщается, со времени случившагося во дворцѣ пожара, Королевская Фамилія, живущая тамъ въ величественной простотѣ. Четвертое зданіе, расположенное къ рейдъ, служило, какъ бы символическою оградой отъ непріятельскихъ нападений со стороны моря, вмѣщая дѣйствительную, съ давнихъ лѣтъ существующую ограду государства въ сѣняхъ своихъ, именно образованіе Дашскихъ моряковъ. Это Морской Кадетскій Корпусъ, который подобно въполнѣ жилищу Короля, гордится, что на немъ, какъ и на мечѣхъ питомцевъ его, нѣтъ ни малѣйшаго пятна.

Си-шо сѣтны заключаютъ въ себѣ ядро Дашскаго юношества, не пошому, чтобы студа помѣщали опличивѣйшихъ и наиболѣе подающихъ надежду дѣшей, — тогда предназначаемое поприще было бы для нихъ слишкомъ ограничено; — а по Спаршанскому

воспитанію, какое они получаютъ, и посредствомъ копорого, Король и Отечество въ такомъ шѣсномъ соотношеніи и такъ глубоко впечатлѣваются въ ихъ юныхъ умахъ, что развѣ одно только спавишия ими еще выше — честь!

Пусть Философскимъ взорамъ представляется эша богиня блестящею химерою; но въ лѣпописяхъ государства и въ нравственномъ достоинствѣ человека, владычествуетъ она почти съ Богоподобною силою, и я смѣло произнесу, — Дашскій Морской Корпусъ есть храмъ ея.

Изъ всѣхъ, большею частію прекрасныхъ и, что главное, здоровыхъ воспитанниковъ опличались нѣкогда двое взрослыхъ юношей. Оба молодцовашы, исполнены талантовъ, мужественны и прилжны — порою и богатство не служило ни кому опличіемъ внутри сихъ сѣтнъ; оба, равно любимые начальникомъ и поваращами, были они между собою, не только не дружны, даже холодны, хотя никогда не выходило у нихъ непріятностей, и ни одинъ не могъ располокоть себя, что бы такое не нравилось ему въ другомъ.

Какъ ни строго наблюдали за нравственнымъ образованіемъ кадетовъ, но невозмож-

но было, въ такомъ большомъ числѣ, совершенно опклонили въкрадчивую зависть и неукротимое своекорыстіе. Сіи пороки глубоко вкоренены были въ одномъ изъ молодыхъ сердець сего разсадника Датскихъ мореплавателей. Джонъ Формеръ, назовемъ его такъ, былъ старше обоихъ помянутыхъ юношей, опредѣлился въ корпусъ пятью годами ранѣе, чѣмъ они, и считалъ себя уже за двадцать лѣтъ.

Между шѣмъ два юноши, о которыхъ сказали мы прежде, неушомимымъ прилежаніемъ и взаимнымъ, хопя и невольнымъ, соревнованіемъ, такъ отличили себя, что перескочили длинный рядъ поварищей, находившихся между ими и Формеромъ. Сей послѣдній, долженъ былъ опасаться даже, что онъ останешся у нихъ назади, тогда, какъ недалеко уже была и цѣль достиженія офицерства, съ важнымъ по службѣ надъ ними старшинствомъ. Сей молодой человекъ родился въ Весиндди, онъ знашой Датской фамиліи, и прожилъ тамъ до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, — среди нѣги и баловства со стороны родителей и рабской покорности онъ всѣхъ, его окружающихъ. Богатство, празднось и гордоснь, съ которыми думалъ онъ прожить весь свой вѣкъ, внушили въ него понятія, совершенно не-

сообразныя съ шѣми, какихъ требовало Спаранское воспитаніе въ Корпусѣ. Здѣсь ничего не значила, ни пышность, ни значность породы; надлежало заславить уважанье себя по внушреннему своему достоинству, а оно было невелико, и Формеръ горько ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Частію принужденъ онъ былъ сносить насмѣшки отъ младшихъ себя мальчиковъ, копорымъ не могъ опплатить за то ничѣмъ, пошому, что они были бойчѣе, ошважнѣе и сильнѣе его; старшіе же поварищи обращались съ нимъ съ шакою же суровостію и пренебреженіемъ, какъ прежде онъ поступалъ съ рабскою шолпою его прислужниковъ. Пробужденная онъ извѣженности душа его, привела въ движеніе свои дремавшія силы, и наиболѣе шу, которая была здѣсь нужнѣе — силу разсудка. Дальновидный, пронырливый взоръ Формера скоро обзрѣлъ свое положеніе. Жалованья онъ не смѣлъ, видя, что наказаніе, какое навлекли бы за собою его бабьи пересказы, — такъ назывался здѣсь всякій, безъ исключенія, доносъ начальству — не доставило бы ему облегченія; а напрошивъ еще большую, тайную мстительность со стороны его поварищей. Охотно бы оставилъ онъ корпусъ и выбралъ себя другое поприще, но

зналъ непреклонную волю отца своего, ко-
порый, привыкнувъ, къ безпрекословному по-
виновенію рабовъ, претовалъ шакого же и
ошъ дъшей своихъ. Такимъ образомъ необ-
ходимость заставила Формера покориться
судьбѣ его; по необходимости спалъ онъ изо-
щряя свои способности и замѣшивъ, что
внушаетъ симъ уваженіе, получилъ къ тому
бодрость, а съ шѣмъ вмѣстѣ научился и хищ-
рости. По старой привычкѣ спремившись къ
улучшенію своего положенія, началъ онъ
льстить своимъ учителямъ и поварищамъ;
чувствовала однако, что эша лести не должна
быть рабская и что одно только стараніе со-
образоваться съ ихъ понятіями, можетъ быть
увѣчано успѣхомъ. Съ шѣмъ вмѣстѣ возбу-
дилось и его честолюбіе: какъ ни тяжело
было для изнѣженнаго юноши, но онъ не
оспавалъ ошъ другихъ, въ обычныхъ меж-
ду шпомцами Спаршанскихъ борьбахъ и
играхъ, которыя не обходились безъ синихъ
пятенъ и ушибовъ, и если никогда не уда-
валось ему въ нихъ первенствовать, то все
не было онъ и послѣднимъ. Со скрежетомъ
зубовъ и скрышнымъ негодованіемъ, что
попалъ въ шолпу шакого грубаго народа,
повиновался онъ однако, когда, напримѣръ,
среди ночи, по тайному призыву одного
изъ поварищей, кошгору му не поспалось,

вдругъ вострепенулся всѣ, бросающъ шеп-
лое свое ложе и, полунагіе, бѣгушъ къ снѣ-
говымъ кучамъ на дворъ, валяюща въ мяг-
комъ снѣгу, и пошомъ, дрожа ошъ холода,
ищушъ ошашъ успокоенія на поспелыхъ.
Такъ удалось ему превозмочь непріятное
впечатлѣніе, какое произведено было имъ
съ перваго раза, и уже прилежаніемъ и не-
прерывнымъ напряженіемъ пробужденныхъ
душевныхъ силъ, успѣлъ онъ приблизиться
къ шой дѣли, кошорая манила всѣхъ сихъ
юношей. Съ достиженіемъ офицерскаго званія,
должно было окончиться всякое соперни-
чество; кшо однажды внесень въ списокъ,
шощъ слѣдуешъ по спаршинству до сама-
го Адмирала, и обязанъ неизмѣнною подчи-
ненностью чувствительна только по дѣ-
ламъ службы. По сему-шо, имѣя въ виду,
что съ каждымъ ускореннымъ шагомъ въ
юности, спавнешъ послѣ ближе къ мѣ-
спамъ начальническимъ; всѣ шпомцы,
а слѣдшвенно и честолюбивый Джонъ,
съ нешпомимою дѣяшельностью домога-
лись прочнаго спаршинства надъ дру-
гими. Въ первомъ классѣ, спаршіе кадеты
назывались ушперь-ошцерами. Между сими,
Джонъ былъ изъ первыхъ. Оба юноши, пре-

жде упомянутые, на которыхъ наиболѣе обращенъ былъ ошечскій взоръ дальновиднаго начальника, были въ томъ же классѣ, въ числѣ младшихъ пишомцевъ. Ожидали экзамена, а съ нимъ вѣроятно и производства въ офицеры. Джонъ, упоенный надеждою, шрепещалъ однако, чшобъ шѣ юноши, которыя исполнскими шагами подвигались впередъ, и между которыми спаршему едва было девятнадцать лѣтъ, еще въ послѣднѣя минушы, какъ говоршся, не съли ему на голову.

Каждый изъ шѣхъ шрудился, между шѣмъ, въ шшши про себя; они смотрѣли другъ на друга гордымъ взоромъ, почши похожимъ на вызовъ; но въ благородномъ образѣ мыслей, пренебрегая каждое мелочное средство къ превознесенію себя, не находили они повода къ явному между собою разрыву. Поссоршш ихъ очень хошѣлось Джону, какъ замѣчали его шоварищи, и онъ скрышнымъ образомъ упошреблялъ къ тому все способы, надѣясь, можешъ бышъ, изъ ихъ насильственныхъ поступковъ извлечь для себя пользу, какой не могъ ожидать опѣ своихъ шаншвовъ и прилежанія. Время испышанія назначено было, какъ обыкновенно, незадолго до дня рожденія Короля, котораго и безъ шого юноши ожидали всегда съ восторгомъ,

а шущъ еще болѣе, когда имъ предстоило опшичшть себя радосшными успѣхами и получить награжденія, обыкновенно въ шощъ день раздаваемыя.

Наконецъ экзаменъ начался и состоя какъ изъ словесныхъ, шакъ и письменныхъ задачъ, продолжался нѣсколько дней. — Въ это время совсѣмъ не было ошдыха для юношей. Каждая минута посвящена была наукамъ или искусствамъ, которыми шакже почши все занимались усердно. Давно уже было извѣшно, чшо Джонъ имѣешъ рѣшительный шаншвъ къ рисованію, а случай хошѣлъ на эшощъ разъ, чшобъ онъ, избравъ для себя одинъ изъ шруднѣйшихъ предметовъ, вспушилъ невольнo въ соспзаніе съ шѣми, кого наиболѣе опасался. Два младшихъ его шоварища, о которыхъ говорено выше: Гольгеръ Ан— и Вольдемаръ Ре—, снимали шущью копіи съ рисунковъ, которыя величшною, шрудношями и искусствомъ ошдѣлки, ни мало не успушали избранному имъ.

Однажды, когда все шрое, съ нѣкоторыми еще шоварищами, занимались въ обыкновенное время рисованіемъ въ учебной залѣ, опкрышпой для всякаго, случилось, чшо Гольгера съ большою поспѣшностію пошребовали къ начальнику. Онъ зашоропшлся, покрылъ рисунокъ шонкою Кипайскою

бумагою, и ушелъ, не опнеся, какъ дѣлалъ обыкновенно, доски въ свою комнату. Возвращаясь черезъ часъ времени, не нашелъ уже онъ никого въ залѣ; всѣ вышли со своими рисовальными досками, только его оставалась еще шухъ. Хотя начинало уже смеркаться, но ему хотѣлось еще поработать, и онъ открылъ рисунокъ. Какъ же былъ онъ пораженъ, когда увидѣлъ его испорченнымъ во многихъ мѣстахъ и, казалось, умысленно. Онъ споялъ, какъ полумертвый. Тушь разрушилась не только плодъ продолжительныхъ трудовъ его, но и прелестнѣйшая надежда, которую основывалъ онъ на умноженіи сими рисункомъ *чиселъ* по его занятиямъ. Числами опмѣчалась на экзаменѣ достоинство рѣшенныхъ задачъ или вообще успѣховъ по какому либо предмету, и сложностью ихъ по всемъ предметамъ обозначалась общая степень ошлчія.

Ошъ нѣмало испуга Гольгеръ перешелъ скорѣ къ юношеской горячности. Онъ совзвалъ товарищей. Ихъ громкія восклицанія привлекли учителей. Явился наконецъ и самъ начальникъ. Спали прилежно разсматривать рисунокъ и накладку. Очень трудно было рѣшить, случаемъ или злымъ умысломъ сдѣлалось поврежденіе. Легко могло быть, какъ и самъ Гольгеръ не отрицалъ, что рисунокъ

оставался еще мѣстами несоветъ сухъ, когда онъ покрылъ его, ибо только передъ шѣмъ, загрунтованъ былъ въ немъ воздухъ; но за всемъ шѣмъ, оказывались слѣды злоумышленія, хотя накладка и не была нисколько измята.

Начальникъ, покачивая головою, обратился къ пишомцамъ и произнесъ имъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ сказать правду, если кто по неосторожности это сдѣлалъ, что все гораздо лучше, примолвилъ онъ, нежели допустить подозрѣніе, что между шѣми, которые всю жизнь свою посвящаютъ чести, есть одинъ, способный на такую злою пошупокъ. И вмѣсто выговора общалъ онъ даже полную благодарность тому, кто разувѣрилъ его въ шакое жеспокое предположеніи. Говоря это, беспырымъ взоромъ окинулъ онъ ряды воспитанниковъ, ловя измѣненіе лицъ ихъ. Но все безмолвствовало; только Джонъ легкою полкнулъ Гольгера и кивнулъ ему на Вольдемара. Сей, какъ и всѣ, былъ мраченъ и нѣмъ; но ошъ внимательности Гольгера не скрылось, что онъ блѣднѣе другихъ. Однако Начальникъ или не замѣшилъ того, или приписалъ другой причинъ; почему и Гольгеръ опмѣчалъ Джону только косою миною, какъ бы упрекая, что онъ хочешь возбудить въ немъ

неблагодарное подозрѣніе. Такимъ образомъ случай оспался не раскрытъ, не смотря на всѣ старанія пашомцевъ и Начальника. Послѣдній жалѣлъ очень, что Гольгеръ лишился нѣсколькихъ *числъ*, ибо времени оставалось уже не много, и нельзя было успѣть пригосовить другой значительный рисунокъ. Впрочемъ утѣшая своего любимца, Начальникъ относилъ это къ уловкамъ судьбы, которыми подверженъ каждый смертный, и говорилъ, что шѣмъ почтеннѣе мужъ, умѣющій твердо сносить неизбежное, и шѣмъ скорѣе заспавишь онъ уважать себя, чѣмъ ранѣе научишься управлять собою и спавить себя выше всякаго своекорыстія.

Тутъ Джонъ во второй разъ шокнулъ Гольгера и обратилъ его вниманіе на Вольдемара, у котораго бѣглая краска явилась на лицѣ и заспунила мѣсто прежней блѣдности. Тогда подозрѣніе вкралось и въ душу Гольгера; однако, взвѣсивая слова Начальника, онъ преодолѣлъ себя, и постарался освободиться отъ сего ненавистнаго чувства.

Черезъ два дни случилось новое произшествіе, которое возбудило еще болѣе вниманія. Въ такое время, когда почти всѣ воспитанники сидѣли въ классѣ, вошелъ Вольдемаръ съ рисовальной доской своей и

разказала громко, но съ равнодушіемъ, очень противоположнымъ той горячности, какая оказана была въ подобномъ случаѣ Гольгеромъ, что рисунокъ его весь изрѣзанъ: такъ онъ нашелъ его въ своей комнатѣ и принесъ показать поварницамъ.

Всѣ снова изумились. Начальникъ, которому потчасъ о томъ донесли, не смотря на всегданнее спокойствіе духа, до того пораженъ былъ эшимъ извѣстіемъ, что едва не вышелъ изъ себя. Пашомцы боязливо на него смотрѣли; Джонъ поблѣднѣлъ точно также, какъ въ то время Вольдемаръ. Гольгеръ не сводилъ съ него глазъ. Онъ, казалось, замѣнилъ это и вдругъ вышелъ изъ среды поварницей.

„Позвольте мнѣ говорить!“ сказала онъ Начальнику. „Извѣстно, что у пась были рисунки, не только одинаково шрудные, но и лучшіе изъ всѣхъ въ корпусѣ. У моихъ поварницей они испорчены непонятнымъ и самымъ поспыднымъ образомъ; мой цѣль. Я дрожу всѣмъ шѣломъ отъ досады, потому что чувствую, какъ случай сей, клонящійся къ моей пользѣ, можетъ подать на меня подозрѣніе. Прошу же васъ арестовать меня и держать подъ присмотромъ, пока не будетъ произведено спрожайшаго слѣдствія, и, какъ я надѣюсь, найдется виновный.“

„Дуврѣнь“ — отвѣчалъ ему строго Начальникъ: „что никто между нами не можетъ писать такого неблагороднаго подзвѣнія къ товарищу; никто не долженъ и позволить себѣ этого. Если же вы боитесь этого, то къ уничтоженію такого гнуснаго предположенія, есть вѣрныя средства, о которыхъ я говорю теперь не спану. Впрочемъ само собою разумѣется, что строжайшее сдѣлать должно быть сдѣлано. Ваше положеніе, какъ я самъ вижу, было бы конечно въ подобныхъ обстоятельствахъ затруднительно вездѣ, только не подъ эпоху кровлею. Во всякомъ случаѣ однако, вамъ должно имѣть лучшія мысли о своихъ товарищахъ.“

Но и сдѣлать ничего не открыло. Самъ Вольдемаръ доказывалъ, что ни Джонъ, ни кто другой изъ его товарищей, не могъ быть виноватымъ; потому, что первый уходилъ въ это время изъ корпуса, а всѣ прочіе были въ классахъ.

Между тѣмъ, по экзамену, произвели Джона и еще нѣсколько старшихъ воспитанниковъ, въ офицеры; а Гольдеръ и Вольдемаръ остались первыми Уншперъ-офицерами. Ихъ числа равнялись Джоновымъ, но если бы представили они рисунки свои, тогда конечно бы спали выше его, и какъ,

по принятому правилу, споль молодымъ Уншперъ-офицерамъ еще нельзя было бы поступить въ офицеры, то ему доспало бы пробывать за ними еще съ полгода въ корпусѣ. Джонъ, радуясь втайнѣ, сдѣлалъ самъ это замѣчаніе, которое вѣроятно не ушло и ошъ обоихъ опешавшихъ юношей. Но съ насупленіемъ вскорѣ дня рожденія Короля, казалось, всякая досада забывалась и должна была уступить мѣсто шумной, упоительной радости. Въ самомъ корпусѣ дано было празднество и балъ, на которомъ небольшія сердечныя обстоятельства юношей заставляли ихъ забыть все прошедшее. Хотя блестящіе офицерскіе мундиры съ золотыми эполетами, предметъ пламенный ихъ желаній, со всѣхъ сторонъ представлялись ихъ взорамъ и невольно возбуждали въ душѣ зависть, но среди такого шоржества, въ присутствіи любимаго Монарха, которому посвящалась ихъ жизнь, кровь и честь, спарались они поддерживая въ себѣ благородное самочувство и не измѣняли себѣ ни однимъ взглядомъ.

Въ полной уврѣнности, что въ корпусѣ не найдется ни одного ученика, который бы могъ уронить свое достоинство и званіе, самъ начальникъ не жостъль ограничивавъ на этошъ разъ ихъ

юношеской вольности. Въ то время, когда названные гости, мѣшаясь въ толпѣ молодыхъ кадетовъ, составляли съ ними длинные ряды, и при громкихъ звукахъ музыки, кружились въ танцахъ — старшій классъ воспитанниковъ вмѣстѣ со вновь-произведенными офицерами, забрался въ особую комнату, и всѣ, забывая на минушу первый огонекъ, вспыхнувшій въ груди ошь предесныхъ глазокъ, наливали бокалы пьющимся Шампанскимъ и осушали ихъ за здравіе Короля, опечества, ихъ флага, ихъ Начальника и званія ихъ, какого, казалось имъ, въ цѣломъ мѣрѣ нельзя найти лучше. Хоть и не въ ладъ съ опголосками близкой музыки, запѣли они опечественную пѣснь безсмертнаго Эвальда, и звучный, чистый голосъ Вольдемара проникалъ даже въ слухъ танцующихъ, когда онъ въ восторгѣ произносилъ одушевляющія слова:

Для Дашчанъ къ чести, славъ путь —

Ты, мрачное, грозное море!

Вотъ другъ! его безстрашна грудь:

Его стихіей вѣрной будь,

Ты, мрачное, грозное море!

Онъ радъ опасностямъ, бѣдамъ,

Какъ радо бурямъ и вѣтрамъ

Ты, мрачное, грозное море!

Съ плающими лицами и съ гордою осанкою вышли юноши опять въ залу, и вспунили въ

ряды танцующихъ. Но по ихъ между собою перемигиванью, должно было заключить, что есть у нихъ какія нибудь тайныя зашты. Дѣйствительно, едва кончился балъ, едва проводили они, каждый свою предесную, къ давно ожидающимъ у подъезда экипажамъ, какъ небольшой кругъ юныхъ офицеровъ и старшихъ унтеръ-офицеровъ, вмѣсто камеръ своихъ, пробрался въ комнату одного очень молодого Лейтенанта, который не опспалъ еще ошь прежняго поварищества, пѣмъ болѣе, что былъ опредѣленъ учителемъ въ одномъ изъ младшихъ классовъ и пользовался кварширою шупъ же въ корпусѣ.

Разгоряченные общюю радостію и вِينомъ, юноши не помышляли о снѣ. Усѣвшись по мѣстамъ, они говорили между собою въ полголоса, чпобъ не вывели наружу свое тайное сборище, но твердо рѣшились вспрѣншишь день, не разлучаясь. Нѣсколько бушелоковъ Шампанскаго было наготовѣ, и какъ полная луна свѣтила прямо въ окна, то свѣчи всѣ погасили. Нельзя было пѣть пѣсней; ихъ замѣнили разговоры, за полными бокалами. Всякой получилъ свою долю хорошаго жвачнаго шабаку, который въ такомъ же большемъ употребленіи между кадетами того корпуса, какъ цгарки

у молодых людей в Гамбургъ. По недоспашку случая и удобности пустились въ предприимчивыя шалости, сжали о нихъ рассказывашъ: веселые анекдоты слѣдовали одинъ за другимъ на перерывъ. Джонъ, который, вмѣстѣ съ другими вновь - произведенными офицерами, принадлежалъ къ кругу пирующихъ, казался видѣ себя ошъ радости, и въ полной увѣренности, что наконецъ доспигъ своей цѣли, расшутился до крайности, что было въ немъ очень необыкновенно.

Привлеченный послышавшимся шумомъ, подошелъ онъ вмѣстѣ съ другими къ окну, отворилъ его и устремилъ глаза на обширный дворъ, который былъ весь покрытъ блестящимъ ковромъ шолько передъ шѣмъ выпавшаго снѣга. Но все было тихо; все опошли прочь; онъ одинъ осмался у окна. Среди общей радости, досадилъ ему кто-то изъ поварищей неприятною для него шумкою. Было ли шакъ въ самомъ дѣлѣ, или шепшалъ ему обманчиво какой нибудь внутренній голосъ, шолько онъ счелъ, что съ нимъ обходяшся не совсѣмъ по-дружески въ этомъ избранномъ кругу. Мысли о шумѣ, вмѣстѣ съ винными парами, бродили въ головѣ его; сначала съ опчаяннiя, пошомъ, по давно приняшому правилу, спалъ онъ вы-

думывашъ какую нибудъ глущую шалость, шоторою бы могъ опличиться и поддержашъ себя въ мнѣннiи другихъ, не шлишкомъ, шакъ ему казалось, шеперь для него выгодномъ. Въ эту минушу спросили его, о чемъ онъ шакъ задумался.

Невольню устремаясь глазами на корнизъ, шоторый, въ полъаршина шириною, сдѣланъ былъ вдолъ подъ всѣми окнами верхняго эшажа, онъ сказалъ съ горделивою улыбкою: „шы знаешь, что въ самой крайней комнашѣ этого эшажа, спить хорошенькая горничная, жены Начальника нашего. Мы часшо грозились придти къ этой дѣвушкѣ, но исполнить этого нельзя, пошому, что шумъ, въ серединѣ, живушъ господода ея, а съ шого краю дверь всегда на замкѣ. Она же все насмѣхалась шолько надъ нами. Но вопъ представилъ мнѣ вдругъ новый шумъ, для всѣхъ ошкрышый, кто не пошрусилъ и вздумаешь пожелаешъ добраго ушра красавицъ, а можешъ бышъ и сорвашъ съ нее поцѣлуй.“

Всѣ бросились къ окну, чтошбъ ошопрѣшъ опасный шумъ, на шоторомъ и свѣжая голова могла бы закружиться, по чрезвычайной высотѣ надъ дворомъ. — „Ну же, кто молодецъ?“ вскричалъ назойливо Джонъ.

„Я не пойду!“ ошвѣчалъ одинъ изъ поварищей: „я еще, слава Богу, въ полномъ умѣ.“

— „Что за гаупости!“ вскричалъ Вольдемаръ съ упрекомъ: „кому придется охотиться дурачиться! Я увѣренъ, что ты послѣдній согласился бы на это.“

„Право? И какъ увѣрительно!“ — возразилъ Джонъ съ досадою.

— „Такъ увѣрительно“ — прервалъ его въ зацѣпливости Вольдемаръ, забывая о благоразумномъ упрекѣ, только что передъ тѣмъ имъ самимъ сдѣланномъ: „что я обязываюсь выпрыгнуть изъ этого окна на дворъ, если у тебя доспанешь смѣлости пройди къ окну Маріанны и воротишься назадъ.“

„Въ умѣ ли ты, Вольдемаръ?“ вскричалъ съ опасеніемъ Гольгеръ. „Пройди по корнизу совсѣмъ не опасно, если только швердо рѣшишься; но выпрыгнешь изъ окна — шуть не поможешь ошважноть, шуть навѣрное надобно свернушь себѣ шею.“

— „Сказано!“ ошвѣчалъ Вольдемаръ, взглянувъ на Джона скоса и не безъ презрѣнія.

Джонъ закусилъ себѣ губы. — „Бышь шакъ!“ вскричалъ онъ вдругъ, ободря себя

и бросивъ напередъ за окно спаканъ свой: „мы увидимъ, сдержишь ли онъ слово!“

Всѣ изумились; но когда Гольгеръ, по какому-то предчувствію, хотѣлъ удержавъ его, другіе не допустили; всѣ жадничали приключенія, на которое бы у каждаго доспало духу. Джонъ взлѣзъ на корнизъ, и пылая отъ вина и шщеславія, безъ малѣйшаго признака робости, пробрался къ крайнему окну, постучаясь въ него, пожелалъ дѣвушка добраго упра и ворошился шакже непринужденно.

„Ну!“ закричалъ онъ, прыгая съ окна въ комнату: „я совсѣмъ!“

Вольдемаръ, которъй, лишь только спалъ онъ возвращался, ошошеть отъ окна и сидѣлъ призадумавшись — при эшихъ словахъ вдругъ вскочилъ.

„Въ умѣ ли ты?“ закричали прочіе, не допуская его къ окну: „кто изъ насъ сомнѣвается въ швоей смѣлости?“

„Ошнавъ!“ сказалъ Гольгеръ, съ мрачнымъ взгядомъ на Джона. „Злѣйшему врагу своему не пожелалъ бы я этого, не шолько...“ Онъ не договорилъ.

— „Разумьешься“ — возразилъ Вольдемаръ съ принужденною улыбкою: „кто же въ самомъ дѣлѣ можетъ на это рѣшиться? Еще жизнь не надобла мнѣ. Поспойше же!

я только смѣрю, для шутки, высоко ли прышь.“ Онъ подошелъ къ окну и оборотясь къ товарищамъ, указал на уголькомнашы, говоря: „подайте брашцы, вонь шамъ веревка съ гирей!“ Пошомъ вдругъ вспрыгнувъ на окно и съ сильнымъ размахомъ бросился внизъ, прежде нежели ктонибудь могъ удержать его.

Всѣ остоабенали въ испугъ. Никшо не осмѣлился взглянуть за нимъ въ слѣдъ. Но еще мгновение, и всѣ вдругъ бросились къ дверямъ.

Тутъ Гольгеръ, блѣдный какъ смерть, но сохранившій присущствіе ума, успѣшно удержалъ ихъ. „Постойте!“ закричалъ онъ. „Развѣ не помните вы, что мы всѣ можемъ сдѣлаться несчастными, если не будемъ оспорожны. Пустъ двое пойдутъ со мною! Только не ты, Джонъ!“ примолвилъ онъ, не смолря на него. „Пойдемъ ты и ты!“

Сколь возможно скоро, и сколь возможно безъ шуму, побѣжали прое товарищей внизъ по лѣсницѣ. Не безъ пренеша отворили они дверь на дворъ; едва осмѣлились взглянуть на упавшаго, боясь увидѣть его мершвымъ. Но первый взглядъ успокоилъ ихъ нѣсколько: Вольдемаръ сидѣлъ на кучѣ снѣгу.

„Ты живъ! слава Богу!“ сказала, подбѣгая къ нему, Гольгеръ.

„Слава Богу!“ отвѣчалъ онъ, едва переводя дыханіе: „но дайте мнѣ опомниться. Хоть я и мѣшилъ на эшу кучу, а все кажеся, переломилъ себѣ ногу.“

Такъ и было. Какъ человекъ, не могъ Вольдемаръ сначала преодолѣть смертельной поски, которая держала его въ оцѣпененіи, но вскорѣ прежняя бодрость духа оживила его. „Я какъ будто весь разбишь“ — сказала онъ: „но эшо ничего. Отнесите меня легонько на постель и смолрите, чтообъ никшо, кромѣ нашего круга, а особливо Начальникъ, не зналъ объ эшомъ происшествіи.“

Удалось дѣйствительно скрыть его отъ всѣхъ: сказали, что Вольдемаръ случайно упалъ на лѣсницѣ. Уже спустя многіе годы, когда совсемъ другіе люди заселили корпусъ, эшопъ анекдотъ сдѣлался гласнымъ между офицерами. — Но весьма ошибся Джонъ, предполагая, что сей случай дошавишь ему болѣе уваженія отъ товарищей. Напрошивъ, ни одинъ изъ свидѣтелей онаго никогда не былъ къ нему близокъ; особенно же Гольгеръ остался навсегда къ нему холоденъ; еще всѣхъ ласковѣ обращался съ нимъ самъ Вольдемаръ. За холодность

плашилъ Джонъ такою же холодношю, хотя поварищеское приличіе, какимъ они обязаны были другъ другу, никогда не нарушалось ими, и никшо изъ офицеровъ, принадлежащихъ къ ихъ кругу, не могъ подозрѣвать, чтошбъ существовало между ними какое нибудь несогласіе.

Но необыкновенная перемѣна произошла между двумя юношами, пишавшими прежде другъ къ другу почти враждебныя чувства. Сей случай, какъ бы сковалъ ихъ на вѣкъ неразрывными узами. Гольгеръ почти не отходилъ отъ постели Вольдемара, а сей все съ ббольшимъ умиленіемъ взиралъ на возрастающія попеченія о немъ прежняго его соперника.

Выше всего въ мірѣ уважалась въ корпсуѣ честь, которой законъ повелѣваетъ сдерживать данное слово, не взирая ни на какія препятствія. Гольгеръ, считая себя способнымъ пожертвовашъ для нея даже своею жизнью, и можешъ бышъ, не признавая ни въ комъ другомъ столь возвышеннаго чувства, былъ пораженъ дерзкимъ пошупкомъ Вольдемара и грудь его преисполнилась живѣйшаго удивленія. Въ отважномъ духѣ юноши, узналъ онъ свой собственный; шайное раскаяніе въ томъ, что онъ и одну минушу могъ пишашъ, на него

именно, хотя легкое, но позорное подозрѣніе, возбуждало въ душѣ его какое-то пыльное, мечтательное самоотверженіе. И большой стыдился вшайнѣ своего прежняго отшращенія отъ юноши, котораго столь сильно умѣлъ чувствовашъ. Такимъ образомъ немногіе часы, когда оставляли ихъ однихъ, проводили они въ молчаніи, почти въ тягоспномъ положеніи. Имъ невозможно было начашъ искренній, а шѣмъ еще менѣе равнодушный разговоръ, пока не послѣдовало между ними полнаго сознанія, къ которому приступишъ было очень шрудно для обоихъ, ибо гордый, возвышенный духъ каждаго считалъ умиленіе слабостію, и стыдился зашавишъ говорить свое сердце. Но подобно шому, какъ быстрая рѣка, прорывавшая наконецъ плошину, все вдругъ за собой увлекаешъ, должно было стремленіе ко взаимной любви преодолѣшъ ложный стыдъ, его преграждавшій, и сомкнушъ съ неразрушимую силою двѣ души, одними чувствами пламенѣвшія.

Такъ и случилось. Въ первый вечеръ, въ котораго было позволено было Вольдемару вешашъ съ постели, собрались у него почти все свидѣтели его подвига. Не забыли принести съ собою вина и поспавишъ шсразу, на случай неожиданной помѣхи се-

го маленькаго пиршества. Живошь разговора увлекала каждаго и разумѣлся, что ни одна малѣйшая подробность той доспамятной ночи, не ускользнула ошь воспоминанія собесѣдниковъ. Одинъ Гольгеръ почти не принималъ въ пошь участія; онъ былъ молчаливѣе, нежели когда-либо; но невыразимая радость блискала изъ прекрасныхъ глазъ его.

Когда наспушилъ часъ вечерней молитвы, надобно было разспашься, чпобъ явишься въ общей залѣ, а пошомъ ицши спать. Только Гольгеръ, пользуясь выпрошеннымъ позволеніемъ ходишь за больнымъ, оспался при немъ. Ему дозволено было обмѣняшься кроватями съ другимъ товарищемъ и жишь въ одной камерѣ съ Вольдемаромъ. По болѣзни послѣдняго, еще двое жившіе съ нимъ пишомцы, были на время удалены. Такимъ образомъ два юноши, жаждавшіе взаимной довѣренности, сидѣли на свободѣ другъ пропшивъ друга, и въ первый разъ по выздоровленіи одного изъ нихъ, могли непринужденно объяснишься; но Гольгеръ все еще не могъ найши словъ: онъ смотрѣлъ безмолвно, почти мрачно передъ собою. Вольдемаръ замѣщилъ въ немъ необыкновенную поску.

„Здоровъ ли шы?“ спросилъ онъ забот-

ливо. „Ты говорилъ пакъ мало во весь вечеръ и почти не пилъ вина.

— „Я не могъ“ — ошвѣчалъ Гольгеръ не поднимая глазъ: „не могъ въ присутствіи другихъ; хочу напередъ выпишь одинъ съ побою.“ — Онъ вскопчилъ и доспалъ пару бушылокъ, нарочно имъ спрашанныхъ. — „Но хочешь ли шы пишь со мною?“

„Что за вопросъ?“ сказалъ Вольдемаръ съ жаромъ: „съ кѣмъ же охотишь?“

— „Ты не шутишь?“ продолжалъ Гольгеръ и слезы брызнули изъ глазъ его. „Я не спюю того. Нышь, нышь! я чувствую, шы долженъ ненавиждшь меня.“

„Тебя?“ вскричалъ Вольдемаръ и вскопчилъ пакъ быспро, что жестокая боль ошозвалась въ его, еще слабой ногѣ; онъ вдругъ поблѣднѣлъ и замашался. Гольгеръ въ испугъ бросился, чпобъ поддержать его. Вольдемаръ обхватилъ его обими руками, и пакъ споили оба, заключенные въ крѣпкихъ брашскихъ объашіяхъ.

„Просишь ли шы меня?“ сказала, всхлипывая, Гольгеръ: „я дурно разумѣю о шебъ.“

— „Я шо же о шебъ“ — воскликнулъ Вольдемаръ замирающимъ голосомъ. „Но шеперь эшого болѣе не будешъ.“

„О нѣшь! клянусь Богомъ! никогда!“ подтвердилъ Гольгеръ. „Но ты долженъ теперь узнать всю вину мою; Богъ вѣдаетъ ошъ чего, только я близко былъ, Вольдемаръ, къ тому, чшобъ тебя ненавидѣшь. Но лишь только выпрыгнулъ ты за окно, моя душа прыгнула въ слѣдъ за побою, а съ нею вся злоба моя, моя ребяческая зависть — да, зависть, упала, раздавленная, къ ногамъ швоимъ. Съ шѣхъ поръ чувствую въ себѣ сильное влеченіе поплакать на ненавистной прежде груди швоей. Не смѣйся моей горделивой глупости: я шочно, какъ бы видѣлъ, самаго себя въ тебѣ прославленнымъ. Между шѣмъ просить прощенія, — не ворочался глупый языкъ мой; но шеперь, шеперь — ахъ, можешь ли ты проснишь меня!“

— „Развѣ я не шакъ же виноватъ передъ побою? — Изгладимъ же прошедшее, соединивъ сердца наши для неразрывнаго дружества.“

„Да будетъ!“ воскликнулъ Гольгеръ: „пустишь это вино ознаменуешь союзъ нашъ. Чѣмъ бы мнѣ еще убѣдишь тебя въ моемъ раскаяніи? мнѣ хотѣлось бы опдашь тебѣ чашницу самаго себя, но не знаю, какъ. — Постой!“ — продолжалъ Гольгеръ, сдѣлавъ движеніе радости; пошомъ схватилъ онъ

маленькой морской корпикъ, засучилъ себѣ рукавъ и легонько укололъ руку. — „Вошь кровь моя! выпей нѣсколько капель съ швоимъ виномъ, и тогда мы навѣки будемъ принадлежать другъ другу!“

Огонь его сообщился и Вольдемару, не сполько пылкому. Улыбаясь и со слезами на глазахъ, можешь бышь въ первый разъ съ шѣхъ поръ, какъ вышешъ изъ ребячества — схватилъ онъ корпикъ и шакже прокололъ свою руку, выжалъ въ спаканъ его нѣсколько капель пурпуровой влаги. — „Знаешь ли,“ сказалъ онъ, подавая спаканъ Гольгеру: „чшо предки наши шже кровью своею пили союзъ братства, заключаемый на жизнь и смерть?“ Молча, рука въ руку, выпили они однимъ духомъ кровавое вино.

„Вошь шакъ!“ сказалъ Гольгеръ и разомъ, онъ и другъ его, шакъ сильно опустили на споль спаканы, чшо оба разбились въ рукахъ ихъ. — „Развѣ мы хуже предковъ нашихъ? Будемъ не менѣ вѣрны, не менѣ шверды. Да не осмѣлишься шрешій смущать насъ между собою! Въ шу роковую ночь прояснилась мнѣ истина. Теперь я навѣрное знаю, кшо испоршилъ рисунокъ мой.“

— „Можешь бышь!“ отвѣчалъ Вольдемаръ опривисшо, съ мрачнымъ взоромъ.

„О, навѣрное! — Ты конечно самъ въ помѣ увѣренъ. Да безъ сомнѣннй, ша же рука разрушила и швою работу, хотя...“

— „Нѣшь, Гольгеръ!“ прервалъ его вдругъ Вольдемаръ. И на величайшаго негодя можно взводишь небылицу. Мой рисунокъ — я поклялся, съ эшѣхъ поръ не имѣшь никакихъ ошь себя шайнъ! — мой рисунокъ разрушилъ я самъ.“

„Самъ! зачѣмъ?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ.

— „Ты шель всегда передо мною, и если я спарался спашь выше себя, шо все не хошѣлъ бышь обязаннымъ шакому обыкновенному случаю за превосходство свое, кошораго, можешь бышь, и не заслуживалъ; но съ шѣмъ вмѣстѣ не хошѣлъ я и хвасташься симъ, споль ешешественнымъ чувствомъ; пошому-шо...“

„И шы рѣшился на шо?“ вскричалъ Гольгеръ, прижимая сильно къ сердцу своею его руку: „и еще прежде, нежели Начальникъ нашъ сдѣлалъ шому негодяю намекъ, кошораго не хошѣлъ онъ понять? Ну, шеперь я не могу видѣшь въ шевъ самага себя; пошому, что шы гораздо меня лучше. Мы оба принадлежимъ къ почешнѣйшему сосшоянню въ мнръ, но шобою оно должно гордишься. Однако и шущъ прокрался нѣ-

кто... Послушай! мы заключили неразрывный союзь вѣрности; составимъ же еще вмѣстѣ ограду нашему флагу — чтошбы, какъ снаружи не смѣешь никшо запяппашь его, шакъ и внутри оспавался бы чистѣ голубой цвѣшь одежды сыновъ его. — Ешть ньшпо — зоркимъ взоромъ буду я слѣдовашь за малѣйшимъ его пошупкомъ.“

„И я не менѣ!“ — ошвѣчалъ Вольдемаръ. Да, да, мы одинаково мыслимъ — будемъ и дѣйствовашь единодушно. Какъ чистѣ флагъ, шакже чиста должна бышь одежда сыновъ его. Снисходишь къ просшупку, но ненавиждѣшь безъ милосерднй всякаго, кто порочитъ свое званнє — онъ недостойнъ дружбы.“

— „Конечно недостойнъ“ — сказалъ, размышляя, Гольгеръ: „но все было бы жестко, если бъ пришлось нашего шоварица...“

„Жестко!“ продолжалъ Вольдемаръ нѣсколько покойнѣе: „но могли ли бѣ мы бышь менѣ спроги къ самимъ себя? Послушай, Гольгеръ! шы другъ мой, инаго я не имѣлъ и не буду имѣшь; но если бѣ случилось невозможное, — если бѣ шы сдѣлалъ пошупокъ, недостойный флага, я самъ пошребовалъ бы нвоей крови. И неужели шы, на оборотъ, не захошѣлъ бы шого же?“

— „Я хочу болѣе!“ вскричалъ Гольгеръ. „Надобно помнишь, что и мы люди! Какъ въ старое время члены братства клялись опмщашь за смерть другъ друга, шакъ мы поклянемся опмщашь самимъ себѣ за свою испорченность. Не предполагаю возможно-сти, но пребую опъ шебѣ въ сию священ-ную минушу, пребую обьщанія: если мнѣ случится несчастіе, сдѣлашь шаккой послу-нокъ, кошорый ты, ты съ чистею швоею душою, и я самъ, найдемъ дурнымъ, недо-стойнымъ носимаго нами мундира,— тогда ты немедленно повергнешь меня мершвымъ, чшобъ изгладшь посрамленіе нашего званія. Обьщай мнѣ. По невозможности повода къ тому, мнѣ будешь легко сдѣлашь тебѣ по-же обьщаніе. Но все шакки дадимъ другъ другу слово.“

„Почему не шакъ?“ ошвѣчалъ Вольде-маръ. „Въ самомъ дѣлѣ, если бъ со мной случилось что нибудъ подобное, я счелъ бы еще благодарѣніемъ, когда рука друга изба-вилъ меня опъ заслуженнаго посрамленія предъ цѣлымъ свѣшомъ. Въ эшомъ случаѣ, да будешь смертельная рана послѣднею услугою дружбы. Я не понимаю однако, ка-кимъ образомъ радостныя чувства наши взяли шакое странное направленіе.“

„Опъ того“ — возразилъ Гольгеръ, смѣючись: „что шущъ вмѣшался бездѣль-никъ, и“ — прибавилъ онъ съ пасмурнымъ видомъ — „бездѣльникъ, кошорый носить нашъ мундиръ; и шакъ...“ Друзья ударили по рукамъ, и шѣмъ запечатали взаимный обьщъ.

Черезъ полгода они, безъ дальнѣйшаго испытанія, послушили въ ряды офицеровъ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(*Окончаніе.*)

Исторія Баварскихъ Училищъ съ 1804 — 1825.

Оставить безъ вниманія предлагаемую Г. Т. (на с. 392—417). Исторію ученыхъ школь въ Баваріи съ 1804 по 1825 годъ, значило бы не показашь, на какихъ наблю-

деніяхъ Авторъ преимущественно основаль многія изъ представленныхъ имъ заключеній. Зная, сколь вообще примѣры нужны для объясненія правилъ и доказательства для оправданія положеній, я не только считаю нужнымъ представить извлеченіе изъ сей главы, но даже изложу содержаніе оной бѣльшею частію въ точномъ переводѣ.

Монастыри Баварскіе, принявъ для обезпеченія дальнѣйшаго своего существованія, начальство надъ Училищами, довели оныя до того, что Правительство, въ 1804 году, принуждено было совершенно переобразовать учебныя заведенія. Тогда въ Мюнхенѣ изданъ планъ ученія для всѣхъ Курпфальцъ-Баварскихъ среднихъ Училищъ (*Lehrplan für alle kurpfalz-bayrischen Mittelschulen*). Изсякую въ школахъ жизнь, ученіе, представлявшее только пѣнь нѣкогда процвѣтавшихъ знаній, Правительство надѣялось оживить преподаваніемъ въ Училищахъ Науку, полезныхъ и для житейскаго быту.

Перерожденіе истинно классическаго ученія (*humaniora*) въ школьный бездушный педантизмъ, побудило нѣкоторыхъ друзей человечества искать иного пути къ лучшему образованію юношества. Надобно, говорили они, бросить безплодныя упражне-

нія и занявшись природою и вещами полезными, облегчить ученіе разнообразіемъ и укрѣпить физическія силы тѣлодвиженіями и упражненіемъ. *Базедовъ*, находившійся (при Филантропическомъ заведеніи) въ Дессавѣ, *Кампе* въ Брауншвейгѣ и *Зальцманъ* въ Шнепфенпальѣ, были основателями сего способа воспитанія, который потомъ доведенъ до высшей еще степеніи *Песталоцциемъ* (с. 395).

Такимъ образомъ пошрясена прежняя, изуродованная временемъ система; но съ нею вмѣстѣ поколебались и прочнѣйшія основы всякаго дѣльнаго и высшаго образованія. Дальновидные мужи ужаснулись опасности, предстоящей основательному проевѣщенію, и — началась борьба между двумя значительными парціями, борьба, коюрой причины лучше прочіихъ изложилъ *Нитгаммеръ* (*J. Fr. Niethammer*) въ книгѣ: *Der Streit des Philantropismus und Humanismus in der Theorie des Erziehungsunterrichts unserer Zeit*. Iena, 1808. Доводы его убѣдили Баварское Правительство уже въ 1808 году, вновь преобразовать Училища. Къ изданному тогда постановленію (*Allgemeines Normativ der Einrichtung der öffentlichen Unterrichtsanstalten im Königreiche Bayern*), присовокуплены бы-

ли еще (липографированныя) въ 1810 и 1813 г. дополненія о способъ и основаніяхъ опредѣленнаго онымъ ученія (Ausführlicher Erlass an die sämtlichen General- und Kreis-Kommissariate des Königreichs über die Methode und Grundsätze des in dem Normativ vorgezeichneten Unterrichts; с. 398).

Устроены были *приготовительныя Училища, низшія Гимназіи*, съ принадлежащими къ нимъ мѣщанскими Училищами, собственно такъ называемыя *Гимназіи и Лицеи*.

Въ первыхъ (Primärschulen), раздѣленныхъ на 4 класса и назначенныхъ для обученія дѣтей, съ 8 по 12 годъ, 12 часовъ въ недѣлю, были назначены для Лашинскаго языка и 16 для прочихъ предметовъ (sächlicher Unterricht).

Тоже самое распоряженіе введено и въ *низшихъ Гимназіяхъ* (Progymnasien), съ тѣмъ однако, что присовокуплено и обученіе Греческому языку. Устроенныя при сихъ Гимназіяхъ *мѣщанскія Училища*, были назначены для обученія предметамъ высшей гражданской промышленности, и для приобщенія къ политехническому образованію пакихъ юношей, которые, посредствомъ почныхъ или положительныхъ Наукъ (scieп-

ces exactes) намѣревались образоваться въ высшемъ Училищѣ, и даже въ Университетѣ. Какъ Прогимназіи, такъ и мѣщанскія Училища сіи, состояли изъ двухъ классовъ.

Курсъ гимназическаго ученія былъ раздѣленъ на 4 класса, такъ почно, какъ и курсъ ученія въ мѣщанскихъ или политехническихъ Институтахъ (Realinstitute). Гимназическое ученіе было основано на классикахъ; политехническое же на почныхъ или положительныхъ Наукахъ.

Такимъ образомъ ученіе мальчиковъ съ 12 года, принимало различное направленіе: одни посвящались классическому, другіе реальному или политехническому ученію. Лицеи, тамъ, гдѣ находились, были составлены изъ двухъ философскихъ классовъ, занимающа мѣсто между Гимназіями и Университетами.

Дабы однако, ученіе въ Гимназіяхъ неограничивалось однимъ только чтеніемъ и толкованіемъ классиковъ, (на что назначено было по 12 часовъ въ недѣлю), опредѣлено преподавать еще въ оныхъ: Законъ Божій, ученіе должностямъ (человѣка и гражданина), Мифологію и Археологію, Космографію и Физіографію, Землеописаніе, Исторію (въ нѣсколькихъ классахъ), также логическія

упражнения (logikalische Uebungen), введение въ Философію, введение въ познаніе всеобщей связи Наукъ, и Французскій языкъ (во всѣхъ классахъ). Такое умноженіе числа предметовъ, конечно могло служить только къ уменьшенію основательности ученія. Многосложная сія машина не безъ труда приведена была въ движеніе, за малую плату много образованными Училищами (с. 399).

Тотчасъ въ первые годы, по введеніи сего новаго устройства, оказалось, что политехническія (мѣщанскія) Училища безъ Лашинскаго языка, не могли обратиться въ свою пользу общественнаго мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они вовсе не состоялись; въ другихъ же, скоро опять исчезли, или были присоединены къ народному Училищу, въ видъ высшаго мѣщанскаго Училища. Изъ основанныхъ на первый случай двухъ политехническихъ институтовъ (Real-institute) Аугсбургскій, по недостатку въ учащихся, упраздненъ уже въ 1811 году. Другой, въ Ниренбергѣ, угрожая погибелію старой, основанной Меланхтономъ, Гимназій, не могъ приобрести довѣрія гражданъ, доколь городъ не принялъ онаго на свое собственное попеченіе. Но и шунъ онъ существовалъ только до 1816 года (с. 400).

Такъ-то погибли политехническія Училища, болѣею частію отъ того, что изъ оныхъ вовсе исключено было классическое ученіе, а низшія и высшія Гимназій не могли достигнуть цѣли поному, что въ оныхъ число предметовъ ученія было слишкомъ велико. Не менѣе вредно было и то, что родилели, желая непременно, чтобы дѣти научились сперва отечественному языку, отсылали ихъ въ Лашинскую школу не ранее 10, 11 и даже 12 года, что не позволяло достаточнo и основательно пригoтовить учащихся. Къ тому еще присовокупилось невѣжество преподавателей Философскаго класса, которые, неспoсигая цѣли своего опредѣленія, спали преподавать *полный курсъ* Философій, — не соотвѣтствующій ни лѣтамъ, ни понятіямъ Гимназійства.

Но всему этому можно бы было еще пособить: — надлежало бы только усилить классическое основаніе всего ученія, исключивъ излишніе предметы преподаванія и улучшить качества и состояніе Училищ. Для сего въ 1816 году предпринято новое преобразование учебныхъ заведеній. — И что же сдѣлано? — Низшія пригoтовительныя Училища, пребывавшія укрѣпленія, ослаблены; ибо изъ четырехъ классовъ сдѣлано два.

Къ тому же всё они были вовсе отдѣлены отъ прочихъ учебныхъ заведеній, лишеніемъ права на полученіе суммъ изъ училищнаго капитала, и предоставлены на попеченіе мѣснаго вѣдомства, болѣею частію обдѣльнѣвшихъ приходоѡ и недостаточныхъ гражданъ. Еще хуже, почти, поступлено съ самими Гимназіями. Вмѣсто того, чтобы дать другое направленіе Философскому ученію, оно исключено было вовсе, а вмѣстѣ съ Учительемъ Философіи, удаленъ былъ и Профессоръ Математики. Трудно повѣришь сему въ 1826 году!

Философія и Математика перенесены были въ Лицей. Такимъ образомъ, Гимназія была совершенно отдѣлена отъ Университета (с. 404), не взирая на то, что все еще предполагалось, чтобы учащіяся изъ Гимназій поступали въ Университетъ (*). Превращенная мѣра сія была вредна сколько

(*) Такой переходъ отъ классическаго ученія къ систематическому упражненію въ Наукахъ, безъ всякаго къ тому приговора, Г. Брауншвейгъ, не безъ основанія уподобляетъ паденію Ифеста (Вулкана), который, будучи изверженъ отъ сонма Боговъ, принужденъ проводить земное многошрудное бытіе свое въ мрачной кузницѣ.

для Гимназій, сколько же, и даже болѣе еще, для Университетовъ. Изъ первыхъ выходили молодые люди, недовершившіе надлежащимъ образомъ гимназическаго курса, неприведшіе въ умъ своею въ порядокъ всего того, чему они обучались въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ; а въ Университетѣ поступали такіе, которые не были еще достаточно къ тому приговорены, т. е. не имѣя предварительныхъ понятій объ основаніяхъ, постепенномъ развитіи и связи челоѡческихъ познаній. Класный учитель, и по *одной* только, долженъ былъ преподавать по 18 часовъ въ недѣлю, сверхъ языковъ Латинскаго и Греческаго, также отечественный языкъ нѣсколько (etwas) Математики, Исторіи и Географіи, и по *изнаніи Философіи, съ вѣщшею основательностію* Законъ Божій. Классы были наименованы по порядку: классами *Вѣры, добродѣтели, надежды и любви*. Въ высшемъ классѣ, (удаливъ даже основаніе Философіи), требовалось изложеніе единства Христіанскаго ученія и умозаключенія. Каждое слово въ семъ отношеніи, было бы излишнимъ примѣчаніемъ! И вопль на чемъ хошѣли основать прочностъ ученыхъ школъ (der gelehrten Schulen)! — Чувствовали, что нужно уменьшитъ число Учителей въ каждомъ осо-

бенномъ классѣ, и для сего, — даже Машематику и самый Законъ Божій, заставили преподавать единошвеннаго лишь класнаго Учителя. Потерянь былъ средній путь, а съ нимъ и возможность достигнуть цѣли учебныхъ заведеній! Пуще всего ошъ шакихъ мѣръ поспрадала Машематика. Но пагубныя послѣдствія сей крайности обнаружились шакъ скоро, что уже по прошествіи немногихъ лѣтъ, спали (не опказываясь впрочемъ явно ошъ принятой системы), подъ разными предлогами, вводиль при нѣкопорыхъ заведеніяхъ, особыхъ Учителей Машематики, а пошомъ и Закона Божія. Самые успѣхи учащихся въ Географіи и Исторіи были поддерживаемы только усердіемъ просвѣщеннѣйшихъ насшавниковъ.

Спустия нѣсколько мѣсяцевъ по введеніи сей, весьма неушъщительной для просвѣщеннѣйшихъ мужей системы учения, высшее начальство, водворившее оную, было переименовано. Не взирая однако на явное разстройство Училищъ ошъ сей системы, не взирая на неумѣшность оной, шоржешвенно признанную и новымъ начальствомъ, прежній порядокъ и безпорядокъ, остались въ своей силѣ, и существовали до 1824 года. Такимъ образомъ, не менѣе семи лѣтъ

старались пособлять всемъ неудобствамъ только частными средствами (с. 407).

Въ упомянутомъ 1824 году, желаніе пошобиль явному неуспрошству, наконецъ приблизилось къ своему исполненію. Но не прошло года, послѣ начертанія новаго плана Училищъ (Schulplan), какъ уже, по причинѣ многихъ препяшшвій, ошяшъ должно было принять новыя дѣятельнѣйшія мѣры.

Вмѣсто того, чтобы обратиться къ пошпановленіямъ 1816 года, и исправить показанныя выше недосшакки оныхъ, вмѣсто введенія Лашинскаго языка въ низшихъ классахъ, пригошовительныя Училища оставлены при двухъ только классахъ; и самый надзоръ за оными поручень мѣшшному начальству, которое уже должно было пецися о содержаніи оныхъ. Пагубныя послѣдствія сего шоль очевидны, что не шребушъ никакого изложенія.

Низшія Гимназіи (Прогимназіи), копорыя удобно могли бы сосшавлять особыя Училища, назначенныя для окончательнаго пригошовленія къ гимназическому курсу (с. 409), были присоединены къ высшимъ Гимназіямъ. Наконецъ, къ шимъ же высшимъ Гимназіямъ, присошкупленъ еще Лицейскій классъ, въ коемъ, сверхъ изыясненія Греческихъ и Лашинскихъ Писателей, надлежало

преподавать Исторію, Математику, и изъ Философскихъ Наукъ наипаче Логикѣ. Теперь впади еще и въ другую крайность. Казалось, что всѣ несовершенства происходящія отъ недоспѣшного ученія Философіи, которую каждый Университетскій студентъ, обязанъ былъ слушать въ продолженіе одного года, а Лицейскіе въ теченіе двухъ лѣтъ, до поступленія въ какой либо опредѣленный Факультетъ. Почему же, спросили, *одинъ* только годъ въ Университетѣ? Развѣ возможно съ основательностію довершить въ теченіе года весь Философскій курсъ? И такъ, для водворенія основательности, (и дабы не прибавлять къ Университетскимъ 4^{мъ} годамъ, ученія пятого) присовокупленъ былъ Философскій классъ къ Гимназіямъ. — Слѣдственно, начало основательности полагалось только въ высшихъ классахъ. Не значить ли это, прикрывать пестрою маншіею красныхъ словъ пощее шло ученія? И одна Логика доспѣшна ли для совершеннаго мышленія? — Конечно, столь же мало, какъ и одно лишь познаніе правилъ Поззіи или Риторики, для произведенія кого либо въ Поэты или въ Вишіи.

Не рѣшено было и то, принадлежалъ ли Лицейскій классъ къ самой Гимназіи,

или не составлялъ ли оный родъ особаго высшаго Училища. Ученикамъ, довершившимъ курсъ гимназическій по прежнему, безъ предварительнаго посѣщенія Лицея, дозволялось поступать въ Университетъ. Весьма естественно, что Лицей отъ сего опустѣли. Запущанность увеличилась еще болѣе, когда надлежало уменьшить число гимназическихъ классовъ. Какъ бы нарочно новому плану былъ пожертвованъ низшій классъ Гимназіи. Тогда-то ученики, довершившіе ученіе въ приготовительныхъ классахъ, не были еще приготовлены къ поступленію въ Гимназію. Учредили между приготовительнымъ Училищемъ и Гимназіею, новый классъ (*provisorische Classe*), въ коемъ до чрезвычности накоплялось число учащихся; между тѣмъ, какъ въ такъ называемомъ Лицейскомъ классѣ, былъ недоставокъ въ слушателяхъ. Кончилось тѣмъ, что Директорамъ предославлено было право, успроивать Училища по собственному своему усмотрѣнію, на основаніи какого либо прежняго постановленія (с. 413).

Учрежденіе Лицейскаго класса при Гимназіяхъ, было вредно еще и поному, что въ ономъ преподавались не всѣ предметы, коимъ обучались въ самыхъ Лицеяхъ. По сему-то тѣ, которые намѣревались пробить

второй годъ Философскаго курса не въ Университетъ, но въ Лицеѣ, не были доспашочно приготовлены для высшаго класса сего заведенія.

Не взирая однако, на всѣ неудобства сего новаго плана ученія, нельзя отказать ему въ справедливомъ уваженіи къ нѣкопорымъ благимъ мѣрамъ, въ ономъ изложеннымъ. Таковы напр: ограниченіе числа учащихся въ каждомъ особомъ классѣ и улучшеніе учительскаго жалованья; умноженіе классическаго ученія, опредѣленіе особыхъ преподавательей Математики и Закона Божія, и наконецъ введеніе Философскаго пригтовленія для поступленія въ Университетъ. Вопш положеніе, въ коемъ новое начальство нынѣ принимаетъ подъ свое покровительство учебныя заведенія. Двадцатипятилетняя опытность и многократныя неудачи наилучшимъ образомъ могутъ руководствоватъ его попечительностію, при опредѣленіи новыхъ дѣятельныхъ мѣръ. Къ счастью Баваріи, несомнѣнно однако, что Училища, не взирая на всѣ неудобства, препятствовавшія успѣхамъ оныхъ, нынѣ находяшся въ лучшемъ положеніи, нежели предъ симъ за двадцать лѣтъ.

О происпвданиі учащихся.

Изложивъ мысли свои о предметахъ ученія, Г. Тиршъ обращается къ обстоятельствамъ, отъ коихъ почившаго опредѣленія также зависѣть можетъ благоденствіе учебныхъ заведеній.

Говоря о шерпимости, исходящей отъ Престола Монаршаго, объ основанномъ на оной общеспвенномъ мнѣніи, упрочивающемъ благоденствіе всѣхъ подданныхъ, и наконецъ о слабыхъ по уму и по числу своему противникахъ сего чувства благородной шерпимости, Г. Тиршъ (на с. 428) обращается къ малочисленной сей полпѣ слѣдующими словами: „So strebst du umsonst in die Stunden der Dusterheit umzukehren, wenn die Nacht vergangen ist, in den Frost des Winters, wenn die Tage des Frühlings sich über die Fluren ausbreiten. Die Sonne hat sich höher über den Horizont emporgeschwungen: ihr erwärmender Strahl hat über Hain und Flur seine Kraft ausgebreitet. Was du auch beginnst, dass es anders werde: die Knospen und Blumen des jungen Jahres werden hervorbrechen, und welches auch deine Wünsche seyn mögen, du selbst wirst in seinem Umschwunge fortgetragen und von seiner belebenden Kraft berührt werden; wenn auch dein Fuss schon am Rande des Grabes steht, und deine Augen

sich unverrückt auf das Bild einer Zeit richten, welche dir in dasselbe vorangegangen ist.“

Въ особенности Авторъ похваляетъ мѣры Баварскаго Правленія Училищъ за то, что оное не дѣлало никакого различія, относительно въроисповѣданія учащихся, въ то время, когда надлежало безъ оплагашельства присступашъ къ улучшенію Училищъ, и что тогда только начало обращашъ и на сей предметъ вниманіе, когда уже достаточно было образовано учителей изъ Баварской націи. Тогда то стали въ Каполическихъ городахъ Королевства опредѣлять болѣею частію Каполичковъ, а въ Протестантскихъ Протестантовъ, что самое, если бы было наблюдаемо не во время, конечно принесло бы шокмо вредъ, а не пользу. Въ Аугсбургѣ, единственномъ городѣ, гдѣ еще существуешь распря между Каполичизмомъ и Протестантствомъ, Г. Тиршъ совѣтуешь опредѣлять Учителей обоихъ въроисповѣданій, для успѣшнѣйшаго вселенія въ жителей единодушія; почему и нынѣшнее существованіе при тамошней Гимназіи Протестантскаго Ректора (Вагнера) и Конректора изъ Каполичковъ (Гаспрейпера), онъ признаешь весьма умѣшнымъ (с. 43г).

О надзорѣ за поведеніемъ учащихся.

Глава о дисциплинѣ или надзорѣ за поведеніемъ воспитанниковъ ученыхъ школъ (Zucht der gelehrten Schulen), менѣ прочихъ представляешь рѣшительныхъ совѣтовъ Автора. По сему она, кажется, и менѣ удовлетворительна. Какъ однако, главнымъ предметомъ разысканій Г. Тирша, было распределеніе ученія, то оспается поблагодарить его и за тѣ извѣстія, которыя онъ въ сей главѣ намъ предлагаетъ.

Опредѣлить приличныя во всякомъ случаѣ мѣры, къ поддержанію благоустройства учебныхъ заведеній, говоритъ Сочинитель, едва ли не прудиве еще, чѣмъ назначить съ достовѣрностію благонадежнѣйшій ходъ ученія.

Не рѣшаясь самъ собою опредѣлить въ точности, какую надлежало бы наблюдать дисциплину въ Нѣмецкихъ Училищахъ, Г. Тиршъ (на с. 460 и д.) думаетъ, что въ сѣмъ отношеніи, не худо было бы пригласить просвѣщеннѣйшихъ Директоровъ разныхъ Училищъ, къ изложенію мыслей ихъ, основанныхъ на долговременной опытности. Они, наилучшимъ образомъ, могли бы опредѣлить отношенія учащихся къ учащимъ, и сихъ послѣднихъ къ Директору и родителямъ.

Вообще же Авторъ нашъ полагаетъ, что юношамъ должно бы воспрещить посѣщеніе публичныхъ мѣстъ, танцовъ, пиршествъ, концершовъ и театра. — За опущеніемъ родителей, назначить квартиры, въ коихъ имъ проживать можно, или же соединять ихъ въ особыхъ домахъ, подъ надзоромъ опредѣленныхъ на сей конецъ Инспекторовъ. Далѣе, предписать распорядокъ ежедневныхъ занятій, наблюдать за опрятностію одежды и чистою книжкою; за почтнмъ посѣщеніемъ лекцій, за поведеніемъ, въ отношеніи къ учителямъ и поварицамъ; — въ случаѣ же непослушанія, подвергать учениковъ такимъ наказаніямъ, которыя въ сословіи вразумить ихъ, и въ то же время предохранить отъ домашняго баловства. Неумѣстное челолюбіе въ школахъ, есть ужаснѣйшее безчеловѣчіе; ему - то большая часть развращенныхъ юношей обязана своею погибелью (с. 461) (*).

Для совершеннаго образованія молодыхъ людей, столь же необходимъ строгій над-

(*) Предписываемая вѣрою снисходительность къ слабостямъ ближнихъ, была бы весьма неумѣстна, въ отношеніи къ школьнымъ преступленіямъ. Это весьма хорошо знали уже древніе мудрецы и Святыя мужи, сохранившіе для насъ какъ въ Вѣтхемъ, такъ

зоръ за поведеніемъ, какъ и основательность въ ученіи (с. 432). Но самая строгость бываетъ двойкая; и Авторъ по сему случаю, рассказываетъ видное имъ въ Училищахъ Италіанскихъ и Англійскихъ, въ коихъ строгость дисциплины основана на началахъ совершенно противоположныхъ.

Въ Италіи *Institutores* и *Governatore*, *Profetto* и *Sottoprefetto*, *Confessore* и *Archiprete* все спарашая проникнуть въ внутренность учащагося и завладѣвъ оною; въ Англіи наблюдающъ только за почтнмъ исполненіемъ училищныхъ правилъ, не касаясь личности и расположеній учащихся. Посему-то, Италіанскія школы образуютъ большею частію людей малодушныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ, словомъ, покорныхъ льстецовъ, скрывающихся подъ личиною смиренныхъ агнцевъ; Англійскія же, мужей бодрыхъ, самостоятельныхъ и чистосердечныхъ (с. 438 и д. 458 и д.)

Въ Римѣ мальчики, съ юныхъ лѣтъ забираются въ Семинаріи и Паціоны. Въ

и въ Новомъ Завѣтѣ благія поученія, къ сему предмету относящаяся. Удостоверись въ семь, могутъ служить мѣста Св. Писанія: Притчей Соломон. XII; 23; XIX, 18; XXII, 16; XXIII, 13 и 14; XXIX, 15 и 17; — Иисуса сына Сирахова XXX, 1 и д; и Посланія къ Евсею VI, 4.

особенной одеждъ, сходствующей съ духовнымъ облаченіемъ, они, въ опредѣленные часы дня, подъ предводительствомъ духовнаго воспитателя ихъ, попарно прохаживаются въ молчаніи, или же громко читая молитву. Пламенность Римская въ нихъ усмирена спростію, и блѣдность лицъ свидѣтельствуешь о расслабленіи силъ ихъ. Внутри заведенія, всякое свободное движеніе прещается, и каждое занятіе подлежащъ спрогому надзору. Наказанія состоятъ въ уменьшеніи или лишеніи пищи, въ умноженіи работъ и въ содержаніи въ заперши, рѣдко въ тѣлесномъ наказаніи.

Въ Англіи соблюдается большая строгость въ школахъ и въ порядкѣ ежедневныхъ занятій; въ свободные же часы, ученикамъ даётся полная воля для игръ и безвредныхъ упражненій. Иностранцу даже нельзя совѣшавать, ишобы онъ безъ проводника явился на мѣсто, назначенное для ученическаго гулянья. Учитель естъ не другъ, но повелитель учащагося, онъ незабоишься о наклонностяхъ его, но шокмо о шочномъ соблюденіи постановленныхъ правилъ. Верховный наставникъ (Heathmaster), естъ полный господинъ въ Ишонѣ (главномъ Училищѣ въ Лондонѣ). Онъ одинъ, въ черномъ облаченіи своемъ, въ состояніи содержать въ боязни до 600 юныхъ Англичанъ. Дѣши

Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и просныхъ дворянъ (Gentlemen), всѣ равномерно подвластны его розгамъ (Birckenreis), коими онъ одинъ въ правѣ изъ своихъ рукъ наказывать ослушныхъ. Когда Госпожа Жанлисъ спросила славнаго Борка въ Лондонѣ объ основаніи (principes) ихъ воспитанія! Боркъ опправился съ нею въ *Huddepark*, и шущъ, показывая на березникъ, сказалъ: вошь орудіе нашего воспитанія! Всякіе другіе побои, и даже брань, произвели бы вредное вліаніе на юнаго Англичанина; къ розгѣ же онъ привыкъ съ дѣтства. Общешвенное мнѣніе защищаешь сію систему воспитанія, на основаніи коей, верховный Учитель шолько всшупаешь въ права и обязанности родителей (с. 442). Но шущъ, въ Ишонѣ, онъ одинъ шолько имѣешь исполнительную власть (executif power); онъ лично долженъ наказывать провинившихся, между шѣмъ, какъ у насъ Учитель спыдился бы сей обязанноспи (*).

Въ Англіи намѣревались было ввести дисциплину швердой земли въ одномъ военномъ Училищѣ. Послѣдствіемъ сего было шо, шшо для усмиренія воспитанниковъ, надлежало

(*) Уставомъ учебныхъ заведеній, подѣдомыхъ Ш. Дерптскому Университету (§ 66), Учителямъ именно возбраняешь ударить ученика.

послать военную команду; тогда они объявили себя осажденными, и для избежания кровопролития, осталось одно средство: дозволить имъ свободное возвращение въ свои дома. Примеръ сей побудилъ начальство ввести въ семь Училищъ прежній старо-Английскій порядокъ.

Верховный Учитель въ Эпонъ имѣеть Ассистентовъ, кои между собою раздѣляютъ надзоръ за всѣми вообще учащимися. Самое обученіе, производящъ частные Училища или попечители (*private tutors*), подъ надзоромъ Училища. Училища сии, копорые иногда уже съ дѣтства находились при своихъ воспитанникахъ, обучаютъ юношей на квартирахъ, и состоятъ въ вѣдѣніи ассистентовъ и верховнаго Учителя. Публичныхъ лекцій бываешь немного; иногда въ день не болѣе двухъ или трехъ часовъ; онъ служать преимущественно для повѣрки успѣховъ (с. 447).

Въ самомъ Училищѣ помѣщающася около 100 питомцевъ, коихъ ежедневная пища состоить въ баранинѣ, за обѣдомъ жареной, а вечеромъ вареной (*). Прочіе живутъ по

(*) Однако съ недавняго времени, по особому заведенію какого-то благойворителя, стали приправлять мясо сіе каршофелемъ (с. 449).

домамъ у спешенныхъ вдовъ, имѣющихъ онъ верховнаго Учителя дозволеніе, содержащъ у себя онъ 6 до 10 и болѣе воспитанниковъ. Весь порядокъ домашней жизни опредѣленъ съ точностію, и хозяйка обязана строго наблюдать за своими воспитанниками. Умолчаніе о несоблюденіи ими какихъ либо предписанныхъ правилъ, лишило бы ее навсегда права содержащъ у себя учениковъ (с. 451); довольно же одной жалобы паковой начальствомъ одобренной хозяйки, для несомнѣннаго и безпрекословнаго наказанія поспояльцевъ ея, копорые зимою въ 7, а лѣтомъ въ 8 часовъ вечера, непременно должны бытъ дома (с. 450 и д.). Малѣйшее опшунденіе онъ сего правила, равно какъ и онъ всякаго другаго училищнаго постановленія, подвергло бы учащагося наказанію: его высѣкли бы, не взирая ни на лѣта его, ни на состояніе его родителей. Г. Тиршъ рассказываетъ, что онъ однажды съ соупникомъ своимъ былъ въ гостяхъ у шой дамы, у коей между прочими воспитанниками, находился и сынъ Бругама (*Brougham*). Съ особеннымъ удовольствіемъ, они замѣтили оприятность комнащъ, размащивали собраніе лучшихъ классическихкихъ сочиненій и разныхъ книгъ, нужныхъ для выразумнія онныхъ; любовались точностію письменныхъ

упражнений, и радовались основательности в классических познаниях. Съ ними был молодой человекъ (Crawford), жившій опшудашагахъ въ двадцати, у другой хозяйки. Въ 8 часовъ, говоритъ Г. Тиршъ, онъ спѣшилъ домой, никакъ не внимая нашему приглашенію, чшобы онъ онъ насъ не опшудчался. Для сего нужно было дозволеніе главнаго Учителя, который на письменной просьбѣ нашей подписалъ: „дозволяешся на два часа, во уваженіе опшличныхъ особъ, о томъ „просящихъ.“ Тутъ возвратился къ намъ сей весьма образованный воспитанникъ, котораго послѣ 10 часовъ вечера, уже ничто не могло бы болѣе удержатъ въ нашемъ кругу (с. 454). — Воспитанникамъ Ишонскимъ въ Лондонѣ, дозволяешся жить только по сю сторону Темзы, кой мостъ естъ предѣлъ всѣхъ ихъ прогулокъ. Никакія празднества прошивоположнаго берега не могутъ извинить перехода чрезъ оный. Гулянья бывающъ только на определенномъ для того мѣстѣ, и ученикамъ на улицѣ не дозволяешся самимъ собою вешуашъ въ разговоръ съ чужими для нихъ лицами.

Власть высшаго Учителя такъ безусловна, что ей никакая другая власть противопавшися не можешъ. Доказательствомъ сему служить примѣръ Фокса. Сей, будучи

еще юношею и любимцемъ опца своего, Лорда Голланда, былъ взятъ въ Парижъ, когда Лордъ, въ званіи Великобританскаго Полномочнаго Министра, ѣздилъ шуда для мирныхъ переговоровъ. Фоксъ былъ введенъ въ блистательнѣйшіе круги и осыпанъ ласками. Почетное званіе родителя и собственнаго его дарованія обращали на него всеобщее вниманіе. Но протекли дни роскоши и непрерывныхъ празднествъ, и ему надлежало возвратиться въ Ишонъ. Тутъ онъ вздумалъ явиться въ щегольскомъ одѣяніи молодаго кавалера, въ привезенныхъ съ собою изъ Парижа кожаныхъ панталонахъ и въ саноггахъ (*). Товарищи спали около него толпишся и удивлялись его костюму. Но Докшоръ Деви (Davis), тогдашній главный Учитель, замѣшивъ сіе, тотчасъ приговорилъ его къ наказанію за опшупленіе опъ школьныхъ правилъ. Фоксъ спалъ проливившися. „Такъ я исключу васъ!“ былъ опвѣтъ Учителя. Фоксъ писменно убдительнѣйше просилъ опца своего, истиннаго

(*) Обыкновенная одежда воспитанниковъ въ Ишонѣ, состояла въ синемъ фракѣ и желтыхъ нанковыхъ исподницахъ; обувь же въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ. Только въ добротѣ и шовкости матерій допускаешся различіе (с. 448).

друга самого Короля и сильнѣйшаго тогда Министра, чтобы онъ отвратилъ отъ него наказаніе. Лордъ Голландъ пытался было освободить отъ розги взрослого уже сына своего, но послѣ нѣкошорой переписки, онъ отвѣчалъ ему, что не можешь спасти его. Тогда наказаніе съ бѣльшею еще строгостію приведено въ исполненіе, и оно такъ подѣйствовало на молодого Фокса, что онъ во всю жизнь свою благословлялъ память Доктора Деви, пробудившаго его отъ пагубнаго очарованія и возвратившаго его самому себѣ (с. 456).

Изгнаніе учащихся изъ школы зависить непосредственно отъ главнаго Учителя. Оно для исключеннаго служитъ такимъ пятномъ, которое во всю жизнь его неизгладимо; ни званіе, ни богатство, ниже какія бы-то ни были опличія, не въ состояніи когда либо истребишь онаго (с. 455). Но за то и главный Учитель непременно долженъ быть справедливъ. Малѣйшее неправосудіе или пристрастіе, съ его стороны, было бы поводомъ къ его собственной гибели. Тогда самые воспитанники довели бы его до опчаанія (с. 457).

Но не одною строгостію поддерживаются благосостояніе Англійскихъ школъ и успѣхи учащихся. Подобно наказанію, и на-

грады превосходнѣйшихъ учениковъ въ Англии, у насъ необыкновенны. Такъ напр. въ Училищѣ сохраняются портреты лучшихъ воспитанниковъ, отъ коихъ въ послѣдствіи времени, можно было ожидать великихъ подвиговъ. Г. Тиршъ видѣлъ тамъ портреты Пишпа, Каннинга, Фокса, Веллесея и другихъ знаменитыхъ мужей, писанные въ юности ихъ. Если же ученикъ на лекціяхъ, слушающихъ испытаніемъ, явилъ превосходные успѣхи; то главный Учитель одобряетъ его, между тѣмъ какъ онъ же, послѣ лекціи, наказываетъ розгою лѣнивцевъ. Буде же кто-либо представитъ необыкновенно удачное занятіе, напр. очень хорошіе Латинскіе списки, то случается, что въ награду за сіе, цѣлое Училище пользуется полуденнымъ гуляньемъ, что иногда уже на всю жизнь впечатлѣвало въ соученикахъ уваженіе къ виновнику такого праздника (с. 446).

Наши Нѣмецкіе Педагоги, говоритъ Г. Тиршъ, стали нѣкоторымъ образомъ подражать Испанцамъ, желая, по безпредѣльному своему своему челоуколюбію, вникать въ глубину сердецъ воспитанниковъ, дабы тѣмъ лучше успѣшь въ передачѣ онымъ благосни души своей (с. 459)! — Въ нашихъ Гимназіяхъ, относительно дисциплины, много не-

опредѣленнаго, и вообще недоспашокъ въ швердыхъ правилахъ; случается и то, что новомодные воспитатели не преняшпшуютъ юношамъ доходить до самой бездны погибели, дабы ошъ оной уже ошвлечь ихъ насильственнымъ образомъ; шарики дьлаюшся младенцами, дабы успьшнше руководспшвовашъ дьшей, и, что всего важнше, любовью Совьшникъ, или неблагоразумная супруга его, вооружается прошивъ Учишеля, которьй наказываетъ порочнаго сына ихъ; между шьмъ, какъ въ Англш, и сильнйшшй Миниспръ не въ сосшоянш отшврашшшь розги ошъ своего любимца. Къ сему у насъ присовокупляются еще нарушающя домашншй порядокъ пиршества и разныя гулянья, танцы, балы, театры и концерты, — за ними сльдующш: госпшницы, шракшшры, а наконецъ и заемныя дома (с. 460).

Спшротость необходима! Но съ другой спшроны, Училище не должно бышь уподобляемо и смшршшльному дому (с. 462). Не должно лишашъ юношей независимости, приличной льшамъ ихъ; не должно преняшпшвовашъ свободному развшшю всехъ ихъ способностей, доколь дьшствш воспитанниковъ не прошивны порядку; не сльдуешь разрушашъ свойственной каждому своелчностш (*Eigenthümlichkeit*). Воспитателямъ

напросивъ сего, для укрьпленш въ юношешвь шьслсныхъ силъ, надлежшшь спшарашься о разшообразш игръ ихъ, не вмьшшваяся впрочемъ въ оныя (с. 462 и 463). Образованше правешвенное не ошдьльно ошъ укрьпленш физическшхъ силъ. Но да уштраншпшся ошъ насъ вся неосновательная боязнь и недовьрчивость къ самшмъ себь и къ юношешву; недовьрчивость, которая уже за ньсколько льшь предъ шмъ, обмешала насъ своими шенешами, спьшняя грудь нашу и движеше рукъ! Токмо съ благороднымъ довьршемъ къ намъ самшмъ и къ сынамъ нашшмъ, можно будешъ надлежащшмъ образомъ ушстрошшь Училища и образовашъ людей мужешвенныхъ, швердаго и добраго права (с. 464)!

Посль совьшовъ Г. Тшрша, выслушаемъ мшвнше одного изъ ревностныхъ воспитателей юношешства въ нашемъ ошечешствь. Обращамшся къ сочиненшамъ Г-на Брауншшвейга и посмошршмъ, что говоршшь ошъ, (въ книгь *die Organisation d. Gymnasien* и пр.), о надзорь за поведешемъ учащшхся, и вообще о дисциплинш и порядкь Училищъ.

Наставникъ долженъ спшротайше наблюдать за опршшшностшю учащшхся, какъ въ ошшошенш къ одеждь, шакъ и къ книгамъ

ихъ (*). Равнообразно, и самое Училище должно быть помещаемо въ приличныхъ покояхъ, могущихъ чистою своею службою примѣромъ для учащихся (с. 43).

Въ школь должна господствовать истина, а не ложь (с. 44) (**).

Директоры или Соприиселени Училищъ, въ отношеніи къ Учителямъ, должны быть болѣе наблюдашелями, нежели повелителыми, особливо въ присуществіи воспитанниковъ.

О необходимыхъ распоряженіяхъ, Директоръ съ Учителями можетъ разсуждать въ классахъ, не предъ учениками (***) . Строгость въ избраніи Учителей, можетъ освободить

(*) Величайшая точность и опрятная наружность принадлежатъ къ неперемѣннымъ условіямъ хорошихъ учебныхъ книгъ, какъ сіе замѣчено уже въ *Библиографическихких* листахъ 1825 года на с. 159.

(**) Посему-то уже въ Уставѣ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ (Высочайше утвержденного 5 Ноября 1805 г. § 44) сказано: Учитель долженъ всегда, какъ самъ говоритъ правду, такъ и дѣтей наставлялъ говорить оную. (Період. сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія No VIII, с. 24).

(***) Въ § 49-мъ Устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ, положено, чтобы въ первое Воскресенье каждаго мѣсяца, Учители Гимназій собирались къ Директору для педагогическихкихъ совѣщаній.

Директора отъ излишняго самоуправства, столь вреднаго для Училищъ (с. 37 и д.).

Публичные экзамены суть шокмо и пышанія большаго или меньшаго самолюбія самихъ Учителей. Директоръ, принимающій въ Училищъ учениковъ, пусть посѣщаетъ по цѣлымъ днямъ учебныя заведенія, а родители пускай приходять, когда имъ заблагодарсудится, для удословренія себя въ духъ, господствующемъ въ Училищѣ. Переводъ учениковъ изъ низшаго класса въ высшій, долженъ зависѣть непосредственно отъ самихъ Учителей: Директоръ и въ семь случаевъ можетъ быть только наблюдашелемъ. Но ошибшись въ выборѣ Учителя, да смѣняешь его безъ замедленія, а пресрарьлымъ Учителямъ Государство да воздасть дань, должную ихъ шрудолюбію.

Къ главнымъ положеніямъ Г-на Брауншвейга, на коихъ онъ основываетъ свое мнѣніе, принадлежитъ то, чтобы Училища въ устройствѣ своемъ сколько можно болѣе соотвѣтствовали мірскому быту нашему. По сему-то, онъ полагаетъ, чтобы не было въ классахъ, существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Консуловъ, Цензоровъ и Дикшаторовъ (с. 10). Училища, особливо сельскія, по его мнѣнію, могли бы уподобляться церковнымъ приходамъ, въ коихъ Учи-

пель былъ бы главою; лучшіе ученики сход-
сшвовали бы со спаршинами (с. 37), а учи-
пельскіе помощники (коллабараторы) съ
Діаконами (*).

Учительскіе помощники или сотрудни-
ки, на самомъ опыть приготавлиюцца къ
учительскому званію, что конечно весьма
полезно и нѣкошорымъ образомъ замѣняетъ
Семинаріи (или Педагогическіе Институты-
шы, с. 40).“

Къ важнѣйшимъ замѣчаніямъ Г-на Браун-
швейга, каженся, принадлежишь то, что
система образованія юношества, должна бы
быть основана не на одномъ *честолюбіи*,
но паче всего на *совѣсти*. Примѣчательны

(*) Неумѣстность сего замѣчена уже въ Рижской
Газетѣ, Ostsee Provinzen Blatt 1825, No 23, коея
Издатель впрочемъ оканчиваетъ любопытное объ-
явленіе свое о книгѣ Г. Брауншвейга слѣдующими
словами: Aber dessen allen ungeachtet muss man
den Vortrag mit dem Ausrufe begleiten: „Hört ihn!
Hört ihn!“ und dem Verfasser die Hand drücken
mit einem „Dank dir!“ — Предположеніе, чтобы
лучшіе ученики были наставниками слабѣйшихъ,
какъ видно, сближаетъ обыкновенные школы съ
Лаикастерскими, на кои Г. В. обращаетъ вниманіе
также въ сочиненіи своемъ объ устройеніи Латыш-
скихъ народныхъ Училищъ (Ideen zur Gründung
eltlicher Landmannsschulen, с. 16, 46, 52).

въ семь отношеніи и слова Комментатора
его (на стр. 44), который говоритъ: „Den
Ehrtrieb zum Haupthebel der Erziehung machen,
heisst Wildlinge auf Wildlinge pflanzen. Was das
für Früchte giebt, lehren die Universitätsduelle.“
Изыскывая способъ замѣнишь, (хотя опча-
сти) нынѣ употребительныя средства къ
пробужденію въ учащихся соревнованія въ
ученіи и къ удержанію ихъ въ надлежащемъ
порядкѣ, Г. В. излагаетъ причины учениче-
скихъ прегрѣшеній. Просупки юношества,
говоритъ онъ (с. 46), происходятъ наиболѣе
1) отъ непамятованія закона, или 2) отъ
шалости, т. е. отъ чувства излишней си-
лы (Muthwille, Spielen mit der Kraft), или же
3) отъ чувственнаго побужденія (sinnlicher
Reitz), преодолюющаго нравственную волю
(den geistigen Willen). По сему-то надлежишь:

1) Принимать мѣры противъ забвенія,
всегдашнимъ напоминовеніемъ постановлен-
ныхъ правилъ, шакъ, чтобы каждый воспи-
танникъ, по окончаніи дня, самъ могъ ис-
числишь предъ наставникомъ своимъ всѣ
свои упущенія.

2) Спрожайше наблюдай за шѣмъ, что-
бы учащіяся не съ намѣреніемъ поспунали
противъ постановленій. Лучше и не давай
шакихъ законовъ, которыхъ спрогого ис-
полненія нельзя пребывать, и наконецъ,

3) Въмѣсто чувственныхъ побужденій, по мѣрѣ возможности, возбуждаешь въ ученикахъ высшія (умственныя и нравственныя) желанія.

Провинившагося должно доводить до собственнаго признанія, и въ особенности побуждаешь его къ раскаянію и вознагражденію сдѣланнаго опущенія (Sühne der Schuld). Тѣхъ, коихъ вины важнѣе, можно бы (по мнѣнію Авшора) на время оплучаешь опъ общей упренней и вечерней молитвы, или опъ ученическаго прихода, п. е. опъ школы, поручая ихъ до времени учительскимъ сопрудникамъ. Наконецъ необщующихъ исправленія, исключаяшь вовсе изъ Училища, опсылая ихъ къ родителѣямъ, копорые обыкновенно сами виновны въ ихъ нравственной порчѣ (*). — *Члмъ ты загладишь виноу*

(*) Хорошо Г. Брауншвейгъ, въ семь отношеніи излагаешь мысли свои въ другомъ, упомянуомъ выше сочиненіи: Ideen zur Gründung lettischer Landmannsschulen (с. 9 и д.). Вошь его слова: Die neue Schuleinrichtung muss auf die weibliche Erziehung besondere Rücksicht nehmen. Von dem Weibe, als der Mutter, hängt die erste Characterbildung des Kindes ab; auf dem was sie gethan und gebildet, baut der Lehrer bloss später fort und nur selten, mit äusserster Mühe, oft auch gar nicht mehr, ist er im Stande, wieder herzustellen, was damals ge-

свою? вошь вопросъ, который, по мнѣнію Г. Б., должно предлагашь воспитанникамъ, недоспигшимъ еще 16 года (с. 49); учениковъ же высшихъ классовъ можно спрашивашь: какимъ образомъ станешь ты опныиъ владѣшь собою въ подобномъ случаѣ? (с. 75).

Къ благонадежнымъ средствамъ нравственнаго воспитанія, Г. Брауншвейгъ причисляетъ упренія и вечернія молитвы или чшеніе Св. Истории, и если можно, произнесеніе въ воскресные и праздничные дни проповѣдей, сочиненныхъ и говоренныхъ собственно для юношества. Мысль сія, кажешя, весьма достойна вниманія, особливо въ помъ случаѣ, когда бы Учитель Закоан Божія, въ продолженіе первой лекціи послѣ

fehlt worden. Darin stimmen alle Pädagogen überein. «*Образованіе женскаго пола* конечно есть предмѣтъ величайшей важности, опъ коего несомпнно зависишь и дальвѣйшій успѣхъ въ истинномъ просвѣщеніи цѣлаго народа. Хошь предложенный Г-мъ Брауншвейгомъ (тамже на с. 70 и д.) способъ заведенія дввичьихъ приходскихъ Училищъ теперь и неможешъ еще бышь приведенъ въ дѣйствіе въ Россійскихъ губерніяхъ нашего Государства; но не менѣе того слова Авшора заслуживаюшь вниманіе всѣхъ вообще попечителей и ревнителей народнаго образованія и благоденствія.

шаковыхъ проповѣдей, заспавляя учащихся излагашь вкращь содержаніе оныхъ. Въ высшихъ классахъ, Учитель могъ бы даже обращашь вниманіе на самое расположеніе разныхъ часпей говоренныхъ проповѣдей, и ш. п.

Приведши такимъ образомъ мнѣніе одного изъ нашихъ Педагоговъ, непростительно было бы не упомянуть о дисциплинѣ, установленной превосходнымъ, и за предѣлами нашего общества уважаемымъ Уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерптскому Университету. Наставленія, данныя въ § 66 оного Учителемъ, конечно, суть плодъ долговременной опытности одного изъ просвѣщенѣйшихъ друзей юношества. Достаточно прочиташь одинъ только § 22, въ коемъ изложена необходимость и цѣль классическаго ученія, для усмотрѣнія великихъ достоинствъ сего училищнаго Устава, одного изъ превосходнѣйшихъ памятникоевъ по части Исторіи просвѣщенія, во дни безсмертнаго для оной Александра!

О высшихъ Училищахъ и Лицеяхъ.

Обратимся къ сочиненію Г-на Тирша, и послушаемъ, что говоритъ онъ о *Лицеяхъ* и такъ называемыхъ *высшихъ Училищахъ*.

Главнымъ предметомъ благоустроенныхъ Гимназій было и должно быть классическое ученіе (*). Но если, помощію Машемашки и Философіи, не приготовить юношей къ Университетскому курсу, то внезапный переходъ оныхъ ошь гимназическаго ученія и сопряженной съ онымъ дисциплины, къ быту Университетскому, подобенъ будетъ скачку изъ воздушныхъ высотъ въ бездну мрачной для него премудрости.

Желаніе ввести поспешность въ ученіи, служило поводомъ къ учрежденію Пропешаншами высшаго гимназическаго класса, подъ названіемъ *Селекты*, а Иезуитами, которые заблагоразсудили вовсе отнѣлшш ошь Гимназій Философію, къ основанію Лицеевъ (с. 465). По ихъ шо системѣ, курсъ гимназическаго ученія именовался: *Studia in-*

(*) Не для того только, чтобы знать по-Гречески или по-Латыни; но дабы пріучиться подобно древнимъ отличнѣйшимъ мужамъ мыслить классически, и подобно имъ выражаться на своемъ общественномъ языкѣ. Для сего-то необходимо нужно дать учащимся понятіе о древнихъ въкахъ, руководству ихъ къ тому историческими, археологическими и мифологическими объясненіями. См. упомянутый выше § 22 Устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерптскому Университету.

feriora seu humaniora; Лицейскій же: Studia altiora.

Какъ однако по тогдашнему образу мыслей, Математика и Физика принадлежали еще къ Философiи, то и курсъ приготовительнаго для Университетовъ ученiя, надлежало распространить на два года (*). —

(*) У Протестантовъ: *Selecta et Suprema*. Подобное раздѣленiе Училищъ на высшiя и низшiя, существовало и въ Кiевѣ. Тамъ Митрополитъ Петръ Могила (въ началѣ XVII вѣка) завелъ, по примѣру Иезуитскихъ Коллегиумовъ, полный курсъ Словесныхъ Наукъ отъ низшихъ классовъ до Философiи и Богословiя, раздѣливъ учениковъ на два разряда: *высшiй* и *низшiй*. Первые именовались: *Sodales majoris congregationis*, и состояли изъ студентовъ Философiи и Богословiя, а другiе *Sodales minoris congregationis*, изъ учениковъ Риторикъ и низшихъ.

Съ 1700 г. Кiевскiй Коллегиумъ, (переименованный пошомъ въ Академiю), былъ раздѣленъ на 3 класса, а именно:

1. Аналогiи (Фара); классъ сей упраздненъ уже въ 1701 г.

2. Грамматикъ низшей.

3. — — — средней.

4. — — — высшей.

5. Пiншгескiй.

6. Риторическiй.

7. Философскiй.

8. Богословскiй.

Въ Вирибургъ Лицейскiй курсъ сей былъ соединенъ съ самымъ Университетомъ, и слушатели приготовительныхъ лекцiй occupавались при прежней гимназической дисциплинѣ. Тамъ, гдѣ не было Университетовъ, учреждались особые Лицея, чрезъ кои ученики изъ Гимназiи должны бы были переходить въ Университетъ. — Въ Епископскихъ Митрополiяхъ, къ Лицейскому двухъ-

языки Латинскiй, а при немъ и Греческiй преподавались во всѣхъ классахъ. Съ 1738 г. присвоены еще классы:

1. Еврейскiй.

2. Греческiй-Филологическiй.

3. Нѣмецкiй, а

Въ 1753 г. и 4 Французскiй.

Въ 1784 г. Преосв. Митрополитъ Самуилъ учредилъ классъ *рисованiя*; онъ же устроилъ классы: Исторiи, Географiи и Чистой Математики.

См. Описание Кiевонечерскаго Собора и Кiевской Иерархiи (Кiевъ, 1825. 4) прибавл. 41, с. 213, 217 и 218. Классъ Исторiи, сколько извѣстно, былъ среднимъ, между Пiншгескимъ и Риторическимъ. — Объ учебномъ порядкѣ, существовавшемъ въ учрежденномъ въ 1722 году Харьковскомъ Коллегиумѣ (Славено-Греко-Латинскихъ школахъ), говорится въ прибавленiи къ 1й часши Исторiи Россiйской Иерархiи, с. 632—640.

голичному курсу иногда былъ присоединяемъ еще двухъ-голичный Богословскій курсъ, и учебныя заведенія сего рода, получали названіе *полныхъ Лицеевъ* (Vollständiges Lyceum, philosphisch-theologische Specialschule, с. 466).

Но какую пользу Лицеи, или такъ называемыя высшія Училища, приносятъ Государству? — Лишняя Гимназіи возможно-сти довершивъ надлежащимъ образомъ и привести въ нѣкоторый систематическій порядокъ курсъ десятильпняго ученія, они въ то же время оппоргають ошь Университетша часшь Наукъ, несомнѣнно къ оному принадлежащихъ. Посему-шо уже Каноникъ Браунъ, занимавшійся въ 1774 году усовершенствованіемъ Училищъ въ Баваріи, утверждалъ, что Лицеи суть заведенія, копоры споятъ великихъ денегъ, а приносятъ мало пользы (с. 469).

Мудро, говоришь Авторъ, и достойно подражанія, существующее въ Баваріи постановленіе, чтообы студентш, посшупающіе изъ Гимназій въ Университетъ, въ продолженіе цѣлаго года, слушали общія или Философскія лекціи. Такимъ образомъ въ Университетъ продолжается только ученіе, начашое уже въ Гимназіяхъ. Одни шокмо студентш, съ успѣхомъ довершившіе пригошовительный курсъ, могутъ, по наделе-

жащемъ испытаніи, избирать какой-либо опредѣленный Факультетъ, копорый, на семь основаніи уже не будетъ обременяемъ слушателями, еще недоспашочно пригошовленными къ высшимъ Наукамъ. Но въ предвѣрительные курсы сіи, не должно включатьъ излишняго числа предметовъ ученія. Несправедливо и вредно было бы шребовать, чтообы въ продолженіе одного года студентш выслушала полный курсъ Философскихъ Наукъ, всю Исторію, Математику и Физику, Химію и весь частш Естественной Историі, при шомъ же Филологію, Историю Литературы, Историю просвѣщенія и еще разныя другія Науки. Доспашочно того, чтообы онъ занимался основательно Философію, Историю и Математику, съ присоединеніемъ къ шому Филологіи, какъ продолженія классическаго ученія. Требовашъ въ одинъ годъ болѣе сего, значило бы шребовать невозможнаго и шѣмъ самымъ испорчишь дѣло. Въ Эрлангенѣ существующее полезное распоряженіе, на основаніи коего не дозволяется посѣщать лекцій Богословскаго отдѣленія шѣмъ, кои не доказали еще на опыть, что они къ шому уже доспашочно пригошовлены.

Показавъ, что такъ называемыя высшія Училища или Лицеи, основанные для

приготовленія Гимназистовъ къ Университетскому курсу, суть не только безполезныя, но даже вредныя заведенія (überflüssige und selbst schädliche Anstalten, с. 471) (*), Г. Тиршъ излагаетъ мысли свои о пользѣ и необходимости перевести въ Минхенъ Ландсгунскій Университетъ (**).

З а к л ю ч е н і е .

Но, да не подумаешь кто либо, говоришь Г. Тиршъ въ заключеніи всего сочиненія, обращаясь къ благимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ просвѣщеннаго Короля своего, да не помыслишь, что Авторъ сихъ спрокъ щитися предупредишь его дѣйствія, или дашь онимъ направленіе! Разсуждая о предметѣ воспианія, онъ изложилъ только чистосердечно мысли свои, и чисташель, столько же, какъ и онъ самъ, чистосердечный, конечно не спанешь обвиняшь его въ дерзости, или неумѣшности его замѣчаній.

(*) О вредѣ, причиненномъ Лицеями успѣхамъ просвѣщенія во Франціи, гдѣ оними даже думали замѣнишь Университетъ, см. Періодическое сочиненіе о успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія No VI, с. 80 и д.

(**) Извѣстно, что нынѣ Университетъ Ландсгунскій дѣйствительно уже переведенъ въ Минхенъ.

Мы живемъ во дни, спраждушіе разными болѣзненными припадками; но въ тоже время и въ такіе, въ кои благонамѣреннымъ и просвѣщеннымъ мужамъ дарована возможность насаждать съмена будущаго благоденствія и величія. Времена наши суть плодъ обстоятельствъ, въ коихъ нерѣдко погибель была для насъ столь же близка, какъ и самое спасеніе. Опасности и враги, какъ явные, такъ и скрышные, не чужды ни какому вѣку, и будущая участь наша извѣсна одному Богу! но Онъ даровалъ намъ и средшва, во всякомъ случаѣ, вспрѣчь судьбу нашу съ благоразуміемъ. Одно лишь истинное, чистосердечное единодушіе, въ состояніи опредѣлишь наилучшія мѣры, для воспианія юношества, на коемъ основано счастье грядущихъ поколѣній.

Не въ помѣ дѣло, кто совѣшуетъ, но что именно предлагаешся на уваженіе современниковъ, для пользы общей, и шребуешъ спокойнаго и непредубѣжденнаго разсмотрѣнія. Дѣло идетъ не о бездѣлицѣ, по о величайшемъ благѣ, красящемъ родъ человѣчскій, о главныхъ источникахъ народной добродѣтели, силы и счастья; ибо несомнѣнно изрѣченіе древняго мудреца, утверждавашаго, что шощъ по истинѣ упрочиваешъ и умножаешъ благосостояніе Государства, кто

совершенствуешь учебныя заведенія (с. IX и д.).

Сими словами Г. Тиршъ сопровождаетъ послѣднюю книжку своихъ разысканій о назначеніи и устройствѣ ученыхъ школъ. Предавая оныя на усмотрѣніе просвѣщенныхъ соотечественниковъ, Издаешь сихъ извлеченій и замѣчаній душевно желаешь, чтобы трудъ его принесъ хотя малую пользу. Вошь цѣль его искреннихъ желаній, вошь лучшая награда за добрую его волю!

П. Кеппенъ.

III.

К Р И Т И К А

Андромаха. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сочиненіе П. Катенина (*).

Оригинальная новая Трагедія, есть рѣдкое явленіе въ Русской Литературѣ: оныя показывающя у насъ на сценѣ или въ печати почти также, какъ комеды на звѣзд-

(*) Представлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Пешербургскомъ Театрѣ, 3 Февраля 1827 года.

номъ горизонтѣ, то есть, изъ одного десятилітнія въ другое. Было время, когда слабыя, безцвѣтныя подражанія Французскимъ Трагикамъ, прикрашенныя Русскими именами дѣйствующихъ лицъ, гораздо чаще видѣлись на Театрѣ нашемъ, и по новостямъ, радостно были принимаемы зрителями, кошорые не были избалованы ни богатствомъ, ни внутреннимъ достоинствомъ сихъ даровъ Мельпомены, и никогда не вооружались противъ вкусомъ прошивъ новаго произведенія. Съ пѣкошораго времени, миновала и сія година посредственности: мы, не сдѣлавшись богаче, стали разборчивѣе, или справедливѣе сказать, равнодушнѣе къ симъ попыткамъ Поэтовъ, нашихъ соотечественниковъ.

Какъ изъяснишь причину такой холодности? Во Франціи, гдѣ круглымъ счетомъ, ежегодно представляется оны 10 до 15 новыхъ Трагедій, ни одна изъ нихъ не преходитъ въ молчаніи: хороша ли, худа ли она, публика произносишь о ней свой приговоръ, и Журналы, всегдашніе отголоски мнѣнія публики (по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ литературныхъ), отдаютъ отчетъ объ успѣхѣ или паденіи новаго сочиненія. У насъ, чрезъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, является новая Трагедія, сочиненная Русскимъ Поэтомъ, кошораго имя уже съ весьма выгод-

ной споры извѣстно въ Позвн Драма-
тической, и Журналы въ печеніе нѣсколь-
кихъ мѣсяцевъ храняшь упорное молчаніе
даже о существованіи сей новой Трагедіи.
Желая доказать, что не все наши соотеч-
ественники съ одинакимъ равнодушіемъ
смотримъ на произведенія Русскія, рѣшился
я написать критическій разборъ Трагедіи
Г. Каменнича, и прошу васъ, Мм. Гг., помѣ-
стить оный въ вашемъ Журналь.

Не спашу возобновляшь при семъ во-
проса, уже нѣсколько разъ дѣланнаго: дол-
жно ли положить за непрѣмное правило,
чтобы предметы для Трагедіи были изби-
раемы изъ льпописей ошечественныхъ, или
по крайней мѣрѣ изъ Испоріи времянь, къ
намъ близкихъ, времянь, копорыхъ нравы
не совсѣмъ еще для насъ чужды, и гораздо
намъ знакомѣе по вѣрѣ, единоплеменству
или сосѣдству, порядку гражданскому и жи-
тейскому, нежели опдаленная Древность,
копорая, и шо не вполне, живешь для насъ
только въ книгахъ? Вопросъ сей рѣшишь
спрудно, ибо къ разрѣшенію онаго пребуеш-
ся много обстоятельствовъ постороннихъ:
степень дарованій и познаній Поэша, из-
вѣстность и занимательность лицъ и про-
исшествій, копорыя онъ выбралъ пред-
метомъ своей Трагедіи и ш. д. Такимъ обра-

зомъ, предметы древней, Миеологической
Испоріи, по образу нашего воспишанія,
знакомѣе намъ, нежели большая часть со-
бышій, случившихся въ средніе вѣки, и да-
же въ новѣйшія времена. Многія лица изъ
сей Испоріи, сушь *данныя*, съ именами ко-
порыхъ мы связываемъ уже понятія о ихъ
характерѣ, понятія, напечатлѣнные въ насъ
глубокою древностію чрезъ весь рядъ вѣ-
ковъ послѣдовавшихъ. Мы знаемъ по преда-
нію, что Агамемнонь былъ швердь и гордь,
что Улиссъ былъ хитръ и краснорѣчивъ,
что Ахиллъ и сынъ его Пирръ были пылки
и неукротимы. Съ другой споры, въ пред-
метахъ Трагическихъ мы, по большей ча-
сти, любимъ видѣть бореніе челоувка съ
судьбою, или съ злобою себѣ подобныхъ; и
чѣмъ выше челоувкъ поставленъ на шпене-
ни жизни, шѣмъ болѣе бѣдствія его возбуж-
дають въ насъ соучастія. Въ семъ случаѣ
мы почти не разбираемъ, единовѣрецъ, еди-
ноплеменникъ и современникъ ли нашъ шощъ,
кто поселяешь въ насъ своими несчастіями
сіе чувство состраданія; или язычникъ, рож-
денный въ племени, намъ чуждомъ, и за
многіе вѣки до нашего времени. Сіе *эсте-
тическое* состраданіе естъ чувство, допу-
скающее въ душѣ нашей безвизъянную шер-
пимость.

Прибавимъ къ тому, что сіи предметы древней Исторіи служили и теперь еще служащъ, какъ бы оседкомъ, на коемъ извѣдываются и изощряются стихотворческія дарованія почти всѣхъ образованныхъ народовъ. Они сдѣлались общиною, на кошорую всѣ сіи народы имѣють равное право; и шѣмъ охотнѣе предъявляютъ оное, что предметы сіи, будучи хорошо постигнушы и выполнены, въ одинакой степени дѣйствуютъ на просвѣщеннаго Француза, Англичанина, Германца, Испанца и Россіянина. Съ сей точки зрѣнія, намѣренъ я разсмапривашъ новую Трагедію Г. Кашенина.

Многіе, прочитавъ заглавіе сей Трагедіи, конечно подумали, что она есть по крайней мѣрѣ подражаніе или Андромашъ Расина, или Андромашъ Эврипидовой. Но Трагедія Г. Кашенина имѣетъ общаго съ твореніями Поэтовъ Греческаго и Французскаго, — только заглавіе и имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ (*). У Эврипида, Андромаша пренецень о жизни Молосса, сына своего ошъ Пирра, кошораго, равно какъ и ее, хочеть погубить Герміона. Въ Трагедіи Расиновой, Андромаша съ Аспіанаксомъ, сыномъ своимъ ошъ Гекшора, уже

(*) Именно: Андромаша и Пирра.

нѣсколько лѣтъ живетъ въ Вуерошѣ, въ дворецъ Пирровомъ. Сей Царь Эпирскій влюбленъ въ Андромашу, но долженъ всунуишь въ бракъ съ Герміоною, дочерью Менеая и Елены. Между шѣмъ, союзъ Греческихъ Царей посылаетъ Орешпа, сына Агамемнонова, къ Пирру, съ пребованіемъ выдать имъ юнаго Аспіанакса, кошораго мать успѣла спасти ошъ Улисса во время разрушенія Трои. Орешпъ, пишая безнадежную, но испугленную спраспъ къ Герміонѣ, находишь ее во дворецъ Пирровомъ, гдѣ сія Спаршанская Княжна, пылаетъ такою же любовью къ Пирру. Види, что оны медлишь въ исполненіи даннаго ей объша и наконецъ хочеть заключишь брачный союзъ съ Андромашою, гордая Спаршанка оскорбляется: любовь ея успугаетъ мѣсто мщенію. Сіако пройспвенная любовь и сіе мщеніе оскорбленнаго самолюбія, составляютъ главную завязку, весь интересъ Трагедіи: нѣжность Андромаша къ сыну, ея превоги за жизнь его, ея самопожертвованіе для его безопасности, — сушь какъ бы дѣйствія придающія, вводныя; ибо все вниманіе, все учасіе зрительей обращено къ Герміонѣ. Она, а не Андромаша, естъ главное дѣйствующее лице: она подспрекаетъ Орешпа пребовашъ выдачи Аспіанакса, она же, въ

угоду своей ревности, манишь Орешта сперва неясными, опдаленными надеждами, потом явнымъ обѣщаніемъ любви своей, и заславляешь его убить Пирра. Наконецъ, къ довершенію соучасія, она лишаетъ себя жизни надъ струномъ Пирра; тогда, какъ объ Андромахъ мы знаемъ только, что она готовилась совершить прыжку по семь несчастномъ Царь, и что народъ взялъ ее сторону; о сынѣ же ея, не являющемся ни на минушу въ цѣлой Трагедіи, и по тому не можемъ внушить намъ соучасіе — мы вовсе оспасаемъ въ неизвѣстности, и даже не заботимся о немъ. Въ содержаніе сей Трагедіи, имѣющей впрочемъ неопытлемое достоинство, по бурному движенію спрашей, изображенному пламеннымъ перомъ Расиновымъ.

Г. Капенинъ смотрѣлъ на сей предметъ совершенно съ другой точки зрѣнія, и такъ его обрабатывалъ. У него также замѣшивается любовь Пирра къ Андромахъ, но вся занимательность, все участіе зрителей, основаны на материнской любви сей Царевны къ сыну ея Аспіанаксу. Дѣйствіе происходитъ въ сѣняхъ Трои, въ ту страшную ночь, когда Греки разрушили сей городъ и истребили весь родъ Пріамовъ. Андромаха, не вѣдая еще объ ужасахъ, ее окру-

жающихъ, открываетъ наперсницѣ своей Клеонѣ, свои опасенія о судьбѣ Иліона и милого своего сына, рассказываетъ ей страшный сонъ, возмущившій ночный покой ея. Въ сіе время приходитъ воинъ и возвѣщаетъ ей гибель Трои отъ Грековъ, вышедшихъ изъ деревяннаго коня, коварнаго ихъ дара Троянцамъ. Горестная Андромаха, боясь, что сама не уйдетъ отъ преслѣдованія Грековъ, поручаетъ Клеонѣ скрыть Аспіанакса въ гробницѣ Гекторовой. Когда вѣліе ея уже исполнено, является Пирръ, отъ котораго она уходитъ, боясь съ нимъ встрѣтиться. Но онъ видѣлъ ея уходъ; онъ велитъ воинамъ своимъ окружить чертоги Гектора, но, не выпуская отпуща никого, щадитъ всѣхъ женъ и отроковъ. Пирръ объявляетъ пришедшему съ нимъ Улиссу желаніе свое, получить во мзду своихъ заслугъ предъ Греками, изъ всѣхъ добычь Троянскихъ, жену и сына Гекторовыхъ. Улиссъ идетъ объявить о томъ собору вождей Греческихъ, давъ напередъ Пирру почувствовать, что Греки опредѣляютъ Аспіанакса искупительною жершвой за тѣхъ, которые пали отъ руки отца его Гектора. Пылкій Пирръ тѣмъ раздражается и открываетъ любимцу своему Алкиму, что онъ любитъ Андромаху; что не разъ уже

перпѣвъ оскорбленія опъ Апридовъ, го-
 пошь, если на сей разъ получишь откажь
 опъ Агамемнона, доказать права свои ору-
 жіемъ. Между шѣмъ хитрый Улиссъ убъ-
 ждаешъ Агамемнона принести малодѣшлаго
 Аспіанакса въ жертву ненависти Грековъ,
 и возбуждаешъ раздражительную гордость
 вождя Царей противъ Пирра, не шая личной
 своей ненависти къ юному Царю Эпирско-
 му. Входишь Пирръ, повноряешъ свои пре-
 бованія, но Улиссъ лукаво посѣваешъ сѣмена
 раздора между имъ и Апридомъ. Пирръ пла-
 менѣешъ местию; видишь Андромаху, пред-
 лагаешъ ей свою руку и защиту ей и сы-
 ну; но она опшвергаешъ его предложенія;
 тогда онъ, дыша злобою, хочешъ предупред-
 ишь Грековъ и самъ умершвишь младенца
 предъ глазами его матери. Въ шрешемъ
 дѣйствіи, Андромаха рѣшаешся опдашь сы-
 на своего на сохраненіе уцѣлѣвшимъ вѣрнымъ
 Троянцамъ, вызываешъ его изъ гробницы
 Гекпоровой, расшочаешъ ему материнскія
 ласки и снова скрываетъ его при прибли-
 женіи Улисса. Коварный сей Царь шребуешъ
 опъ нея сына, и догадываешся о причинѣ не-
 опшшупнаго ея пребыванія при гробѣ Ге-
 щпоровомъ, грозить разрушишь оный и опш-
 даешъ о шомъ повѣденіе своимъ воинамъ.
 Тогда Андромаха, лишаешъ всей надежды спа-

сти сына, въ опчаяніи сама выдаетъ его
 Улиссу, но заклинаешъ его о пощади. Въ
 чешвершомъ дѣйствіи Андромаха, по совѣ-
 шу Клеоны, падаешъ къ ногамъ Пирровымъ,
 молишь его о зашпуленіи; онъ снова пред-
 лагаешъ ей любовь свою, она еще колеблен-
 ся; въшь о приходѣ Априда рѣшаешъ ее:
 она даешъ роковое слово Пирру. Новый,
 жаркій раздоръ между Агамемнономъ и Пир-
 ромъ, который вырвалъ младенца изъ рукъ
 кровожадныхъ Грековъ и вручилъ его на
 храненіе жрецу Калхасу; оба Царя оскор-
 бляюшь другъ друга жестокими укоризна-
 ми и угрозами, наконецъ рѣшаюшся кон-
 чить единоборшвомъ, коль скоро Кал-
 хасъ объявишь имъ велѣніе боговъ объ Ас-
 піанаксѣ. Въ пяшомъ дѣйствіи, Пирръ го-
 шовишся ниши на бой съ Агамемнономъ и за-
 вѣщаешъ воинамъ своимъ охрану Андромахи.
 Она изьявляешъ Клеонѣ шпрахи свои о сы-
 нѣ, посылаешъ ее узнать о судьбѣ его; на-
 неренница скоро возвращаешся и возвѣщаешъ
 ей, что Улиссъ спѣшишь къ нимъ съ мас-
 личною вѣшвию. Но Улиссъ повѣшшвуешъ
 несчастной сей матери о гибели сына ея,
 хотя не опъ руки Грековъ, но опъ грома
 небснаго. Тогда съшущая Андромаха, при-
 знавая въ семь событіи волю боговъ, поко-

ряется своей участи и заключаетъ Трагедию прощаніемъ съ своею опчиною.

Изъ сего изложенія, легко можно увидѣть разность Трагедіи Г. Каменина, съ Трагедіей Расиновой, разность, состоящую въ завязкѣ, въ интересѣ прагматическомъ, во времени и мѣстѣ дѣйствія, въ господствующихъ спрашяхъ дѣйствующихъ лицъ и наконецъ въ самомъ окончаніи. Вниманіе и соучастіе зрительей непрерывно обращающагося къ Андромашъ, и не развлекающаго никакою постороннею спрашью; ибо любовь Пиррова и раздоръ его съ Апридомъ, относясь къ той же причинѣ, ни сколько не ослабляютъ главнаго дѣйствія. — Мы видѣли ходъ Трагедіи; теперъ разсмотримъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминаніе о родинѣ.

Родимый край, страна отцовъ!
Какъ быстро дни мои мелькали,
Когда, не вѣдая печали,
Я росъ въ кругу швоихъ глушцовъ!
Меня младенца веселили
Ихъ спраши, важность, суешы,

Ихъ занимательныя были
И безразсудныя мечты.
Любилъ я жаркіе ихъ споры
О гончихъ, зайцахъ и поляхъ,
И оглушающіе хоры
И рюмокъ звонъ на ихъ пирахъ. —
Но мнѣ забавнѣе казались
Бесѣды важныхъ ихъ супруговъ,
Когда онѣ, составя кругъ,
Горчимъ чаемъ упивались. . . .
Какой былъ шумъ! какой былъ звонъ!
Одна разсказывала сонъ,
Другая жизнь своей наѣдки,
Иныя жъ съ видомъ простоты
Сплешали злыя клеветы
На счетъ какойнибудь сосѣдки...
И признаюсь: среди сихъ дамъ
Я кой къ чему привыкъ и самъ.

Судя по нимъ о цѣломъ свѣтѣ,
Я въ немъ не зналъ большаго зла;
Я вѣрилъ счастливой планетѣ —
И мирно жизнь моя цвѣла.
Среди шолпы самодовольной,
Въ дыму желаній и надеждъ,
Игрой цѣвницы своевольной
Я забавлялъ моихъ невѣждъ.
Ихъ одобреньемъ бывъ ушѣненъ,
Я восхищался; но они —
Оны сумасшедшій, оны помлшанъ:
Твердили, будучи одни.
Что нужды въ помѣ? по крайней мѣрѣ
Я освавался въ доброй вѣрѣ,

Что и съ невѣдой и съ глупцомъ
 На свѣшъ семь ужился можно,
 И что Вольшеръ весьма безбожно
 Бросаль на нихъ саширы громъ. . . .
 Я росъ и — выросъ. Дни лешьян.
 Мои сѣдые земляки,
 Какъ прежде, чуждые шоски,
 Исправно пили, сладко ѣли,
 Травили зайцевъ и шолсѣшли. . . .
 Вдругъ — Богъ мой! — одного изъ нихъ
 Не знаю какъ задѣлъ мой стихъ! . . .
 Мгновенно поднялась шревога —
 И оглушень былъ бранью л!
 „Опъ врагъ людей, омшущнигъ Бога!“
 Взывали жены и мужья.
 Какое множество прокляшій
 Изъ ушь сооничей и брашій
 Упало на мою главу!
 И я дышу! и я живу!
 Но я не ждалъ конца шревоги;
 Почша слезою прахъ опцовъ,
 Скорѣй, скорѣй — давай Богъ ноги
 Бѣлашь опъ добрыхъ земляковъ!

И шакъ ихъ злобою гонимый,
 Печальный гостъ чужихъ земель,
 Покинулъ я приошь родимый,
 Почшенныхъ предковъ колыбель. . . .
 Опъ раннихъ лѣтъ къ шранамъ далекимъ
 Я былъ надеждою манимъ;
 Мнѣ бышь хошѣлось одиноимъ —
 Въ чужой шранѣ, для всѣхъ чужимъ.
 Сбылось безумное желанье!

Я былъ одинъ въ шолпѣ людей,
 Какъ осужденный на изгнанье,
 Какъ всѣми брошенный злодѣй. . .
 Мнѣ жить на свѣшъ скучно было;
 Я мирныхъ радостей не зналъ;
 Душа пущѣла; правъ дичаль,
 А сердце шайной грустью ныло. . .

Блуждая изъ шраны въ шрану,
 Я свѣшъ извѣдалъ понемногу —
 И скоро ль, шрудную дорогу
 Окончивъ, мирнымъ сномъ засну —
 Не знаю. . . .

Но клянусь судьбою,
 Клянусь мечтами жизни сей,
 Что не спуплю опяшь ногою
 На землю родины моей! . . .
 Зачѣмъ? къ чему? и чшобы нынѣ
 Я могъ найти въ моей пущынѣ?
 Ахъ! развѣ чуть примѣшный слѣдъ
 Давно, давно минувшихъ лѣтъ:
 Травой заросшія могилы,
 Гдѣ поды хранительнымъ кресшомъ
 Двухъ незабвенныхъ пепель милый
 Лежишь, объащій вѣчнымъ сномъ. . .
 И шамъ же. . . шамъ еспъ холмъ забышый,
 Поды коимъ холоденъ и шихъ,
 Спишь безпробудно мужъ сердипый,
 Забышый мой несчастный стихъ.
 Избави Богъ меня опъ злосши!
 Нѣшь, не дерзнешъ моя нога

Попрашь разрушенныя кости
Землею взятаго врага!

Александръ Крюковъ.

С. П. б., 1 Юля, 1827.

V.
**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.**

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

Естественныя Науки.

28. *Начальныя основанія Химіи, Александра Ювскаго. Часть I. О простыхъ Химическихъ веществахъ. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное.* М. въ шип. С. Селивановскаго, 1827, въ 8. IV—162 стр.

(Сочинитель разделяешь свой курсъ Химіи на три части. Въ первой, нынѣ вышедшей въ свѣтъ, говоришь о простыхъ началахъ, во второй намѣренъ говоришь о веществахъ сложныхъ, а въ третьей о Химіи органическихъ веществъ. Все это основано на открытіяхъ новѣйшихъ Химиковъ. Номенклатура нѣкошорыхъ веществъ переведена имъ на Русскій языкъ. Судя по сей первой части, можно заключишь, что со-

чиненіе сіе написано хорошимъ и яснымъ слогомъ, что также составляетъ весьма важное достоинство; ибо не всѣ, или справедливѣе скажешь, немногіе изъ ученыхъ, посвятившихъ себя Наукамъ точнымъ, заботятся о чистотѣ языка и правильности слога: большая часть изъ нихъ забываютъ, что ошъ ясныи изложенія зависятъ ясныи понятій, кои мы хотимъ передать другимъ.)

Л и т е р а т у р а .

С т и х о т в о р е н і я .

29. *Элегіи и другія стихотворенія Дмитрія Глѣбова.* М. въ шип. Августа Семена, Императорской Медико-Хирургической Академіи, 1827. 301 стр. въ 8.

(Въ этомъ собраніи, содержащемъ болѣе 70 стихотвореній Г. Глѣбова, въ разныхъ родахъ Поэзіи (Лирическомъ, дидактическомъ и пр.), есть многія весьма хорошія стихотворенія; есть и посредственныя, но вообще перевѣсь на сторону хорошихъ. Нѣкошорыя изъ нихъ принадлежатъ самому Г. Глѣбову, другія, и болѣею частію, суть переводныя изъ Легуве, Миллвуа, Байрона, Горация и пр. и пр. Книга издана весьма хорошо; приложенныя къ ней заглавная виньетка и двѣ картинки, весьма искусно выгравированы Г. Ческимъ.)

Проза.

30. *Письма о Франци въ 1815 году, Сира Вальтера Скотта, подъ именемъ Павла. Перевелъ съ Французскаго М. П. . . . въ. М. въ шип. Рвшенникова, 1827. 2 ч. въ 1й 188, во 2й 199 стр. въ 8.*
31. *Письма Павла къ своему семейству, соч. Сиръ Вальтера Скотта. Перевелъ съ Франц. Г. П. М. въ шип. Императорскаго Московск. Театра у А. Похорскаго. 1827. 3 ч. въ 1й 184, во 2й 118 и въ 3й 113 стр. въ 12 д.*

(Когда письма Павла появились впервые во Французскомъ переводѣ, то Журналисты Французскіе сильно вооружились на Сочинителя ихъ, и ончаски были правы. Зако-ренѣлыя народныя предубѣжденія на счетъ Французской націи, въ которыя впалъ зна-менистый изобразитель Шотландіи наравнѣ съ другими единоземцами своими, Англича-нами, конечно давали право Писателямъ Французскимъ, негодовавъ за возобновленія пѣхъ запоздалыхъ восклицаній и устарѣлыхъ насмѣшекъ, кои два вѣка сряду повсоряю-ся Англичанами о заморскихъ ихъ сосѣдяхъ. Такимъ образомъ, въ *Письмахъ Павла* встрѣ-чаемъ обидныя, часто несправедливыя вы-ходки противъ народнаго характера Фран-цузовъ, иногда слишкомъ исключительное

пристрашіе къ своимъ соотечественникамъ, иногда даже шушки въ родъ пѣхъ, которыя Англичанами зашвержены съ надписей на Гогаршовыхъ каррикашурахъ (soupe maigre и grenouilles и ш. и.). Хорошо любишь свое отечество, похваляю предпочинашъ его всѣмъ чужимъ краямъ; но не просишельно искажашъ въ чужеземцахъ все: и доброе, и шо, что ни добро, ни худо, а просно при-надлежишь къ нравамъ и обычаямъ народ-нымъ, — въ угоду худо исполкованной, на-ціональной гордости земляковъ своихъ. Это поселяешъ даже какую-то недовѣрчивость и къ исторической часки *Писель Павла*. Правда, что при дальнѣйшемъ чтеніи, не-довѣрчивость сія находишь причину, еще основательнѣйшую; ибо въ эшомъ сочине-ніи все, или почти все, приписывается во-инскому искусству Лорда Веллингтона и храбрости Англійскихъ войскъ, и очень не-многое даешъ на часкъ союзныхъ съ ними войскъ Прусскихъ; между пѣмъ, какъ извъ-стно, что успѣхомъ сраженія при Ватер-лоо или Бель-Альянсъ, Англичане и Пол-ководецъ ихъ, обязаны быстротѣ Блюхера, неушомимости и сшойкой храбрости Прус-саковъ, копорые ни сколько не уныли ошъ временной неудачи. — Обращимся къ Рус-скимъ переводамъ: первый изъ нихъ (въ 2хъ

помахъ) довольно хорошъ, хоша и ешь въ немъ ошибки прошивъ Русскаго языка и слога; за по вшорый (въ 3хъ часяхъ), кромъ шяжкихъ грѣховъ по двумъ вышепоказаннымъ спашьямъ, заключаешъ въ себѣ еще множество грѣховъ прошивъ здраваго смысла; а за одно выраженіе (во 2й часпи), Переводчикъ долженъ каяшьясь и передъ благоприсшойносію. Сей послѣдній переводъ и изданъ сообразно лишерашурному своему дошпоинству: напечатанъ дурнымъ шрифтомъ на сѣрой бумагѣ послѣдняго разбора и устьянъ пишпографическими ошибками.)

32. *Талисманъ, или Ришардъ въ Палестинѣ. Изъ Исторіи временъ Крестовыхъ походовъ, Вальтера Скотта.* М. въ шип. С. Селивановскаго, 1827. 3 часпи; въ 1й 261, во 2й 260 и въ 3й 290 шпр. въ 12 д. л.

(Неизвѣстный Переводчикъ сего Романа, шполь же мало щадилъ лишерашурную славу Валшера Скопша, какъ и вшорый Переводчикъ *Писемъ Павла*. Иногда оны не понималъ шекста, иногда переводилъ его въ дурныхъ Русскихъ, или лучше сказанъ, нерусскихъ выраженіяхъ. Главнѣйшая цѣль Романовъ ешь, — досшавши чшпашелямъ пріятное развлеченіе въ часы досуга; но какая пріятность чшпашъ книгу, написанную шакимъ слогомъ, какимъ пишущъ ученики, едва начинающіе переводить съ иносшранныхъ языковъ? По нашему мнѣнію, гораздо пріятнѣе чшпашъ Бову Королевича и Пешира Злашыхъ ключей, въ которыхъ прешой, сказочный слогъ Русскій, а не шарабарскій.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

(Продолженіе.)

Спустия нѣсколько времени, предположено было послать корабль къ островамъ Западной Индіи, какъ время опъ времени дѣлали и прежде. Начальникъ корпуса, проширавшій родишельскія попеченія на любимыхъ своихъ пишомцевъ долго еще и послѣ ихъ выпуска, шпарался, какъ и всегда, привесши поскорѣе въ возможнѣйшую дѣлательность молодыхъ офицеровъ, чшпобъ юношеское упоеніе радости и свободы не сдѣлалось для нихъ вредно. Такимъ образомъ, многіе изъ послѣдняго выпуска назначены были на опправляющійся корабль, а въ томъ числѣ и пррое юношей, которые шакъ близко шли другъ за другомъ въ корпусъ.

Двое изъ нихъ, сдѣлавшисъ друзьями, съ шпой самой минушы жили, какъ говоришя, душа въ душу, дѣлили между собою

скорби и радости. Назначение в дальнее плавание доставило обоим большое удовольствие, но за всем тем, оно же нагнало облако печали на чело Вольдемара. Не любовь ли вкралась в сердце юноши? — Ньшь, для истинной любви еще не было мѣста въ его сердцѣ; оно наполнялось только чувствами дружбы со всеми мечшательными ея призраками; а любовныхъ шалостей, какъ ни велика прелесть, сообщаемая или юношеской жизни, какъ ни много доставляють онъ приятныхъ часовъ дружбъ своими паушовскими шайнами, мы все не смѣемъ называть именемъ любви. Печаль его была иного рода. — Гольгеръ былъ сынъ весьма досташочныхъ родителей, Вольдемаръ имѣлъ одну только бѣдную мать. Хотя въ самомъ еще корпусѣ велся похвальный обычай, что жившіе въ одной каморѣ воспитанники, дѣлились по-братски своими наличными деньгами, хотя и послѣ у обонхъ друзей, была почти одна касса, и Вольдемаръ ни мало не совѣшился располагать ею, какъ своею собственною — мальшная нервышность въ семь случаевъ жестоко бы оскорбила его друга; — но шеперь, когда столь дальній путь шребовалъ немаловажныхъ издержекъ на одежду и другіе запасы, а у бѣдной матери его, давно уже со шракомъ ожидавшей се-

го времени, не было никакихъ средствъ пошобить ему, — шеперь никакъ не могъ онъ рѣшиться опкрыть другу свое запруднипельное положение. Его поняшя о чести говорили ему, что веселость и забавы на счетъ избышковъ друга, ни мало не шрошвны ей; но для мелочныхъ жишейскихъ нуждъ, онъ не рѣшался прибѣгнуть къ шому же средшву. Между шѣмъ безпечный въ семь опшошеніи другъ, слишкомъ увѣренный во взаимной опкровенности, не помышлялъ о шомъ и не могъ догадаться, шѣмъ болѣе, что Вольдемаръ всячески шпарался не дать ему замѣшить своего смущенія.

Уже думалъ онъ заключить сдѣлку съ какимъ нибудь росшовникомъ, какъ вдругъ получилъ извѣшяе отъ зашпливой матери, что все нужное для него пригошвлено. Онъ прибѣжалъ къ ней въ изумленіи, почти въ испугѣ. Не удивляйся шакъ“ — сказала она, смѣючись: „я нарочно гошвила шевъ эшу нечаянность: иѣсколько дѣшь сряду копила я для шебя по немногу, и хотя все еще думала сперва, что не справлюсь своими дѣнженками, но вышло напрошвъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, къ величайшему своему удивленію, благодарный сынъ нашелъ въ сдѣланномъ для него запасѣ даже избыткѣ, и его золотые эполешы не уступали шѣмъ.

какіе приготовили для себя самые достаточные из его поварихъ, ни блескомъ, ни цѣнностію.

Корабль былъ снаряженъ; подняли якорь и попушный вѣтръ понесъ великолѣпную громаду шакъ стремительно, что черныя волны Каштегаша забѣлѣли пѣною. Но не долго непостоянный вѣтръ благопріятствовалъ плаванію. Поднялась буря и сдѣлавъ значительныя поврежденія въ корабль, загнала его въ небольшую гавань въ Норвегіи.

На рейдѣ, въ этой маленькой пристани, случилось на корабль происшествіе, само по себѣ незначительное, но послужившее какъ бы дурнымъ предзнаменованіемъ: Капитанъ корабля, человекъ пожилой, а на видъ даже старый, но еще бодрый духомъ и умѣвший выдавать сѣдины свои и согбенную спину за признаки множества испытанныхъ житейскихъ шревогъ, имѣлъ, кромѣ разныхъ другихъ странностей, особенное пристрастіе къ антикамъ и драгоценнымъ камнямъ. Сдѣлавъ порядочное собраніе перстней, грудныхъ булавокъ и необдѣланныхъ рѣдкихъ камней, одинъ другаго лучше, возилъ онъ ихъ въ красивомъ ящичкѣ вездѣ съ собою. Особенное удовольствіе доставляло ему, показывая въ это сокровище кому

бы то ни было. Тутъ съ большимъ краснорѣчіемъ описывалъ онъ и выхвалялъ каждый камышекъ, рассказывалъ его исторію и ушлялся удивленіемъ зрителей.

Однажды послѣ обѣда, которому онъ угощалъ нѣсколькихъ прѣхавшихъ къ нему изъ городка чиковниковъ, вынулъ былъ ящичекъ, давно знакомый всемъ офицерамъ на корабль. Въ то время, какъ разсматривались вещи, вдругъ поднялся на палубѣ шумъ. Капитанъ бросился шуда и всѣ за нимъ, а ящичекъ оказался не запертъ. Причина суматохи оказалась однако неважною: изъ шрома повалилъ дымъ; это подало поводъ закричать: пожаръ! Но какъ не нашлось опасности и вскорѣ все приведено было въ порядокъ, то гости возвратились въ каюту и Капитанъ спалъ опять занимать ихъ рассказами о камняхъ. Тутъ вдругъ онъ ошановился, поблѣднѣлъ и хопя, опомнясь, продолжалъ рѣчь свою, но уже ошрывисто и сухо; а пошомъ вскорѣ кончивъ, заперъ свой ящичекъ и вышелъ въ примѣтномъ смущеніи.

По уходѣ гостей, офицеры, пошолковавъ между собою о причинѣ внезапнаго расшройства ихъ Капитана и предугадывая неприятную истину, рѣшились наконецъ спросить его.

„Не понимаю, какимъ образомъ,“ — отвѣчалъ онъ: „не конечно по собственной моей неоспорожности, очень дорогой перстень исчезъ изъ моего ящика. При гостяхъ не хотѣлъ я говорить о томъ, чѣмъ не оскорбиль ихъ; да и теперь, если бы вы не спросили, не сказалъ бы ни слова; знаю впрочемъ, что эта вещь не можешь смутить никого изъ васъ. Вы вѣрно помните перстень...“ И чуть спавъ онъ описывавъ потерянную вещь со всѣми подробностями, со всею точностію любителя, впрочемъ безъ намѣренія, единственно по всеобщему своему присраспію. Пожалевъ такимъ образомъ о своей потерѣ, онъ уже не вспоминалъ о ней ни однимъ словомъ, но шѣмъ болѣе удивлялись и толковали между собою офицеры. Вольдемаръ, которій во время пропажи былъ на вахтѣ, узнавъ о томъ уже отъ своихъ поварихей. Дни черезъ два корабль пустился опять въ море. Происшествіе казалось забытымъ.

Спусти несколько времени, Гольгеръ прохаживался однажды въ задумчивости на палубѣ; къ нему присоединился Джонъ, съ которымъ оба друга давно уже осматривались при однѣхъ только учтивостяхъ, чего, казалось, онъ не замѣчалъ. Послѣ нѣсколькихъ равнодушныхъ словъ, сказалъ онъ съ весьма

проницательнымъ взглядомъ, въ кошоромъ выражались вѣснѣ и любопытство и опасеніе: „какъ я радъ, что Капитанъ нашель своей перстень! Удивительно только, почему онъ молчишь, тогда какъ вещь о потерѣ его пронеслась между нами, какъ бѣглый огонь.“

— „Нашель? въ самомъ дѣлѣ?“ спросилъ непринужденно Гольгеръ.

„Неужели же вещь?“ отвѣчалъ Джонъ съ удивленіемъ. „Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось шакъ, потому что вчера и сегодня видѣлъ я его въ рукахъ у Вольдемара. Онъ еще разсматривалъ его шакъ умильно. — Вѣдь ты знаешь, что наши каюты раздѣлены только парусиною. Я подумалъ, что если перстень у него, то вѣрно онъ взял его у самага Капитана. Мнѣ спрашно, что ты ничего о томъ не знаешь. Ну, брашь, и я не стану больше говорить ни слова!“

— „Это ложь!“ вскричалъ Гольгеръ запальчиво.

„Ложь!“ возразилъ шакже Джонъ, однако скорѣю опомнясь, прибавилъ: „ну, вещь увидишь! я очень хорошо помню перстень, которій потерялъ; ты самъ возмешь назадъ свое слово.“ — Тутъ Джонъ опошелъ къ другому повариху.

Пылая ось гнѣва, едва въ состояніи себя удерживать, Гольгеръ устремилъ на него неподвижно взоръ свой. Онъ готовъ былъ итти въ шу же минушу къ своему другу, но сильное волненіе духа его удерживало; готовъ былъ подтвердишь кровью свою вырвавшееся у него поспѣшное слово, къ кошорому подалъ поводъ коварный взглядъ Джона, обнаружившаго ясно подозрѣніе на Вольдемара, но это значило бы подвергнушь и жизнь друга игрѣ случая.

Скрываясь, но не въ силахъ скрываться, вошелъ онъ къ Вольдемару съ такимъ мрачнымъ видомъ, что сей въ изумленіи спросилъ, здоровъ ли онъ.

„Я немножко разсердился!“ отвѣчалъ онъ. „Дѣло вышло все изъ пошерянного персянши, спали удивляхъсѣ опять пропажъ, и...“

— „Онъ у меня!“ прервалъ его Вольдемаръ: „непоняшнаго шушь ишьъ ничего.“

„У себя?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ: „у себя, — а Капишанъ...“

— „Скоро получишь его. Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ тяжело мнѣ съ нимъ разсашься! Еще все недосшавало у меня къ шому силъ; да мнѣ и въ самомъ дѣлѣ хочется выдумать какой нибудь невинный обманъ. Никто не знаешь, что я нашель его.“

„Однако, можешъ бышь, почему знашь!“ возразилъ поспѣшно Гольгеръ.“

— „Если шакъ, то конечно нельзя мѣшкашъ. Но мнѣ будешъ очень горько. — Садись и выслушай, какъ все случилось“ — продолжалъ Вольдемаръ весьма непринужденно. „Знай же: персянень украдемъ — маленькою обезьяною Капишана: но крайней мѣрѣ шакъ должно полагашь, пошому что она часшо срываешся, и какъ ее всегда наказываюшь за шалости, какія дѣлаешъ она на свободѣ, то изъ хипросети или смиренія, или Богъ знаешъ почему, ей вздумалось спряшашъ похищенное въ шакое мѣсто, ошкуда не могла уже послѣ досшашъ, пошому что ее опять посадили на привязь. Дни черезъ два сорвалася она снова и случайно или ишьъ, шолько ошсыкала свою добычу и спряшалась въ уголку, гдѣ я нечаянно ее замѣшилъ. Я взялъ кусокъ парусины и хотѣлъ ошсторожно накрышь ее, чтобъ она не бросилася на мачшу, какъ вдругъ побѣжала она внизъ по лѣстницѣ и въ испугѣ уронила персянень. Мнѣ пошчасъ пришло въ голову, что это долженъ бышь пошерянный; я поднялъ его и не посмотри хорошенько, понесъ къ Капишану. Слуга сказалъ мнѣ однако, что онъ легъ уснушь. Думая досшавишь ему пріятную нечаянность,

я никому не сказала о находкѣ и пошлѣ къ себѣ въ каюшу, гдѣ и спалъ размашривать персень. Представь же себѣ мое удивленіе, мой испугъ, когда я узнала его, хотя уже нѣсколько лѣтъ не видала. Тутъ объяснились мнѣ слова доброй моей матери; загадка, лежавшая у меня на душѣ, разгадалась; персень принадлежалъ ей.

— „Какъ? что это значить?“ спросилъ Гольгеръ съ удивленіемъ и участіемъ.

Тутъ рассказала ему Вольдемаръ чистосердечно, какъ былъ онъ озабоченъ необходимыми издержками предъ ошъздомъ, и какъ неожиданно достала ему все мать его. „Теперь только,“ — продолжалъ онъ: „у меня открылись глаза. Изъ всего прежняго богатства отца моего, по превращенности судьбы, оставался у моей матери одинъ, отъ него полученный, дорогой персень. Имъ обручались они, и она скорѣе гошова была на все, нежели разшашься съ эшимъ сокровищемъ. Въ печеніе многихъ лѣтъ претерпѣвая нужду и употребляя послѣднія крохи на хворое мое дѣшество, она все таки не коснулася драгоценнаго залога своего исчезнувшаго счастья. И наконецъ однако, изъ любви къ сыну, котораго желала снарядить достойно званія, имъ носимаго, — мнѣ живо представляется, какъ все это

случилось — посредствомъ кого нибудь изъ друзей своихъ, знавшаго приспращеніе нашего Капитана къ дорогимъ камнямъ, она предложила ему свой персень черезъ прещи или четвертыя руки. Онъ вѣроятно съ радостію за него ухватился, какъ за вещь, весьма рѣдкую, и вошь я шеперь только сдѣлалъ это открытіе, въ изобиліи, меня гнѣпущемъ. Можешь шеперь вообразить, съ какими чувствами взоръ мой покоился на сей драгоценной жершвѣ материнской любви, и какія горько-сладостныя воспоминанія возбуждлись во мнѣ. И что жъ? Неужели эти счастливыя минуты должны мелькнуть, какъ метеоръ во мракѣ? Неужели, имѣя нѣчто существенное къ моей оправдѣ, и долженъ его лишиться, къ сильнѣйшему еще шерзанію души моей? Капитану дорога одинъ камень; онъ останешся при немъ; его онъ долженъ получить и получить: но что ему въ этомъ священномъ для меня золотѣ, которое обвивалось вокругъ нѣжнаго пальца моей матери, на которое шакъ часто взирала она съ любовію, которое вѣрныя уста ея часто съ радостію, чаще же съ горестными слезами цѣловали? Оставлю ли это сокровище, когда узнала его, когда прижимала его, со всеми нѣжнѣйшими дѣшскими чувствами, къ моему сердцу,

когда горю пламеннымъ желаніемъ возвращишь его подъ шопъ кровь, гдѣ бы на вѣкъ надлежало ему оспаваться, откуда шолько для меня оно скрылось? Вопшь посмотри, у меня естъ кольцо, увѣсисное, чистаго золоша, дороже, нежели шо. — Не разъ удивлялся шы искусству рукъ монахъ; я смѣялся, но вопшь, оно пришлось мнѣ кспани: разсмотрѣвъ хорошо першень, я нашель, что камень держится шолько шпильками въ маленькой чашечкѣ кольца; съ дорожнымъ инспрументомъ нашего доктора было бы легко, но все кажется мнѣ, будшо я не въ правѣ, и вопшь я колеблюсь, не лучше ли прямо признашся во всемъ Капшану, или прежде“ —

— „Въ умѣ ли шы?“ прервалъ Гольгеръ.
„Почему жъ?“ спросилъ Вольдемаръ, удивясь: „шолько бѣ не испоршишь перешня, и...“

— „Лучше во всемъ признашся прямо. Капшанъ вѣрно вшайнѣ горюешъ еще о перешнѣ: ну, если онъ, если кто нибудъ узналъ бы, что шы нашель его и держишь у себя — можешъ бышь даже и знающъ уже.“ —

„Какъ!“ вскричалъ Вольдемаръ, вскочивъ съ живосшію: „кто же осмѣлился... Но шы говоришь правду: я уже былъ однажды

въ подозрѣніи понапраспу, и не зналъ о шомъ. — Прочь! прочь! шеперь это золошо горитъ въ рукахъ монахъ, а все мнѣ жаль — какъ будшо, разспаваясь съ нимъ, должно опказашся опъ всякаго на землѣ счастья.“

— „Объяви чистосердечно швое желаніе; не ужели шы смѣдишься своей бѣдноспи?“

„Гм! не должно бы — но проклятое высокомеріе — однако шы правъ — я говорю на это и сей часъ.“

Онъ пошелъ къ Капшану. Сей принялъ его спрого и сухо, съ шакимъ видомъ, что другой, на мѣстѣ Вольдемара, болѣе подозрительный, подумалъ бы шопчасъ, что про него шепнули уже что нибудъ оскорбительное. Но холодность Капшана была непродолжительна; вскорѣ простой прогашельный расказъ Вольдемара, сдѣланный съ угнѣшеніемъ порывовъ гордости, обезоружилъ его и преклонилъ къ испинно опеческой крошоспи. Юноша заключилъ рѣчь свою прямодушною просьбою, чтошбъ Капшанъ оставилъ ему маловажное кольцо и позволилъ замѣнишь его другимъ, въ которое брася хорошо вдѣлать камень. Капшанъ выслушалъ его до конца, но не опѣвчалъ ничего на его просьбу, а шолько,

взявъ перстень, насказалъ ему кучу благодарностей и поспѣшилъ созвать всѣхъ офицеровъ, чѣмъ имъ объявить эпошъ радостный случай.

Въ первую удобную мину послѣ того, какъ они разошлись, Джонъ подвернулся къ Гольгеру и съ колкимъ взглядомъ шепнулъ ему: „ну что, берешь ли шеперь назадъ свое слово?“

„Нѣтъ!“ отвѣчалъ Гольгеръ не громко, но довольно рѣзко, шакъ чѣмъ Джонъ невольнo содрогнулся: „нѣтъ, Лейтенантъ Решошъ и нашель перстень, и держалъ его у себя; но шонъ и видъ, съ какими вы говорили о шомъ, все шаки заключалъ въ себя, ложъ и вы эпо знали очень хорошо; ложъ, говорю я, и гошовъ расквашаешься съ вами за сказанное.“

Съ этими словами, сопровождаемыми поразительнымъ взглядомъ, оставилъ онъ Джона, кошорый не подумалъ удержашъ его и съ шѣхъ поръ всячески старался избѣгашъ съ нимъ встрѣчи.

Между шѣмъ плаваніе продолжалось очень счастливо. Недѣли проходили за недѣлями. Уже были они близки къ мѣспу своего назначенія, какъ однажды за столомъ, къ кошорому приглашено было нѣсколько офицеровъ, Капитанъ сталъ утверждашъ

какую-шо очевидную несправедливость по морской наукѣ. Офицеры, а съ ними и Вольдемаръ, не могли при эпошъ не улыбнуться; немножко съ досадою обратился Капитанъ къ послѣднему, сидѣвшему прямо противъ него, и сталъ вызывашъ его удариться объ закладъ, съ шакимъ повелительнымъ шономъ, чѣмъ Вольдемаръ, будучи и самъ приведенъ въ сомнѣніе, счель неблагоприятнымъ отказатьсь. „Напрасно ко мнѣ обращаешься ты“ — сказалъ онъ ему шолько: „шо, чѣмъ я могу упошребить на закладъ, не споишь и шруда.“

„Зачѣмъ на деньги?“ сказалъ Капитанъ. „вошь у васъ хорошенъкая грудная булавошка. Давайше ее, а я шоже дамъ какую нибудь бездѣлку.“

Вольдемаръ снялъ булавку и ошдалъ ее избранному посреднику, кошорому и Капитанъ вручилъ небольшой фушляръ, вынутый въ шуже минушу изъ его ящика. Тотчасъ навели справку по книгамъ. Правда оказалась на споронѣ Вольдемара, кошорому и возвратили булавку его вмѣстѣ съ выигрышемъ. Тогда же поднялись изъ за шпола. Онъ ошкрылъ фушляръ и нашель шамъ — перстень своей маперы. Спрогій взглядъ Капитана заставилъ его укрошнить свои чувства; да и послѣ, когда имъ слу-

чалось бытъ наединѣ, Вольдемаръ не смѣлъ сдѣлать ихъ гласными, видя, что шого не хошлось начальнику и зная хорошо характеръ его. Но шѣмъ съ болѣшею благодарностію спалъ онъ носить сію драгоценность на груди своей, и съ неперпнѣемъ ожидать той счастливой минушы, когда въ состояніи будетъ, съ дѣшскимъ радушіемъ, возвратишь ее въ руки своей матери. Только другу открылъ онъ свою радость.

Цѣль плаванія была достигнута; но едва только ввалились они въ пристань, какъ нагналъ ихъ небольшой шлюпъ, привезшій Капшану приказъ, изъ котораго увидѣли, что внезапно шучи собрались вокругъ мирнаго дошоль горизонта ихъ отечества, и что ему должно соединишь все свои силы для ошраженія непріятельскихъ. Кораблю надлежало немедленно возвратишься, но не чрезъ Брипанскій каналъ, какъ обыкновенно, а вокругъ Шотландіи къ Норвежскимъ берегамъ. Капшанъ едва столько времени позволилъ себѣ упошребить, чтошбъ запасишь свѣжею водою и провіаншомъ. Все снова пришло въ движеніе, которое возбудило и внушрениую дѣяшельность молодыхъ офицеровъ. Каждый изъ нихъ горѣлъ неперпнѣемъ попасть въ пылъ битвы, сошшвшествующій пылу его юности. Толь-

ко Вольдемаръ неполнѣ участвоваль въ семъ общемъ соревнованіи. Шлюпъ привезъ и для него извѣстія, которыя, вмѣсто радоспныхъ ожиданій, пишавшихъ его душу, наполнили ее горесшію. Мать, снарядивъ его, можешъ бытъ по предчувствію, шакъ богато къ плаванію сдѣлала свою послѣднюю материнскую жершву. Оппустила его въ пыть славы и чести, она перешла на пыть вѣчнаго успокоенія, лишь только сынь пропаль съ глазъ ея. Вольдемаръ мужественно укрощаль горесшь свою и слезы; только мрачное облако нависло на радоспномъ прежде взорѣ его. Другъ умѣль щадишь и уважаль въ немъ чувшва благородной нѣжності.

Обрашное плаваніе началось и сшасливо и послѣшно, хошя желаніямъ юности все еще казалось оно медленно. Осенія бури не замедлили однако показашъ надъ ними права свои, лишь только перевалились они за Гебриды. Гордое зданіе долго преодошвало борьбу въшровъ и посмѣвалось ихъ упоршву; но шѣмъ какъ бы еще болѣе раздражало ихъ. Уже кипящее море и ревушая буря, соединенными силами грозили ему погибелью. Блѣдный, но все еще бодрый народъ, сквозъ наносимыхъ и ежедневнo болѣе стущающихся шучь, предусмашриваль одну не-

умолимую смерть, кою которой угрозы еще сильнѣе свирѣпствовали ночью, во мракѣ непроницаемомъ. Упомянутые непрерывными трудами машросы, чинали судьбу свою и надежды во взорахъ офицеровъ, копорые, сохраняя швердую, непринужденную осанку, поглядывали однако сомнительно на Капитана. Сей послѣдній былъ покойнѣе, бодрѣе всѣхъ; онъ ни на минушу не сходилъ съ палубы, расхаживалъ взадъ и впередъ, раздавалъ хладнокровно приказанія и — грызъ орѣхи.

Въ сіи ужасныя часы, младшіе офицеры должны были занимать опаснѣйшіе посты, и часто, въ ободреніе нижнихъ чиновъ, по-двизались крѣпкими мышцами въ труднѣйшихъ работахъ. Въ то время, когда силою бури, концы высокихъ мачтъ склонялись почти до поверхности моря, они безспрашно лазили по реямъ, копорыхъ края кунались нѣрѣдко въ холмящихся, сердитыхъ валахъ.

Часто Вольдемаръ усремлялъ жадный взоръ въ непрерывно разверзшую пучину смерти; но всегда замѣчалъ въ шакомъ случаѣ, что Гольгеръ находится вблизи его и какъ будто спережеть, чтобы другъ его, явно пренебрегая смертью, не забылъ предосторожности, кою обязанъ жизни. Такой надзоръ наконецъ возмутилъ его. Не

безъ досады спросилъ онъ: „зачѣмъ ты слѣдуешь всюду за мною по пятамъ?“

— „За чѣмъ?“ — отвѣчалъ Гольгеръ: „развѣ не заключили мы союзъ братства? И если намъ суждено схоронить себя въ этой влажной пучинѣ; но не ужели смертью опинимешь у насъ опраду, погрузишься въ море вмѣстѣ, грудь съ грудью, рука въ руку?“ Въ это мгновеніе, вдругъ корабль за-прещалъ, спрашнымъ толчкомъ всѣхъ бросило врознь; но въ этомъ грозномъ толчкѣ нашли они свое спасеніе; корабль съѣлъ на мель. — Они были у береговъ Норвегіи ранѣе, нежели полагали; брежущій разсѣвъшъ опкрылъ имъ береговыя скалы. Съ послѣдними силами корабля, смягчился и лапѣрь въшра; уже валы не вздувались такъ высоко; машросы упошребили ошашокъ силъ своихъ на выкачиваніе воды и срубку мачтъ; имъ удалось пусшить корабль въ ходъ и причалишь въ шу самую пристань; гдѣ и прежде искали они себѣ убѣжища. Еще до того, въ первую, нѣсколько покойную минушу, Вольдемаръ опозвалъ Гольгера къ споронѣ и сказалъ:

„Возьми и носи шы этушъ першенѣ; мнѣ его ненадобно.“

Гольгеръ смопрѣлъ на него съ удивленіемъ.

„Да, да!“ продолжалъ шопъ. „Памяшь машери для меня дорога, но эшошь персень приводишь меня въ уныніе. Онъ возбуждаешъ во мнѣ чувства, недстойныя мужа швердаго. Онъ былъ нѣкогда подаркомъ вѣрности; пусть же, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовашъ на меня пагубно, доставишь онъ мнѣ удовольствіе, вручишь вѣрному другу памятникъ того часа, въ кошорый избавлень я имъ ошъ мрачныхъ, неисповыхъ помышлений. Порадай мепя, возьми его; да и чшо изъ моего, не принадлежитъ тебѣ; шакже какъ и швоимъ, я свободно располагаю?“

— „Хорошо, беру и сберегу его для швоей невѣсты!“ ошвѣчалъ Гольгеръ, взявъ персень и повѣсивъ его на грудь свою.

„Для невѣсты?“ горько возразилъ Вольдемаръ. „Моя невѣста — мрачное море! Уже кажешся мнѣ, будшо оно манишь насъ въ свои объшнія.“

— „Чшо за печальныя мысли, когда опасносшь уже миновалась? Наслаждайся жизнью — она прекрасна!“ Тушь подошли шоварищи и разговоръ прервался.

Корабль, почти пошояла, дошацился до берега. При осмощрѣ нашлось, чшо починка его была бы, въ шакомъ ошдаленномъ мѣсщѣ, или вовсе невозможна, или сопряжена съ издержками, какихъ не шюидъ онъ

самъ. Въ шакомъ зашруднишельномъ положеніи, Капшанъ не смѣлъ мѣшкашь, и рѣшился, не смощри на продолжающіеся осенія бури, ошъ кошорыхъ шолько чшо усѣли они укрышься, перевести экипажъ на небольшую яхшу и плышь въ резиденцію Короля. Большую часть машросовъ распущили, а изъ офицеровъ младше должны были, по принятому правилу, оставашься для охраненія Королевскаго имущества: пушекъ, амуниціи, словомъ всего, чшо могло бышь спасено съ корабля и годишься къ упошребленію. Сія младше офицеры были два друга, къ кошорымъ судьба и здѣсь пріобщила злаго спущника, въ лицѣ Джона. Ихъ занятіе сопряжено было со многими зашрудненіями, и шребовало, къ болъшей досады, продолжительнаго неопредѣленнаго времени, хоща и можно было надѣишься, чшо непріятельскія дѣйшвія, нешюливъ начавшіеся, съ насшупленіемъ зимы пресѣкушя. Къ тому же, не весело было и самое пребываніе въ эшомъ маленькомъ береговомъ городишкѣ, кошорого гавань защищалась шолько нѣсколькими шанцами, наскоро починенными, и содержащими небольшой опрядъ пѣхошы, съ кошорою моряки, по давнишней, конечно ребяческой враждѣ, никогда не жили въ ладу, даже и по службѣ.

Тайныя отношенія обоихъ друзей съ Джономъ, еще болѣе усиливали ихъ досаду. Давно уже Вольдемаръ спалъ примѣчая, что Гольгеръ не иначе, какъ съ большимъ презрѣнiемъ обращается съ Джономъ, хотя сей шушками и разными увертками спасается отвлечь вниманiе прочихъ отъ существующихъ между ними неприязнностей. Какъ Гольгеръ не говорилъ о томъ ни слова, и даже избѣгалъ отвѣчать на дѣланнныя ему намеки; но Вольдемаръ и счелъ, что дѣло состоитъ въ нанесенной Джономъ пайно обидѣ его другу, почему и спалъ удерживаясь отъ распросовъ. Ни безпокойство, ни любопытство его не превозжили; свою честь считалъ онъ неприкосновенною подъ собственною защитою и надзоромъ дружбы; только невольнымъ образомъ сдѣлался онъ еще холоднѣе къ Джону. Сей между тѣмъ, по отъѣздѣ Капитана, увидѣлъ, что поварищи совершенно его оспавили и говорили съ нимъ только по службѣ, въ которой, какъ старшiй, былъ онъ ихъ начальникомъ. Весьма естественна, что взаимныя бесѣды съ ними, искалъ онъ другой, гдѣ только могъ найсти, и съ рѣдкою при его званiи предупредительностiю къ нѣкоимъ офицерамъ маленькаго гарнизона, вслухъ и въ сообщество съ ними, спалъ уча-

снвовашъ въ ихъ веселыхъ пирушкахъ и зашѣяхъ; а наконецъ такъ забывался въ ихъ кругу, что возбуждалъ сильное негодованiе своихъ поварищей. Оба друга, кромѣ нѣсколькихъ знакомствъ въ городкѣ, и по не весьма привлекательныхъ, не имѣли никого, съ кѣмъ бы могли раздѣлять время, и принуждены были, болѣею частiю, посвящать часы свои уединенiю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и скукѣ.

Между тѣмъ, въ продолженiе зимы, въ сердце Вольдемара вдругъ заронила искра шой спраспи, о которой прежде говорилъ онъ не иначе, какъ съ горькою усмѣшкою. Одна изъ жильщицъ маленькаго городка, очень любезная дѣвушка, умѣла такъ сильно привязать его къ себѣ, что онъ еще неперывливѣ спалъ желанiе весны и войны, принимая послѣднюю за средство оплечить себя и улучшить свое положенiе. Гольгеръ, которому онъ открылся, и предъ которымъ въ первый разъ началъ разсуждать о важности семейственнаго счастья, слушалъ его, не понимая; ибо истинная любовь была ему неизвѣстна, хотя и не чуждался онъ радостей, которымъ придають ея имя. Смѣясь надъ краснорѣчивыми увѣщанiями Вольдемара, не могъ онъ однако не сожалѣть, что уже не такъ часто, какъ преж-

де доставалось ему проводить съ нимъ время, и что нерѣдко другъ въ большемъ неперпѣи осматривалъ его. Томимый бездѣйствіемъ, ибо весь корабельный снарядъ давно уже прибранъ былъ къ мѣшу, спалъ онъ заглядывая время отъ времени въ биллиардную залу, единственное во всемъ городкѣ мѣсто собранія молодыхъ людей. Тутъ по неволѣ надобно было сблизаться съ пѣмъ, кого онъ прежде избѣгалъ, и шупъ же, къ сожалѣнію, узналъ онъ всю мѣру предосудительнаго участія, принимаемаго Джономъ въ самыхъ неумѣренныхъ шалостяхъ. Сильно огорчался онъ пѣмъ болѣе, что другъ его, уже не съ такимъ, какъ некогда, жаромъ, принималъ его горькія на по жалобы. Съ пѣмъ поръ взоръ его спалъ слѣдовалъ повсюду за Джономъ, подобно тому, какъ взоръ господина слѣдуетъ за неосесаннымъ слугою, которому по необходимости даль нести дорогой сосудъ, и на котораго за малѣйшее неловкое движеніе, возбуждается въ немъ сильная досада. Нанесенныя ему Джономъ небольшія личныя оскорбленія, почти забыты имъ были по пламенной заботливости о чести мундира.

Наступила весна; ледъ въ гавани рушился и размещался по валамъ моря. Скука пѣмъ поминательнѣе была для Гольгера,

какъ и для его поварищей, чѣмъ съ большимъ неперпѣиемъ ожидалъ онъ дальнѣйшаго своего назначенія. Къ тому же шягопилъ его, какъ и другихъ, недоспашокъ въ деньгахъ. Большое разстройство отъ сподницы и, по тогдашнимъ обшюяшельствамъ, запруднишельность переписки, засадили его довольствоваться весьма ограниченнымъ содержаніемъ, и по получаемымъ черезъ Джона, которому поручено было, необходимѣйшую для команды сумму взять, именемъ Короля, у городского Начальства. Если бы впрочемъ Джонъ и могъ давать въ пособіе болѣе, нежели сколько слѣдовало; то друзья шого никакъ бы не захоули, ибо видѣли, съ какимъ легкомысліемъ распочаешь онъ значительныя въ ихъ положеніи суммы, и спрашивались послѣдствій.

Въ это время неожиданно вбѣжалъ въ гавань поврежденный **скій военный бригъ, которыи съ большимъ шрудомъ пробрался между разсыянными по морю льдинами. Въ городкѣ экипажъ надѣялся исправить свое судно и привести его въ состояніе къ дальнѣйшему плаванію. Изъ всѣхъ прибывшихъ офицеровъ, едва шолько старшіе имѣли видъ людей нѣсколько образованныхъ, а прочіе, закоренѣлые невѣжды, поддерживались въ распушной жизни своей шолько неограни-

ченною надъ ними властію начальниковъ, которые однако и сами перѣдко вдавались въ безчинства, навлекавшія большія непріятности жителямъ городка. Никто изъ сихъ чужеземцевъ не говорилъ языкомъ страны, въ которой они находились, и только немногіе изъ старшихъ умѣли по Французски и по-Английски. Первымъ изъ сихъ языковъ, говорили порядочно Вольдемаръ и Гольгеръ, а на послѣднемъ Джоанъ объяснялся какъ на родномъ; пошому что узналъ его еще въ дѣтствѣ, бывъ у отца своего въ Индіи. Это сблизило ихъ съ иностранцами: Капшанъ брига былъ почти неразлученъ съ Джономъ и во всемъ съ нимъ совѣшвался, а Гольгеръ, по обыкновенной предупредительности въ обращеніи Датскихъ моряковъ съ чужими офицерами ихъ званія, считалъ себя обязаннымъ услуживать имъ, въ чемъ только могъ. По сему перѣдко засиживался онъ въ биліардной залѣ и былъ свидѣтелемъ самыхъ шумныхъ явленій, въ кошорыхъ, къ величайшей, едва скрываемой досадѣ своей, всегда видѣлъ участникомъ Джоанъ. Всего несстерпимѣе для него было, когда сей, играя и проигрывая въ банкъ, забывалъ о крайности, въ какой они находились, и съ безразсудною запальчивостію промещивалъ послѣднія свои деньги.

Уже нѣсколько разъ намѣревался Гольгеръ просить его, чшобъ онъ по крайней мѣрѣ не въ мундирѣ посѣщалъ эту бездушную шайку; но самъ никогда не снималъ мундира, какъ бы желая придашь хоня нѣсколько важности и порядка среди невоздержанія и безчинства. И дѣйствительно, его присутствіе, его возвышенное самочувствіе, удерживали въ границахъ грубость даже и высшихъ офицеровъ. Изъ сихъ, одинъ только заслуживалъ его уваженіе и дружбу: это былъ второй по Капшанъ изъ командовавшихъ на бригѣ, человекъ пожилой, родомъ Французъ; его правила, казалось, наиболее согласовались съ Гольгеровыми, и онъ мало участвовалъ въ буйныхъ забавахъ своихъ поварихей. Самъ же Капшанъ былъ чрезвычайно присраспешъ къ игрѣ.

Вечеромъ, наканунѣ того дня, кошорый назначенъ былъ для опшльшій брига, шелъ Гольгеръ, уже довольно поздно, въ биліардную залу, чшобъ сдержавъ данное слово на проводы. Еще издали услышалъ онъ величайшій шумъ и возню, кошорыя и не удивили его, ибо онъ зналъ, каково можетъ быть прощанье грубыхъ людей. Но какое ужасное зрѣлище представилось глазамъ его! Посреди многочисленнаго пьянаго собранія большаго часнію раздѣтыхъ людей, на полуиз-

ломанномъ карпочномъ сподѣ лежалъ мундиръ, на кошоромъ держались еще сподѣ знакомые ему эполеты, и чужеземный Капшанъ, едва стоя на ногахъ, колошпилъ по немъ палкой, съ громкими ругательскими и насмѣшками. Смущенный крикъ, смѣхъ, проклятія окружающихъ, служили музыкой къ нашимъ ударамъ. Нѣсколько находившихся шумъ Дагчанъ, съ явнымъ негодованіемъ бросились на встрѣчу Гольгеру, когда онъ вошелъ, какъ обыкновенно, въ полномъ мундирѣ. На мгновеніе остановился онъ, какъ вкопанный, пошомъ вдругъ вынулъ саблю свою и съ пвердостью, копорая пошчасъ прошезвила большую часть предспоящихъ, вскричалъ: „что это? кто смѣешь ругаться шакъ мундиромъ здѣшняго края и шѣмъ, копорый ношу я? Ошвѣчайте вы, чужеземцы, и дайше мнѣ опчень!“

„Когда негодай“ — лепешалъ Капшанъ: — „проигралъ мнѣ штысячу шалеровъ и не плашшь, когда онъ убѣжалъ — ишь, вопъ онъ лежишь еще здѣсь!“ — продолжалъ онъ, качаясь, и лишь только хопъль опяшь приударилъ по мундиру, какъ повалился на полъ.

Тутъ вступилъ гарнизонный Лейтенантъ, переодѣшый во фракъ, и спалъ говорилъ хоша въ извиненіе буйныхъ, но съ

явною злобою во взорѣ: „они все порядочно напились“ — сказалъ онъ: „Лейтенантъ Формеръ поже былъ хмѣленъ, да и я не безъ шого. Какъ въ компанъ сдѣлалось жарко, по все они давно сняли свои мундиры. Запра никшо не узнаешь, что здѣсь происходило.“

— „Лейтенантъ Формеръ хмѣленъ не былъ“ вскричалъ Гольгеръ, не обращая вниманія на посредника. „Онъ пошелъ на мидушу къ себѣ, чтобъ достать денегъ и удовольстворить вонъ - этого безумца; онъ конечно не воображаетъ, что могли здѣсь позволить себѣ. Онъ возвратился и пошребуешь, чтобъ съ нимъ расквишались.“

Помышляя только о шомъ, чтобъ спасти и поддержать честь своего званія въ глазахъ сихъ грубыхъ чужеземцевъ, Гольгеръ употребилъ всю власть надъ собою, чтобъ подавить бѣшенство свое прошивъ неоспойнаго своего шоварица. Онъ поспѣшилъ въ жилище Джона и нашель, что сей скорыми шагами разхаживаетъ по компанъ: писнолетъ въ рукъ, на сподѣ порохъ; по и другое попеременно ошанавливаетъ на себѣ его нервшипельный взоръ, искаженный самымъ дикимъ опчальніемъ.

Гольгеръ спалъ передъ нимъ, сложа руки, и съ подавленнымъ въ груди негодова-

нѣмъ, сквозь сжатые уста, произнесъ:
„что узналъ я?“

— „Оставь меня!“ отвѣчала Джонъ
опривисно: „я былъ безъ головы — и ше-
перъ еще не опомнюсь; тысяча палеровъ
долгу и ни гроша въ карманъ.“

„И честь нашего корпуса, муидира,
флага, кошорому ты клялся.“ —

— „Эшо-шо и бѣснѣя меня!“ отвѣчала
Джонъ глухо.

Син слова, какъ бальзамъ, влились въ
возмущенную душу Гольгера. Онъ почув-
сивоваль родъ соспрананія къ жалкому че-
ловѣку. „Если спасеніе возможно, шо оно
будешь!“ воскликнулъ онъ. „Я доспану де-
негъ.“

„Нѣшь, нѣшь!“ сказала Джонъ, качая
головою. И эша сумма не спасеть меня,
шолько ошсрочить спыдъ и казнь мою.
Забранныя мною казенныя деньги шоже въ
убишы; ихъ-шо желая спасши, попался я
въ новую пещлю. Все могъ бы я возвратишь,
но не пошчасъ. Мы ожидаемъ ежедневно
повелѣнія, и мнѣ должно будешь опдать
ошчешъ; шогда-шо, шогда — ахъ, Боже
мой! — мое поношеніе — честь нашего
корпуса!“ Онъ сильно домаль себѣ руки. —
„Нѣшь, все пропало — однако я благода-

ренъ тебѣ“ — прибавилъ онъ слабымъ го-
лосомъ.

„Ошъ благодарности уволь!“ Для те-
бя право ничего бы я не сдѣлалъ, но швою
одежду ношу и я. Берусь доспашъ все дене-
ги, но ты должень драшься, завтра же ра-
но по ушру, пока не ушелъ бригъ.“ — Тушь
расказалъ онъ коротко, что видѣлъ. — „Я
буду швоимъ секундантомъ!“

— „Головь. — Но возможно ли эшо?
Ты, ты хочешь бышь моимъ спасишелемъ!“
вскричалъ Джонъ съ горячностью.

„По необходимости. Все случившееся
мы предадимъ забвенію, шолько съ однимъ
условіемъ.“

— „Головь на всякое.“

„Ты выйдешь въ ошспанку.“

— „Какъ! — Хорошо, но шолько не
пошчасъ. Подумай самъ о чести моей, о
чести нашего корпуса, шакъ много шобю
цѣнимою. По крайней мѣрѣ шогда уже, какъ
мы выйдемъ изъ эшого городка.“

„Смошри по обстоятельствамъ, какъ
найду я нужнымъ — слышишь ли? Одѣвайся
же; я скоро явлюсь къ тебѣ.“ Спрося, какъ
велика вся проигранная сумма, онъ его
оставилъ.

Гольгеру, какъ скоро онъ пришелъ въ
себя ошъ первыхъ вначашлѣній билліардной

залы, вспало на умъ обстоятельство, которое счелъ онъ за намекъ Провидѣнія. Когда-то пріѣхалъ его Французъ случайно видѣлъ перстень, носимый имъ на груди, и говоря, что знаешь, какъ дорого можно сбыть это сокровище въ настоящемъ мѣстѣ и въ благопріятное время, предлагалъ ему значительную за него сумму. Гольгеръ не хотѣлъ тогда и слышать о такой продажѣ. Но теперь — въ этомъ оставался единственный способъ, достать на-скоро столь большую сумму, въ какой имѣлъ онъ надобность. Къ тому же чужеземцы съ разсвѣтомъ дня должны были пуститься въ море, следовательно вся исторія кончена будетъ разомъ. Дуэль, какъ онъ полагалъ, окончится и малѣйшую идею о прусоссти. Правда, что перстень былъ уже обѣщанъ невѣстѣ друга въ день ея свадьбы, но его настоящее употребленіе было священно, было необходимо. Самъ другъ не одобрилъ ли его, узнавъ обстоятельство, и осмѣивающееся за отдачу камня, кольцо не будешь ли шѣмъ драгоценнѣе собственно для него, для друга, для невѣсты? Онъ вспомнилъ, что некогда Вольдемаръ говорилъ ему, какъ легко можно камень отдавать отъ кольца, и пошчасъ принялся за это дѣло. Оно удалось какъ нельзя лучше. Тогда побѣждалъ

онъ къ Французу, который только что на-тѣрвался идти совсѣмъ на корабль. Торгъ былъ заключенъ легко и скоро; деньги получены чистымъ золотомъ.

Джонъ, къ которому пришелъ онъ пошомъ, ждалъ его въ сильной поскѣ; при видѣ блестящаго золота, онъ вдругъ ободрился и послѣдовалъ за нимъ. Въ билиардной залѣ никого уже не было, но Капитанъ положенъ былъ въ постель въ шомъ же самомъ домѣ. Не смотря на всѣ представленія слугъ, его разбудили. Еще съ шуманною головою, едва могъ онъ припомнить случившееся; ему ошсчитали деньги, и съ шрудомъ могли вполковашъ необходимость дуэли. Наконецъ убѣдясь въ своей винѣ, далъ онъ честное слово явиться въ назначенное мѣсто и въ условенный часъ. Тогда Гольгеръ опыскалъ еще шого гарнизоннаго офицера, о которомъ было упомянуто выше, и просилъ его бытъ впорымъ секунданшомъ. Ему хопѣлось, что въ случаѣ нужды, дуэль сдѣлалась гласною. Пошомъ передалъ онъ Джону остальныя деньги и разскался съ нимъ холодно, обѣщавъ на разсвѣтъ придти за нимъ.

Въ назначенный часъ, Гольгеръ нашелъ его уже одѣтымъ и по наружности ничто

не открывало для наблюдательного взора, чпобъ сердце его было не на мѣстѣ.

Лишь только переступили они черезъ порогъ, какъ пришла эскафета, кошорая принесла столь неперпѣливо жданое рѣшеніе судьбы ихъ. Деша написана была Джону, какъ имѣвшему въ рукахъ своихъ главную команду. Промедленіе, хотя бы на четверть часа, въ раскрытіи Королевскаго приказа, считалось каждымъ морскимъ офицеромъ за великое преступленіе. Джонъ, взявъ депешу, пришелъ въ замѣшательство. Самъ Гольгеръ понудилъ его распечаташь, предоставляя ему сдѣлать паскоро, какія нужно, распоряженія и сколь возможно поспѣшите явившея куда следовало; онъ принялъ на себя объявить чужестранцамъ о причинѣ его промедленія и задержашъ ихъ.

Капитана съ двумя секунданцами пашель онъ уже на мѣстѣ и въ большемъ неперпѣтнѣ, пошому что попушнѣй въспръ благоприятствоваль ихъ ошпашію. Онъ прямо расказаль имъ истину; но прошло четверть часа, и еще четверть, а Джонъ не являлся. Капитанъ довольно грознымъ тономъ объявилъ, что жданъ долѣе не намѣренъ и не можешъ. Тушь вызвалъ Гольгеръ заспушнѣ мѣшо своего шоварища и, какъ свидѣтель оскорбленія своего мундира,

ошомешнѣ лично. Принимая на себя двойную борьбу, за ошесушнѣющую и за себя, онъ предложилъ, кому изъ проихъ прошивниковъ угоднѣ попробовашъ привешнѣ его не въ состояніе, сразнѣся во второй разъ. Выступилъ секундантъ Капитана. По доволнѣ продолжнѣтельномъ сраженіи, удалось Гольгеру обезоружнѣть прошивника. Неперпѣливый Капитанъ, кошорато едва ли не еднѣшнѣнною добродѣтелью была буйная ошважнѣсть, почпнѣ въ шо же мгновеніе самъ броснѣся на Гольгера. Эша, не совѣмъ позволнѣтельная поспѣшнѣсть, взволновала въ молодомъ чловѣкѣ кровь, и безъ шоно спрунѣвшуюся уже изъ легкой ранъ; однако онъ выдержнѣваль и эшо нападеніе съ большнѣмъ упорнѣствомъ и неустрашнѣннѣстю. Капитанъ дрался на смернѣть, онъ эшо видѣль и увѣрнѣннѣсть въ шошь дала новыя силы рукъ его, шакъ что самъ не поспнѣгая, какнѣмъ образомъ, онъ повергъ прошивника къ ногамъ своимъ.

Въ эшу мнѣшу, изъ-за угла скалы явлѣся Джонъ; онъ бѣжалъ шоропнѣливо, но не задыхался ошъ усналоспнѣ; еще издали, вынувъ свою саблю, махаль онъ ею и горячо изьявляль досаду, что не поспѣаль ко времени. Къ нападенію на вшорато секунданша, съ кошорымъ онъ хошѣль, казалось, соснѣя-

запясь, его не допустили. Время было уже вѣсьмъ подумашь и о помѣ, чпобъ раненаго Капишана ошнести на шлюпку. Лишь пошько эшо было сдѣлано, чужестранцы ошвалили къ бригу, кошорый немедленно подналя паруса.

Вѣсь прочіе ошправились въ городокъ. Гарнизонный офицеръ спалъ съ шѣхъ поръ оказывашь Гольгеру необыкновенное уваженіе, кошорое, вѣрояшно ради его, простиралось и на Джона. Сей послѣдній распущилъ обо вѣсьмъ произшедшемъ шакіе слухи, кошорые, по крайней мѣрѣ въ явѣ, не ошсавили и слѣда худаго о немъ мнѣнія.

Между шѣмъ Джонъ, умѣвший извинишь передъ Гольгеромъ свое ошсущствіе, показалъ ему присланные приказы. Они соснояли въ помѣ, чпобъ устроишь въ городкѣ магазины и лазарешъ, по удобному изъ него сообщенію по вѣсьмъ направленіямъ въ море; и чпобъ снарядишь небольшую пловучую башпарею для защиты гавани. Съ шѣмъ вмѣстѣ давалось знашь, чшо съ гошовымъ уже къ ошправленію фрегатамъ, пришлешся небольшая шкуна для прикрыванія входящихъ въ гавань купеческихъ судовъ; а командующій фрегатамъ и вмѣстѣ всею расположенною по берегамъ флотиліею, сдѣлаешь дальнѣйшія распоряженія. — Судя по числу

приказа, надобно было вскорѣ ожидашь прибытія фрегата. Офицерамъ надлежало прежде всего заняшья составленіемъ изъ ошпашковъ спараго корабля пловучей башпареи.

Сердце Гольгера наполнилось новыми, радоспными надеждами; онъ посѣщилъ къ Вольдемару, и расказавъ прежде о нихъ, общилъ ему пошомъ и о случившемся поединкѣ.

Вольдемаръ, кошорый со времени помолвки своей — по крайней мѣрѣ другу его шакъ казалось, — уже не съ прежнимъ жаромъ раздѣляя его мнѣнія, выслушалъ все внимашельно, пожалъ ему руку и покачалъ головою. „Если бъ шло дѣло пошько объ одномъ драгоцѣнномъ камнѣ“ — сказаль онъ: „но за кого подвергалъ ты жизнь свою. — Смощри, ишпина все таки выйденъ наружу, а если и ишь, думаешь ли ты, чшо эшошь негодяй надолго избавишь насъ ошь подобнаго посрамленія? Ручаюсь, чшо онъ не сдержитъ даннаго шебѣ слова, да и не можешь, какъ вѣсьма справедливо самъ шебѣ замѣщилъ. Мы принуждены будемъ, можешь бышь, служишь подъ его начальствомъ: онъ старшій изъ насъ. Но швое намѣреніе было благородно, и если какой нибудь подлець и не можешь замарашь нашего званія, на ко-

шпоромъ, какъ на свѣтломъ зеркалѣ, вмигъ исчезаетъ каждое печисное дуновение; по все лучше, когда оно ни на минушу ошь него не померкнешь.“

Гольгеръ не съ веселымъ духомъ оставилъ своего друга, однако грусть его разсѣялась вскорѣ въ заняшяхъ; вмѣстѣ съ другими приложилъ онь большое спараніе, чшобъ скорѣ снарядишь пловучую башшарею. Ежедневныя приказанія раздавалъ въ вшой работѣ Джонъ. Такъ прошло нѣсколькo дней. Въ это время замѣнили Гольгеръ, чшо деньщикъ Джона, одинъ изъ мапрозовъ съ ихъ корабля, безпреспанно вершлся у него на глазахъ. Эшошь мапрозъ былъ очень извѣсшень, нерѣдко исполнялъ его порученія, иногда по шакимъ дѣламъ, копоры любяшь оспорожность и молчаливость, и вшими обоими качествами, съ прибавкою вѣрности, могъ онь шочно похвалиться; но безъ всякаго дѣла шакъ ухаживаешь за чужимъ господиномъ, — это не могло бышь безъ причины. Однажды онь пришелъ даже въ кварширу Гольгера, и когда попался ему на глаза, шо смѣшался и не зналъ, чшо сказашь.

„Чшо ты, Мадъ?“ спросилъ Гольгеръ, смѣючись: „ты увиваешься около меня, какъ будшо кошка вокругъ горячей каши. Вѣрно

захошѣлось шебъ въ море? Ахъ, брашъ! здѣсь, въ эшомъ захолустѣ нѣшь и порядочнаго суденышка, чшобъ можно было смѣшь показашься сердцимымъ вѣтрамъ — или, пы не нашель ли какого?“

— „Нашель, сударь, нашель одинъ брандеръ, шолько не шакого рода, какъ вы думаеше. Въ эшомъ сырость и плесень поккрыли всю пороховую камеру, а все надобно боишься, чшобъ одна искра не подняла на воздухъ и флагъ нашъ и всѣхъ насъ.“

„Я шебя не понимаю. Говори, чшо шакое.“

— „Не смѣю, сударь; позволите мнѣ шолько просишь васъ, нельзя ли избавишь меня ошь моего Лейшенанша; у меня со-всѣмъ нѣшь охошы служишь ему.“

„Вотъ хорошо, нѣшь охошы! Да развѣ будиши спрашиваешь, ешь ли у шебя охоша? — Не съ ума ли ты сошель?...“

— „Бышь можень, г. Лейшенаншъ; со мною чшо-шо не даромъ; кусокъ въ горло нейдешь, шоска измучила. Говоряшь, она заразишельна, а я право еще молодець хошь куда, и не хочу, чшобъ меня назвали бабой.“

„Чшо ты болтаешъ? чшо шакое заразишельно?“

— „Лихорадка, сударь; но у васъ я шощасъ бы выльчился. Сдѣлайше ошече-

скую милость. Мой Лейтенантъ, у котораго прогнали вы лихорадку, вамъ ни въ чемъ не откажеться.“

„Негодяй! какъ ты смѣешь...“ Гольгеръ прервалъ самъ себя, закипѣвъ гнѣвомъ и ужаснувшись мелькнувшей мысли, кошорой не смѣлъ еще дать мѣста въ умѣ своемъ.

— „Что дѣлалъ, сударь! Въдь еще дѣволь не ослѣпилъ меня и я долженъ вѣрнѣшюму, что видѣлъ своими глазами.“

„Что жъ ты видѣлъ?“ спросилъ Гольгеръ, едва переводя дыханіе.

— „Вошь хорошо, г. Лейтенантъ, что такъ прямо изволише спрашивать. Теперь я раскажу все. Я, сударь, не глупъ, хошь и спараюсь никогда не разсуждашь, какъ и господа офицеры приказывають; однако, вошь вечера два назадъ, какъ вы, г. Лейтенантъ, раскрасѣвшись, прибѣжали къ моему Лейтенанту, кошорый былъ такъ блѣденъ, будшо наглошался морской воды, и какъ на другое упрю вы его опляшь всположили — шушь я не могъ не сдѣлать кой-какихъ разсужденій. На большое письмо, что ему подали, бросилъ онъ взглядъ шолько слегка, а попомъ пустился скорыми шагами за вами; я же, въ шемношѣ, за нимъ и шакже скоро, шолько разумѣея ошо-

рожно, шѣмъ больше, что онъ спалъ поне-многу убавляшь шагу. Впрочемъ онъ былъ въ шакомъ раздумѣ, что, кажешся, не вдругъ замѣнилъ бы меня, если бъ я на него и нашкнулъ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ шому мѣсту берега, кошорое вѣрно изволише знашь, шѣмъ мельче и мешкошѣе шагаль; наконецъ прокрался онъ въ одно ущелье, изъ кошорого выглядывая на берегъ, могъ видѣшь все. Чшо шушь за дрянъ шакая! подумалъ я, не во гнѣвъ сказашъ, про себя, и пихохонько вскарабкался на гору, ошкуда могъ видѣшь и своего господина и всѣхъ, кто былъ на берету — не могъ шолько разобрашь, по каковски они между собою говорили. Изъ ухвашокъ ихъ скоро понялъ я однако, въ чемъ дѣло; пошому что я не глупъ, какъ вамъ докладывалъ. Ужъ вынули и сабли, начали драпшься, а мой Лейтенантъ споялъ ни живъ ни мершвъ, не смѣлъ пошевелишься. Меня такъ спала забирашь охоша соскочишь къ нему въ ущелье, выхвашшь его саблю и выступишь на его мѣсто. Эшо было, когда на васъ г. Лейтенантъ, накинулъ уже другой. Но нашему брану не веляшь мѣшашься въ барскія дѣла. Когда вы сшибли съ ногъ и другаго, гора свалилась съ плечъ у моего господина. Онъ выбѣжалъ, какъ угорѣлый, а я воропился

домой, пошому чшо видѣль шо, о чемъ в не думаль. Тушь испысаль я, чшо худо шамъ разсуждашь, гдѣ перебуешя одно поченіе.“

„И не разсуждай! разумѣешь меня?“ сказала Гольгеръ: „но со мной ты должень говорить прямо: скажи, милъ ли тебѣ мундиръ Королевскій?“

— „Какъ мила жизнь моя,“ отвѣчала Мадсъ.

„А чешь Данскаго флага?“

— „Пуще жизни!“

„И если бѣ попался тебѣ негодяй, который вздумаль бы покрышь ее пияшномъ...“

— „Я гошовъ преслѣдовашь его, и самъ бросился бы съ нимъ въ море.“

„Не сказала ли ты кому нибудь, чшо видѣль?“

— „Ни одному дьяволу; однако, сударь, дьяволь вѣрно ужъ свѣдаль.“

„Пускай его, шолько не говори ни одной душѣ; съ эшимъ условіемъ я беру тебя къ себѣ, пошому, чшо онъ эшого зависить чешь наша, — моя чешь.“

— „Я буду нѣмъ, какъ рыба. Довольно шого, чшо вы знаеше — вы вѣдь смѣете разсуждашь.“

„Слунай же.“

Но и Гольгеръ оспался нѣмъ, какъ рыба; даже другу своему не осмѣлился онъ ошкрышь, какой стыдъ угрожаешь ихъ званию въ лицѣ малодушнаго шоварища. Но шочно ли была шрусосшь причиною пошупка Джонова? Мысль о ней изъ успѣ Мадса перешла къ Гольгеру и привела въ сильное волненіе кровь его; но ни чешпный деньщикъ, по своему прешодушію, ни его собшвенная чистая душа, не могли коснушья подозрѣній, чшо можешь бышь медлишельность Джона произошла оцѣ надежды увидѣшь гибель шого, кшо въ эшу самую минушу спасаль чешь его, но кшо вмѣстѣ былъ неподкупнымъ свидѣтелемъ его гнусности, прешыдилъ его своимъ великодушіемъ и шѣмъ еще глубже вкоренилъ ненависть въ его сердцѣ. Гольгеръ провель дѣлую ночь безъ сна, въ мучительныхъ думахъ. Ему казалось, будто бы судьба сильнымъ порывомъ влечешь и его, и все, чшо ему любезно, въ неминуемую погибель; единственное ушщепеніе находиль онъ въ шомъ чувствѣ, чшо дѣйствоваль по внушреннему своему убѣденію. Ушро заспало его сидящимъ въ глубокой задумчивости у окна, какъ вдругъ сильный пушечный залпъ возвѣсшилъ ему прибышіе ожиданнаго фрегата.

Вскорѣ и онъ одушевился общео радостію. Привезенныя съ родины благопріятныя извѣстія возвеселили духъ его. Одинъ изъ пріѣхавшихъ, лазаретный хирургъ былъ давно ему знакомъ и особенно весьма преданъ его другу; онъ него могъ онъ развѣдать о многомъ. Но всего радостнѣе была для нихъ обоихъ вѣсть, сообщенная самимъ Капитаномъ фрегата, человѣкомъ отличныхъ свойствъ. Начальникъ Академіи сильно за нихъ предшашельствовалъ и вмѣстѣ съ нимъ устроилъ такъ, что въ привезенномъ корабельномъ экипажѣ находилось небольшое только число спарыхъ офицеровъ, копорые имѣли уже въ свое назначеніе; а прочіе состояли изъ младшихъ, только что выпущенныхъ изъ корпуса. Такимъ образомъ, остававшимся цѣлую зиму въ городѣ офицерамъ, успѣвшимъ оказать себя съ хорошей стороны, можно было предшавить высшія мѣста. Капитанъ нашель въ городѣ много спаринныхъ знакомыхъ; въ первые дни своего прибытія, употребленные на то, чтооь кончить сооруженіе пловучей башшарей, онъ медлилъ назначеніемъ должностей найденнымъ на берегу офицерамъ, приказавъ имъ только подашь себя полный ошчель во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ.

Наконецъ, спустя нѣсколько дней, прее шоварищей были къ нему позваны. Джонъ, какъ спаршій, получилъ начальство надъ привезенною шкуною. Гольгеру, какъ слѣдовавшему за нимъ, поручена была башшарей, а Вольдемара назначили впорымъ командиромъ шкуны, подъ начальствомъ Джона. Объявивъ сіи назначенія, Капитанъ сказалъ имъ:

„Изъ всего, что я здѣсь слышалъ, должно заключить, что вы, господа, вѣрные, испытанные друзья между собою; почему и не затрудняюсь я сказашъ нѣсколько словъ въ предостереженіе одному изъ васъ, передъ другими, копорые такъ благородно оберегали его добрую славу. До меня дошли слухи“ — продолжалъ онъ, обращаясь къ Джону — „копорые могли бы побудить меня дашь вамъ, Лейтенантъ Формеръ, низшее мѣсто, впредъ до разбору дѣла; но Лейтенантъ Ан—, такъ сильно спунился за вашу честь, что, кажешя, пашню смышо, почему и не хочу я огорчить вашихъ благородныхъ друзей, давъ имъ предпочтеніе передъ тѣмъ, чье внутреннее достоинство, бышь можеть, невинно навлекшее нарѣканіе, спавить себя порукою такое дѣяшельное учасіе дружбы. Благодарите ихъ за мою снисходительность.“

Вольдемарь бросилъ, при сихъ словахъ, сполъ быстрый и многозначачій взглядъ на Гольгера, что сей невольно пошунилъ глаза въ землю. Когда же друзья остались наединѣ, они безмолвно, и какъ бы въ смущеніи смотрѣли одинъ на другаго. „Безподобно!“ вскричалъ наконецъ Гольгеръ. „Насъ какъ будто дѣлають порукою въ дальнѣйшемъ поведеніи Джона. Признаться, шуть ешь о чемъ подумаешь!“

— „Да, вмѣсто ошсавки, онъ будешь забавляешь шѣмъ, что можешь мнѣ приказываешь“ — сказала сухо Вольдемарь, и легкая краска покрыла его щеки. „Вошь плоды швоего благороднаго засшупничесшва зачесш нашего званія! Если бъ мы покойно предосшавили его судьбѣ, чего бы онъ и заслуживалъ, шы сдѣлался бы шеперь Командиромъ шкуны, а я получилъ бы башшарею.“

Гольгеръ не ошвѣчалъ ни слова; но еще въ шомъ же день пошелъ къ Капшану и подъ шѣмъ предлогомъ, чтошбъ не разлучишь друга съ предметомъ любви его, сталъ усильно просишь позволенія, переъмнись сь нимъ своимъ мѣшомъ. Капшанъ согласился и сдѣлавъ переъмщеніе, а вмѣстѣ распредѣливъ привезенныхъ младшихъ офицеровъ на шкуну и на башшарею, ошправилъ

ся на фрегашъ своемъ въ назначенный для него постъ.

„Что шы сдѣлалъ?“ сказала въ умиленіи Вольдемарь, сжимая руку своего друга. „Смѣю ли я приняшь шакую жершву?“

— „Туть нѣшь жершвы“ — ошвѣчалъ Гольгеръ. „Какъ намъ нельзя оставашься вмѣстѣ, что я хощѣлъ, чтошбъ не разлучили шебя сь шѣмъ, что шебѣ любезнѣе всего въ мѣрѣ; при шомъ же, я долженъ одинъ раскшшывашься въ шомъ, что сдѣлалось нашимъ бременемъ по моей милосши; мой долгъ не спускашь сь глазъ Джона, и не въ моихъ ли рукахъ онъ шеперь?“

„Глупецъ!“ вскричалъ Вольдемарь, качая головою — „онъ швой начальникъ. — Прошедшее имъ забыто, а въ насшоящемъ онъ дасш себя знашь. Смотри, будь ошшо-рожень.“

Гольгеръ безмолвствовалъ; каждое слово его друга, и все, что онъ слышалъ, все, что онъ видѣлъ, болѣе и болѣе шягошило его сердце. — Изъ сказаннаго начальникомъ Джону, надобно было заключаешь, что свѣш ни мало не обманушь на счеш случившася; что молчаніе вынуждено шолько его геройскимъ пошупкомъ, и вмѣсто поддержанія чешти корпуса, сдѣлано шо, что глаза всѣхъ обращены на пяшно, хошя смы-

шое, но все, какъ бы гошвое выдши снова наружу.

Джонъ былъ очень удивленъ и смущенъ тѣмъ, что Гольгеръ самъ вызвался идти къ нему подъ команду. Но мрачное облако, нависшее на бровяхъ его, вскорѣ измѣнилось въ принужденную, дружескую улыбку, съ какою онъ съ тѣхъ поръ не переставалъ встрѣчашь своего подчиненнаго. Свиданія ихъ были очень часты; по цѣлымъ днямъ проводили они на шкунѣ; поспѣшность ея снаряженія и обученіе экипажа, набраннаго опчасши изъ береговыхъ жителей, доставляли имъ много хлопотъ. Вскорѣ весь экипажъ увидѣлъ разницу между своими двумя начальниками: одинъ, раздражаемый малѣйшимъ недоумвнѣемъ или невольною ошибкою, не упускалъ случая выказать свою власть, хотѣлъ какъ бы дать волю какой-то скрытой досадѣ, и, разумеется, такое обращеніе, не могло привязать къ нему никого изъ подчиненныхъ; другой, напротивъ, щадилъ ихъ, даже примѣрно огорчался своевольствомъ ихъ припѣснишеля, какъ по собственному добродушію, такъ пошому, что зналъ, сколь дорога привязанность нижнихъ чиновъ въ минувшы рѣшительныя. Тушь самый опытъ доказалъ Гольгеру, что жестокость неразлучна съ шрусосію: ра-

скажь Мадса, котораго, по обѣщанію, взяли онъ къ себѣ, вершился безпреспанно у него на умъ и грызь его внутрешность. Одною шолько усиленною дѣятельностью превозмогалъ онъ скорбь свою; какъ на немъ лежалъ наиболѣе присмотръ за работами, по почти совсѣмъ не осмавлялъ онъ корабля. Вольдемаръ, также весьма занятый обученіемъ доставшихся ему молодыхъ офицеровъ, сходилъ съ башшарей шолько для посвщенія своей невѣсты; и такъ друзья видѣлись очень рѣдко, и шо всегда на минушу.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II.

В О С П И Т А Н І Е.

О выгодахъ общешвеннаго воспитанія.

Изъ всѣхъ заботъ, которыми обременяють себя важныя и добрыя ошцы, устроая счасіе семействъ своихъ, самую близкую къ сердцамъ ихъ и самую шрудную въ исполненіи заботу, сосмавляешъ попеченіе о воспитаніи дѣщей ихъ. Человѣкъ жадаешъ

жизнь въ памяти существова ему подобныхъ, даже и послѣ своей смерти, и преимущественно желаетъ въ оной жить посредствомъ своего попомства. Посему-то добрые и благоразумные опцы были всегда и лучшими гражданами; мысль — оставивъ въ наслѣдство дѣтямъ своимъ честное, прославленное заслугами, или, по крайней мѣрѣ, неочерненное ни малѣйшимъ пресупленіемъ, имя — всегда укрѣпляла ихъ въ пренесеніи самыхъ тяжкихъ обязанностей гражданскихъ. Восхищеніемъ и любовью къ сердцу ихъ пишашъ, при первыхъ дѣйствіяхъ юныхъ сыновъ, необманчивую надежду о томъ, что въ будущемъ, своими личными достоинствами и заслугами на поприщѣ службы Государственной, они поддержашъ славу дома своего, или дадутъ ему новый блескъ, какого доселѣ не имѣлъ оный. Сія надежда оправдывается единымъ мудрымъ воспитаніемъ юношества. Многіе однако лишены были наслажденія симъ утѣшительнымъ чувствомъ, при недостаткѣ средствъ къ должному образованію дѣтей своихъ и при тысячь другихъ непреодолимыхъ препятствій, вспрѣчаемыхъ частнымъ лицомъ въ совершеніи пользы пріятнаго долга; они видѣли, къ тяжкой горести своей, какъ сыны ихъ коснѣли во мракѣ невѣдѣнія, чшобы во всю

жизнь обременяшъ собою и домъ свой и обществу, — видѣли, и не были въ силахъ отвратить зла для нихъ ужаснаго. Сколь много по сему обязаны родители мудрымъ правительствомъ, облегчающимъ труды ихъ по сему важному предмету, пріемлющимъ на себя попеченіе о пріуготовленіи имъ надежныхъ опоръ на дни ихъ старости, опечеству достойныхъ гражданъ!

Однако есть люди, которые обидли во всемъ видѣніи одни несовершенства и, съ усиліемъ отыскивая часто мнимыя недостатки въ предметахъ самыхъ священныхъ, оуждашъ ихъ по онымъ. Опъ нареканія шаковыхъ не избѣгло и общественное воспитаніе. Они не умахриваютъ возможности, чшобы лица, по ихъ мнѣнію, чуждыя для дѣтей, являли должное при наставленіи усердіе; воображаютъ, что, по множеству совокупно воспитывающихся, наставники, при всей своей благонамѣренности, не могутъ успешно сообщать свѣдѣнія по той или другой наукѣ; имъ кажется, и они утверждаютъ, что юноши, находясь вмѣстѣ въ большомъ числѣ, прививаютъ другъ другу свои пороки, не занимая другъ опъ друга похвальныхъ качествъ. Внимая воплямъ шаковыхъ легкомысленныхъ судей, надлежало бы закрытьъ все учебныя заведенія.

Но вопли сіи суть слѣдствія необдуманнѣхъ одностороннихъ наблюденій и не содержатъ въ себѣ даже и пѣни правды.

Смыло свидѣтельствуюсь всякимъ благороднымъ по сердцу и признашательнымъ питомцемъ того или другаго общественнаго учебнаго заведенія, что доброе Начальство, что любящіе свое великое дѣло наставники, неуспѣнно бодрствуютъ объ исполненіи своего долга, и что въ семъ бодрствованіи управляетъ ими не наемническая гоповность дѣйствовать къ пользѣ заведенія по ожиданію мзды, но нѣжность истинно родительская, пропекающая отъ душевной увѣренности о важности ихъ званія, нѣжность, на каждаго изъ юношей равно раздѣляемая и пѣмъ надежнѣе достигающая желаемаго успѣха въ общемъ всѣхъ образованіи. И кто бы изъ наставниковъ посмѣлъ оскудѣть въ своемъ усердіи? Не должны ли они дашь спростій опчетъ въ дѣлѣ своемъ предъ Государемъ, опчешвомъ, родителами, лице кошорыхъ замѣняютъ, и наконецъ предъ Богомъ и своею совѣстію? — Ежели представляешь, что гражданинъ можешь быть ревностенъ только въ помѣ одномъ, что имѣешь ближайшее отношеніе къ нему самому; то надобно уничтожить всякую общественную должность. Мысль ни съ

чѣмъ несообразная; ее опровергаютъ подвигами своими великіе рачители блага опчественнаго на всѣхъ поприщахъ гражданскихъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ. Почему же и въ дѣлѣ воспитанія не быть подобному усердію ко благу общему? Нѣтъ, оно является, является обыкновенно; и, можешь спашься, сія самая обыкновенность причиною того, что оно не замѣчено; ибо люди сильно поражаются только рѣдкимъ и блистательнымъ; полезное, совершаемое въ тишинѣ и не ослабляющее взоры на ружность, никогда не возбуждаетъ особеннаго вниманія; съ него собирають плоды и остаются къ нему холодны. Самый искусный врачъ мало находить признашельныхъ: исцѣленіе приписывается сильной природѣ больнаго; безуспѣшное пользованіе почши всегда опношенно къ его недоразумѣнію и опшибкамъ, или къ его безпечности.

Спеченіе многихъ слушателей не составляетъ препяшствія къ равномерному наставленію въ наукахъ. Сія науки преподаются не однимъ лицомъ; каждая, или почши каждая, имѣетъ своего наставника, кошорый обладаетъ ею совершенно. Несвѣдущій не можешь быть терпимъ, даже не можешь быть допущенъ Начальствомъ къ наставленію учащихся. Множество слушате-

лей исполнишь жаром наставника, любящего свой предмет (а кто не любитъ своего, что знаетъ вполне?); рѣчь, произносимая отъ души, съ любовью, всегда сильно дѣйствуетъ на внимающаго ей. Самый безопасный и разсѣянный собираешь въ одну почку, блаждавшія досель мысли свои, обращаешь умъ свой къ слову, возбуждающему глубокое вниманіе въ его сверстникахъ, и мало по малу навываешь останавливаясь съ другими на одномъ предметѣ, углубляясь въ него, проникаешь его, овладеваешь имъ. Успѣхъ товарищей рождаетъ въ немъ соревнованіе; успѣхъ собственный въ одной наукѣ, возбуждаетъ въ немъ желаніе пріобрѣсти свѣдѣнія въ другихъ; жажда познаній расщепъ и умножается отъ полного упованія однимъ изъ нихъ. Трудно возбудишь въ юношѣ чистую любовь къ одной наукѣ; преодолевъ сей трудъ, легко успѣваешь довершишь его наставленіе. Свѣтъ, пролитый на него одною наукою, прельщаетъ его и озаряя невѣжество его въ прочихъ, показуя сіяніе другихъ свѣдѣній и связь ихъ съ познаніемъ, уже спаяннымъ отъ него, невольно влечетъ его и къ симъ послѣднимъ. Но шаковое плодотворное движеніе, изъ многихъ наставниковъ, хотя одинъ, безъ сомнѣнія, услышь произвешъ въ умѣ са-

момъ бездѣйственнымъ; тогда сей пробуждается отъ дремоты, оживляется, приходишь въ дѣятельность, достигаешь опередившихъ его, становишься на одной чертѣ съ умами, наиболее прочихъ успѣвшими. Можно ли ожидать сего при отдѣльномъ наставленіи юноши, гдѣ нѣтъ соревнованія?

Въ общественныхъ заведеніяхъ, кроме многихъ иныхъ средствъ, употребляемыхъ къ возбужденію въ юношахъ благороднаго честолюбія и похвальнаго соревнованія другъ другу въ ученыхъ занятіяхъ, преимущественно служатъ открытыя испытанія и оспариванія, оказываемыя успѣвнѣйшимъ въ присутствіи постороннихъ почтеннѣйшихъ особъ, не рѣдко ближнихъ и родителей, нарочно для сего приглашаемыхъ. Изъ множества учащихъся, ни одинъ не можешь оспаривать равнодушенъ, когда восхищенный сверстникъ его увѣнчивается, получаешь награды и другія свидѣтельства успѣховъ его, во многочисленномъ собраніи, изъ рукъ добраго, безпристрастнаго и любимаго начальника, или именистаго гостя, при звукахъ трубы, при всеобщихъ восклицаніяхъ и привѣтствіяхъ, дѣлаемыхъ ему и отъ ближнихъ и отъ незнакомыхъ. Ахъ! невинно и сладостно чувство, рожаемое въ юной душѣ шаковымъ торжествомъ, особенно ра-

досными, безмолвными слезами родителей — при наименованіи награждаемаго сына ихъ; дѣйствіе чувства сего не есть мгновенно; не одинъ награжденный познаешь на себя силу его и подкрѣпляешь имъ въ шрудахъ своихъ; оно пошрясаешь сердца бездѣльныхъ, исторгаетъ ихъ изъ бездѣствія; они соревнуютъ опличившимъ и чрезъ годъ спановящся сами опличившими.

Не смѣю думать, чтобы домашнее наставленіе, производимое добрыми и благоразумными родителями, по крайней мѣрѣ, подъ ихъ непосредственнымъ, неусыпнымъ смотрѣніемъ, не имѣло своихъ великихъ, неоцѣненныхъ выгодъ. Вѣрю даже, что оно оказываетъ болѣе благопворныхъ дѣйствій. Слава нѣжныхъ и доспойно чшимыхъ за добродѣтели отца и матери, глубоко и навсегда впечатлѣвается въ душѣ чувствительнаго сына. Примеръ ихъ сильнѣе самаго наставленія; похвала ихъ оживляетъ дѣятельность умственную; единый привѣтный взоръ ихъ, составляетъ сладостную награду для юности и ободряетъ его въ порывахъ ко всему прекрасному и доброму; укоризна изъ устъ ихъ, даже шѣнь легкаго негодованія, мелькнувшая по челу ихъ, испребляютъ безпечность въ сердцѣ счастливо расположенномъ; единое мановеніе, коимъ

изъявляется со стороны ихъ неудовольствіе, спрашивъ сына и останавливаетъ его въ поползновеніи къ предосудительному. Умный родитель избираетъ себя и пособниковъ умныхъ и благонамѣренныхъ. Но восхитительный, гредесный идеалъ воспитанія, ты рѣдко, рѣдко бываешь выполняемъ на дѣль!

Не многіе родители имѣютъ возможность посвящать все свое время наставленію своего дѣтца: ихъ отвлекаютъ и занятія хозяйственныя, и служба общественная, и — скажу ли? — и шумъ свѣта съ его забавами. И шакъ, въ отеческомъ домѣ, сынъ вѣтрелся надзору чуждаго, и чаще иноплеменика — увы! не всегда испытаннаго въ познаніяхъ и нравственности, не рѣдко пріемающаго на себя званіе воспитателя не! по любви къ нему, а по единой корысти, изгнавшей его изъ нѣдръ его родины. Благонамѣренные, но къ прискорбію пнякко обманувшіеся родители, вы не похвалились къ вашей радости, домашнимъ воспитаніемъ дѣтей вашихъ! Вамъ пригласили не гражданъ отечества, но безпкойныхъ гражданъ свѣта; ибо воспитатели дѣтей вашихъ не принадлежатъ къ сонму нѣхъ великихъ мужей, копорыми славятся ихъ страны, и копорые для выгодъ, вами

общаваемыхъ, не оспавятъ земли опечесивенной, чпобъ Россіянина содѣлать доспойнымъ Россіи, шакъ, какъ согражданъ своихъ содѣлываютъ они доспойными земли своей.

Успраняя опъ мысли дерзкое намѣреніе оскорблять опцевъ испинно попечительныхъ, успѣвающихъ своею неусыпностію доспойно образовашъ дѣшей своихъ со спорны ума и воли, для частной жизни и опщесивенной, прошивопосшавимъ домашнее воспитаніе прочихъ, кошорыхъ число не сказано велико, наспавленію опщесивенному.

Частное лице не всегда можетъ производить спрой выборъ наспавникамъ. Весьма часто не позволяють сдѣлать сіе — недосшакъ въ людяхъ свѣдущихъ, способныхъ, собсшвенное незнаніе судить о ихъ доспоинспвахъ, молва — несправедливо дающая, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, предпочшеніе недоспойному передъ мужемъ испинно опличнымъ. Для Начальства опщесивенныхъ учебныхъ заведеній, невыгоды сіи не существуютъ: оно всегда можетъ изъ многихъ пришекающихъ къ нему сонкаелей мѣста, избирать, по испытанію, наиболѣе способныхъ, свѣдущихъ, дѣшелейныхъ, благонравныхъ. При недостаткѣ лицъ,

съ шакowymi качествами, на мѣстѣ заведенія, вызываетъ ихъ изъ другихъ даже опдаленныхъ краевъ, сносясь съ другими начальствами. Оно, при пособіи Правительсшва, можетъ пріобрѣшашъ для своего заведенія и доспойныхъ иноземцевъ. Подъ его неусыпнымъ надзоромъ, добрыя качества наспавника часъ опъ часу болѣе опсовершаются; онъ не смѣетъ ни дѣлать опущенія по своему долгу, ни измѣнить поведенія, ни опсшупить опъ правилъ, ему предписанныхъ, опасаясь за шо взысканія; спрашившя успшпшъ своему шоварицу въ усердіи ко благу опщесивенному. Въ частныхъ домахъ, воспиташель, пріобрѣвъ довѣренность родителей, не рѣдко злоупотребляетъ ею, опскудываетъ въ ревности своей къ наспавленію питомца, дѣйшвуешъ по своему произволу и усмошрнію, не всегда основательному, и пошому вредному для учащагося; и сіе шѣмъ легче бываетъ съ нимъ, чѣмъ менѣе опасаетъ онъ опвѣшесивенности.

Въ опщесивенномъ заведеніи порокъ юности, незамѣченный однимъ изъ наспавниковъ, усашриваетъ другимъ; и вопъ немедленно приняты сильныя мѣры къ его исправленію, мѣры, постоянно и долго, съ шерпніемъ упошребляемыя, доколѣ не восшослѣдуетъ совершенное испѣленіе прав-

спивеннаго недуга. Домашній воспиташель, будучи одинъ, одинъ на все обращая вниманіе, неизбѣжно разсѣваешь; много не усмаиваешь, въ иномъ оказываешь питомцу своему снисхожденіе, откладывая исправленіе до другаго времени; между пѣмъ пороки множашся, укореняюшся; питомецъ, возрасшая, вдругъ сбрасываетъ съ себя бразды, слабо его удерживавшія; и тогда поздно его обуздывать!

Питомецъ общественный не видишь около себя слугъ, ему раболѣпствующихъ; онъ окруженъ равными себѣ или вышшими его: съ юныхъ лѣтъ приучаешь онъ однихъ любить и почитать, другимъ съ уваженіемъ повиноваться, и необходимо спановишся крошкѣ въ обхожденіи со всѣми и покорень власнямъ. Въ домѣ родительскомъ, чѣмъ онъ богаше и знаменитѣе, юноша пѣмъ болѣе имѣетъ угодинокъ, слѣсныхъ исполнителей воли его, и непримѣнно для него самаго и для его родителей, содѣлывается гордъ, спрошивъ, презорчивъ, несперѣливъ, непокорень всякой законной силѣ, ограничивающей его желанія.

Въ общественномъ заведеніи, юноша не знаетъ блеску и роскоши; его забавы просты; его прихоти не выполняюшся; онъ приученъ къ умѣренности. Въ домѣ роди-

тельскомъ онъ видишь пышность, привыкаешь къ ней, не шерпишь лишений въ удовольствіяхъ, ищешь забавъ многоспоющихъ. — Нѣтъ, никто не можетъ увѣришь меня, чшобы, находясь ближе къ свѣту, сообщаясь съ людьми разныхъ возрасповъ, разныхъ состояній, различно чувствующихъ и думающихъ, молодой человекъ имѣлъ менѣе случаевъ и поводовъ къ соблазну, чѣмъ пребывая между свершниками близкими къ нему по сословію, по мыслямъ и чувствованіямъ, къ одному спреямищимся подъ смолпрѣніемъ мужей, удостоенныхъ довѣренностию общею и Монаршею, почтенныхъ и по заслугамъ и по личнымъ достоинствамъ. Осмѣливаюсь думать, чшо если въ воспитанникѣ шого или другаго общественного заведенія оказываюшся слабости; шо онъ сущъ несчастный прививки свѣта, съ кошорымъ общаешь онъ, выходя изъ дому воспитанія для посѣщенія своихъ ближнихъ.

Всякое Государственное званіе пренебуетъ дѣятельности онъ проходящаго оное. Юноша, воспитанный въ общественномъ заведеніи, не боится труда; онъ, съ дѣшства, пріобыкъ провождать дни свои въ непрерывныхъ занятіяхъ; лѣность, праздношь и итѣга были ему воспрещаемы. Сверхъ шого, онъ пріобученъ исполнять все безъ ошлага-

пельства, въ срочное время — выгода весьма важная, много содѣйствующая безпретивному ходу дѣлъ, поручаемыхъ ему въ служеніи.

Чѣмъ важнѣе посты, занимаемый гражданиномъ въ Государствѣ; тѣмъ болѣе потребности для него, при обширныхъ познаніяхъ, правдолюбіе и любовь къ истинѣ и справедливости. Воспитаннаго въ заведеніи общественомъ, рѣдко укоряютъ за недостатокъ сихъ качествъ; напротивъ, онъ часто обнаруживаетъ ихъ въ такой степени, что лица, пріученныя къ лести и угожденію отъ своихъ свѣтскихъ, расчепливыхъ подчиненныхъ, встрѣтивъ съ его стороны противоположеніе воли своей, считаютъ оное слѣдствіемъ дерзости и упрямства его, негодуютъ на него, даже преслѣдуютъ его. Онъ осмѣется швердъ; и лучше согласится быть жертвою неправды, чѣмъ участвовать въ неправдѣ, чѣмъ угодишь незаконному желанію сильнаго, въ прищесненіе согражданъ, или ко вреду общества.

Обещаніе дороже для него всѣхъ общественныхъ выгодъ; ибо любовь къ нему, вмѣстѣ съ любовью къ Богу, Царю и родителемъ, ему внушаема была, и въ наставленіяхъ и въ примѣрахъ, съ того самого времени, какъ отъ началъ мыслить и чув-

ствовашъ. Мало говорили ему, или вовсе ничего не говорили, о выгодахъ личныхъ; своекорыстіе представляли ему, какъ порокъ низкій, недостойный гражданина. И такъ, усердіе ко благу общему, любовь къ истинѣ, безкорыстіе, душевную правоту, откровенность и чистосердечіе приносятъ онъ въ свѣтъ. Въ первые дни своего служенія, онъ любилъ сокровища сіи и спрашивалъ ихъ упрямивъ, но продолжающемуся дѣйствію на него наставленій, имъ полученныхъ. Сличая свое поведеніе съ пошлукками людей, противно ему чувствующихъ и мыслящихъ, находилъ достоинство и благородство на своей сторонѣ; худые примѣры ослабеваютъ бессильны; онъ возмужалъ, съ тѣмъ вмѣстѣ возмужали его добродѣтели, обратились въ неизмѣнный характеръ его; и вопль возникъ надежный о славу Государства. Тщешно низкія спрашивали враговъ Закона, Вѣры, чести поражаютъ его; онъ стоить непоколебимъ и съ швердостью ограждаетъ укрывающееся за нимъ.

Если и бывають явленія, противорѣчавшія сказанному мною; но все нельзя приписывать ихъ воспитанію; они суть порожденія обширной и пагубной для молодыхъ людей школы свѣща и соблазнительныхъ

примѣровъ его, которыми юное сердце, еще несовершенно утвердившееся въ добрыхъ правилахъ, не въ силахъ прошивишься. И сіе заставляешь только желать, чпобъ юноша не слишкомъ рано оставлялъ домъ своего образованія, чпобъ добрыя сѣмена успѣли, съ лѣтами его, укоренишься въ его душѣ, на мѣстѣ ихъ насажденія. Но явленія, о которыхъ, къ прискорбію, мы должны были упомянуть, рѣже оказываюцца въ воспитанникахъ общественныхъ, чѣмъ въ возрощшихъ среди семействъ своихъ. Сіи послѣднія, естественнѣе болѣе обращая вниманія на свои частныя выгоды, болѣе, пакъ сказашь, опдѣляютъ себя опъ общества; а посему и питомцу своему нечувствительнѣе сообщаютъ болѣе своекорыстія и эгоизма. Часто родинели, особенно матери, коихъ взоръ не всегда, къ сожалѣнію, простирается далѣе дверей ихъ дома, по нѣжности своей швердятъ сыну, даже и по вспупленіи въ свѣтъ: „сынъ мой, не изнурай себя трудами, не вдавайся смѣло въ опасности, береги себя!“ — Слова любви материнскія, по неопредѣленно выражены; они бывающъ худо поняты; и опседъ — полгражданина, или, что еще горестнѣе, гражданинъ недостойный. Подобныя мысли не пакъ сообщаются въ заведеніи общественномъ.

Всѣ великія цѣли Государствъ, при мудромъ правленіи народовъ, преимущественно достигающія посредствомъ согласія и единодушія гражданъ. Никакое средство не бываешъ поль сильно къ водворенію въ обществѣ сего согласія, сего единодушія, какъ общественное воспитаніе, мудро успроенное, по единымъ благоразумнымъ и неизмѣннымъ законамъ совершаемое. Не возможно сообщитъ людямъ совершенно одинаковую волю, совершенно одинаковыя мысли; по природѣ своей, они необходимо должны различаться: однако, при всемъ разнообразіи, скажу болѣе, при всей, по видимому, несомѣстной противоположности склонностей и дарованій людскихъ, они сближаются во всемъ и навсегда, ежели въ юныхъ лѣтахъ даешъ имъ, по возможности, одно направленіе; а опъ сего сближенія скрѣпляющъ и самыя связи гражданскія. Четыре вѣка непрерывно Спаршанцы были непобдимы; ибо общественное воспитаніе приближало къ одной мѣстѣ умъ и волю каждаго гражданина. Новѣйшія знаменитыя поржества Россіи, надъ всею Европою, не суть ли пакъ же преимущественно слѣдствіе единодушія вождей и офицеровъ, единодушія, порожденнаго въ нихъ одинаковымъ наставленіемъ въ благородныхъ заведеніяхъ — разсадникахъ

нашихъ героевъ, и сообщеннаго отъ нихъ самымъ простымъ воинамъ?

Такъ! узы дружества, связующія насъ въ дѣйствіи при воспитаніи, неразрывны, какъ священные для нѣжныхъ сердець узы крови и родства. Онѣ шѣмъ шверже, что ихъ начала благородны — любовь къ истинѣ, любовь къ изящному, любовь къ Богу, Царю и отечеству. Посмотрите на соншомцевъ, свидѣвшихся послѣ долговременной разлуки; какая нѣжность въ ихъ обращеніи! Какая взаимность участія въ ихъ обшнотельствахъ! Какъ сладосниа и нешшощима ихъ беседа! Дѣйствуюшъ ли они совокупно, по своему званію; шруды ихъ бышсро и успѣшно приводяшся къ окончанію, ибо совершаюшся по одинаковымъ правиламъ, безъ споровъ и прекословій, съ равнымъ усердіемъ.

И сіи выгоды просшираюшся не шолько на сошоварищей, но и на всѣхъ шшомцевъ одного и шого же заведенія, хотя и въ разное время получившихъ наставленіе. Юноша являешся къ своему начальнику по служенію; сей не знаешъ его, но шамъ же, гдѣ и онъ, одинаковое получилъ воспитаніе: для новаго гражданина не нужны ни какія одобренія и предшашельства; его одобрение — воспитанникъ шкакого-шо заве-

денія; и начальникъ любитъ шонаго своего подчиненнаго, усердно руководешвуешъ имъ въ дѣлахъ ему несвычныхъ, шнизходишъ ему при первыхъ неудачахъ, ободряешъ хвалою при первыхъ успѣхахъ. Для чесши заведенія, въ кошоромъ самъ получилъ образованіе, доспавляешъ ему случаи приспособишъ теоретическія познанія къ дѣлу, и, какъ отецъ, веселишся шасшливо совершенными отъ него дѣйствіями. Для чесши шого же заведенія, съ кротосшію, но сильнымъ и вняшнымъ языкомъ, ошпановляешъ неосшорознаго при первомъ попозновеніи его къ шому, что прошшно долгу. Они скоро попили другъ друга; сей повинуется безпрекословно, шощъ съ любовью повелѣвешъ; и единодушно усшремляюшъ они силы свои къ умноженію блага общешвеннаго. Въ шакомъ же ошношеніи находяшся между собою и всѣ наставленные по однимъ правиламъ.

Очаровашельную каршшу единштва и гармоніи предшавляюшъ всѣ часши Государшвеннаго управленія; дружно движущся многосложныя шружины и колеса сей огромной машины, производящей благоденшвіе народовъ; если движители одинаково мысляшъ, чувствуюшъ и дѣйствуюшъ, одноимьюшъ въ виду — благо согражданъ, славу Царя и отечества, и не уничшожаюшъ

взапно силъ своихъ пагубными прошиво-
дѣйствіями — плодами разномыслія.

И пакъ, нѣжные родители, которымъ
не дано свыше средствъ къ образованію сы-
новъ своихъ, или возможности совершенно
посвятить себя оному, — довѣренность къ
мудрому Правительству, благодарность за
его попеченія о вашихъ дѣтяхъ! Пригото-
вляя себя добрыхъ гражданъ и подданныхъ,
оно приготавливаетъ и вамъ добрыхъ сыновъ:
любящій опечество не можешь не любить
опца и машери; сіи чувствованія нераз-
дѣльны.

М. Т.

III.

К Р И Т И К А

Андромаха, Трагедія въ пяти дѣйстви-
яхъ въ стихахъ. Сочиненіе П. Кате-
нина.

(Окончаніе.)

Первымъ дѣйствующимъ лицомъ сей
Трагедіи, какъ и самое заглавіе оной пока-
зываетъ, — есть *Андромаха*. Характеръ
сего лица — безпредѣльная вѣрность къ па-

мяши Гектора, ея супруга, убишаго Ахил-
ломъ, любовь къ сыну своему Аспіанаксу и
покорность воля боговъ. Въ ней не предпо-
лагается ни швердосни духа, ни спрасней
героическихъ; она есть, какова должна быть
по преданіямъ исторіи мифологической, иг-
ралище горестныхъ случайностей жизни
человѣческой. Необходимо сзвующее изъ
шого положенія сего лица — бореніе между
долгомъ ея къ умершему супругу и нѣжно-
стію къ сыну, котораго не можешь она
спасти иначе, какъ измѣнивъ вѣрности сво-
ей къ праху Гектора, обожаемаго ею и за-
гробомъ. — Второе по ней лице есть —
Пирръ, младый сынъ Ахилла и Царь Эпир-
скій; подобно опцу своему, онъ гордъ, свое-
нравень и весь сложенъ изъ пылкихъ спра-
сней, которымъ произвольно опдаешь во
власпъ. Любовь къ Андромахъ, есть поль-
ко слабая и почти впороспешенная причи-
на его дѣйствій; главная причина — жела-
ніе прошившись сягоспной для него вла-
спи вождя Царей, Агамемнона, власпи, раз-
дражающей его гордоспъ. Для сего онъ, во-
преки общему приговору вождей Греческихъ,
наспояшешельно пребуешь, чпобы на долю
его изъ всѣхъ Троянскихъ добычъ, даны бы-
ли Андромаха съ сыномъ ея Аспіанаксомъ;
для сего же онъ, уже и въ гнѣвъ своемъ на

Андромаху за отказъ ея, вырываетъ силою Астіанакса изъ рукъ Улисса, влекшаго сего младенца на убіеніе. Наконецъ, признавая одну шолько власть боговъ, Пирръ оставляетъ сына Гекшорова въ рукахъ жреца Калхаса, залогомъ обихъ враждующихъ споровъ, съ шѣмъ, чтобы послѣ единоборствомъ кончишь споръ свой съ Апридомъ. Только ниспосланная богами смерть Астіанаксу въ громовой снрѣль — положила конецъ раздору и укрошила буйный гнѣвъ Пирра, шѣмъ болѣе, что съ общаго согласія, Андромаха была присуждена на его часъ. — Агамемнонь, въ Трагедіи Г. Кашенина, соблюдаетъ извѣстный, Гомерическій характеръ Апридовъ: надменъ, властолюбивъ и презорливъ; Улисъ также: онъ лукавъ, вишеватъ и двуязыченъ. Поэтъ весьма удачно придавъ ему новую спрасъ: ненавившъ къ Пирру, основанную также на пинщическомъ преданіи. Вошь какъ самъ Улисъ говоритъ о ней Агамемнону (*Д. II, Явл. 1.*):

„Повѣрь, не столько Пирръ Апридовъ врагъ, какъ мой, Со дня, какъ Грековъ рать оружіе Ахилла, Не внемля словъ его, Улису присудила, Мы воспылали съ нимъ взаимною враждой; И если бь ослѣплень, ей слѣдовалъ одной, Съ тобою бь на него я въ гнѣвъ ополчился И смершью, можешь бышь, раздоръ бы нашъ рѣшился.“

Для сей-що ненавивши, онъ поджигаетъ злобу Апридову на Пирра, и вооружаетъ ихъ другъ противъ друга, пріемля на себя притворную личину подателя благихъ совѣтовъ и примирителя. Изъ прочихъ лицъ, должно упомянутьъ объ Астіанаксѣ, кошорый въ дѣискомъ незлобїи, не предвидишь грозящей ему участи. Въ слѣдующемъ прогашельномъ явленіи (*2-мъ третьяго дѣйствїя*), сама Андромаха, смященная ужасомъ, открываетъ ему о томъ.

А н д р о м а х а.

Приди, любезный сынъ, къ шебъ зываетъ мать.
Ушъши долгую съ тобою мнѣ разлуку.
Гдѣ ты, Астіанаксъ?

А с т і а н а к с ѣ.

О мать! подай мнѣ руку:

Пуши не виду здѣсь.

А н д р о м а х а.

Безъ робости ступай

И ходъ на голосъ мой призывный направляй.
Мой сынъ! и такъ еще я вижуся съ тобою,
Могу обнять тебя ласкательной рукою!

А с т і а н а к с ѣ.

Скажи мнѣ, мать, почто одинъ въ гробницѣ сей
Я нынѣ заключень былъ волею швоей?
Почто я зрѣлъ въ шебъ боязнъ необычайну?
Ахъ! ради Гекшора, ошкрой сію мнѣ шайну.

А н д р о м а х а.

Что мнѣ сказать ему?

А с т и а н а к с ь.

Не въ гнѣвъ ль на меня,
Ты отвратила взоръ въ молчаніи, смена?
Но что! лице твое слезами окропилось:
Повѣдай, машерь, мнѣ, иль горе намъ случилось?

А н д р о м а х а.

Такъ, сынъ мой, горе намъ!

А с т и а н а к с ь.

Не плачь, любезна машь;
Коль плачешь, не могу и я не возрыдать.

А н д р о м а х а.

Ты пѣжностью своей мнѣ сердце раздираешь.
Ахъ! если бь въдалъ ты, о чемъ ты вопрошаешь,
Благословляя бы ты незнаніе свое.
Но хочешь знашь, скажу; дай слово лишь твое,
Какими я твоей слухъ ни поражу бѣдами,
Не возмущашь меня ни крикомъ, ни слезами,
Вспомнивь, о мой сынъ, что храбрымъ спреха нѣшь,
И что ошъ Гекшора родился ты на свѣтъ.

А с т и а н а к с ь.

Скажи, я не боюсь.

А н д р о м а х а.

Чѣмъ мнѣ начашь несчастной?

А с т и а н а к с ь.

Ты воспрешила мнѣ и сшонъ и плачь напрасной,
А слезы лъешь сама.

А н д р о м а х а.

Ты много разъ, мой сынъ,
Со мною видѣшь могъ, Троянскихъ стѣнъ съ вер-
шинъ,
Тѣхъ Грековъ яросныхъ, что десяшь лѣшь войною

Опягощая насъ, и осаждая Трою,
Къ опчизнѣ наконецъ опплыли на судахъ?

А с т и а н а к с ь.

Ахъ! дайше боги иль погибнуть всѣмъ въ волнахъ!

А н д р о м а х а.

Мольбами мы давно боговъ ожесочили.

А с т и а н а к с ь.

Какъ!

А н д р о м а х а.

Грековъ намъ они на гибель возвратили.

А с т и а н а к с ь.

И шакъ, намъ будешь вновь сражаться десяшь лѣшь.
Но кто насъ защитишь, коль Гекшора ужъ нѣшь?

А н д р о м а х а.

Надежды нѣшь уже, защити, ни спасеня;
Вонецъ погибли мы враговъ ошъ ухищреня,
Меча и пламени добычей спалъ Пергамъ.

А с т и а н а к с ь.

Что слышу, *Боже мой!* по гдѣ жь мой дѣдъ Пріамъ?

А н д р о м а х а.

Онъ мершь, сыны его подверглись той же долъ,
Супруга, дочери осуждены къ неволъ;
Я съ ними ошпаву рабынею въ Эпиръ,
И шамъ власнишемъ мой, сей кровожадный Пирръ,
Котораго ошцемъ палъ твоей ошцемъ среди бою,
Кто днесъ Пріама самъ убилъ своей рукою,
Угошоявая верхъ несчастіямъ моимъ
Велишь, чшобъ все забывъ, я въ бракъ вступила
съ нимъ.

А с т и а н а к с ь.

Брегись, о машь, брегись, да бракъ сей не свершишя.

Спрашуся: шѣнь отца имъ въ гробъ раздражился.
 Но какъ прошившись сможешь ты судьбу?
 О если бы уже я могъ помочь тебѣ!
 Увы! я малъ еще и силы не имѣю,
 За слезы мстившъ пивои жестокому злодѣю:
 Пожди, о мать, пожди: какъ буду я великъ,
 Омщу ему тогда.

А н д р о м а х а.

Отецъ въ тебѣ возникъ.

Симъ гордымъ мужествомъ, съ копорымъ ты въ-
 щаетъ,

Его въ очахъ моихъ, мой сынъ, ты воскрешаешь.
 Но, мысль смертельная!... и доблестію сей
 Лишь ускоряешь ты часъ гибели своей.

А с т и а н а к с ъ.

Часъ гибели! о мать, ты мнѣ не все сказала.

А н д р о м а х а.

Не все, мой сынъ!

А с т и а н а к с ъ.

Почто жъ о семъ ты умолчала?
 Иль мнишь, что въ тайнѣ словъ швоихъ не собрегу?
 Молю, скажи мнѣ все.

А н д р о м а х а.

Скажу, коль возмогу.

Разстаться должно намъ: мнѣ несть одной служебъ;
 Тебѣ жъ за легку казнь счлстиво попраменье,
 И мщение враги мнѣ далье проестершь.

А с т и а н а к с ъ.

Скажи яснѣе, мать, что суждено мнѣ?

А н д р о м а х а.

Смерть.

А с т и а н а к с ъ.

Смерть! Ахъ!

А н д р о м а х а.

Не въ силахъ бывъ мстившъ Гектору во гробѣ,
 Опи хотѣшь себя принесть на жертву злобѣ;
 Но бдѣщій о тебѣ отецъ, явившись мнѣ,
 Опасность возвѣстивъ въ полночь, предвѣщеньемъ снѣ.
 Внушена имъ, тебя убійца я скрыла взору,
 И льщуся, хопя пушей не зрю къ спасенью скору,
 Чшо временемъ... Но шумъ; Клеона къ намъ бѣдншъ...

Въ семъ явленіи, Г. Кафенинъ весьма
 счастливо преодолять одну изъ важнѣйшихъ
 трудностей въ Трагедіи: онъ заставилъ го-
 ворить малолѣтняго Астіанакса, говорить
 прилично его лѣтамъ, и не уклонился отъ
 тона, въ копоромъ мы привыкли пости-
 гать древнюю Трагедію. Невинные вопросы
 младенца и отвѣты несчастной его мате-
 ри, болѣзненно прогаюють душу зрителя.
 Отъ сей минуши, положеніе Андромахи бо-
 лѣе и болѣе поселаетъ въ насъ участіа, ко-
 шорое еще усиливается жалоспнымъ ея
 прощаніемъ съ Астіанаксомъ (д. III, явл. 5).
 Участіе сіе развлекается только иногда
 буйными порывами Пирра, волнуемаго раз-
 личными спрашиями: любовію, местию, гор-
 достію и гнѣвомъ. Когда отвергшая любовь
 его Андромаха приходишь просить его о
 защитѣ сына ея (д. IV, явл. 4), Пирръ сна-

чала злобно издѣвается надъ ея горестію, пошомъ переходить къ жестокимъ упрёкамъ, ошъ упрёковъ къ угрозамъ, и наконецъ, шакъ сказашъ, играя бѣдспвіемъ ея, испоргаешъ изъ нея прошивувольную кляшву. Въ слѣдующемъ явленіи, новыя спрасши движущъ его душу: здѣсь онъ соспязаетсѣ съ Агамемнономъ. Вошь нѣсколько стиховъ изъ сего явленія, въ кошоромъ Герои Гомеровы, жестокими словами спужая другъ другу, напоминающъ намъ подобныя распри въ Иліадѣ:

А г а м е м н о н ъ.

Какъ посмѣлся я, когда падешъ шы жершвой!

П и р р ъ.

Такъ, вѣрно обреченъ одинъ Аиду жершвой.

А г а м е м н о н ъ.

И шѣло я швое ошдамъ на пишу псамъ.

П и р р ъ.

Ншъ! прежде яспребовъ корышью будешъ самъ.

Касашельно опидѣлки стиховъ, должно сознашся, что эшо самая слабая спорона въ Трагедіи Г. Кашенина. Въ ней много стиховъ шяжелыхъ и неблагозвучныхъ; вспрѣчающся и шакіе, въ кошорыхъ нарушена чиспюша Русскаго языка. Таковы, напр. слѣдующіе стихи:

Желашъ ли войти Иоакскому Царю?

..... Разгиванная рашъ

Всѣхъ хочешъ плѣнниковъ на злую смерть предашь.

Въ нѣкопорыхъ стихахъ, мысль Сочиншела выражена не ясно; напр.

Калхасъ, зря плѣнниковъ ведомыхъ на закланье,
Рѣчь власшную спышишь ко воинству простершь;
Безмерпныхъ именемъ ихъ воспрещашъ смерть,
Доколъ въ чревахъ шельцевъ и агнцевъ припесенныхъ,
Не узряшь ясно ихъ благихъ или раздраженныхъ.

.....
И новаго *тебя супруга* корабли

Съ ямъ понесущъ къ брегамъ родной его земли.

Но сіи недоспашки исчезающъ предъ достоиншвомъ цѣлой Трагедіи: правильнымъ ходомъ ея, удовлетворительною развязкою, искусно обрисованными и хорошо выдержанными характеристиками; наконецъ, живою игрою спрасшей, кошорыя выражены сильно въ словахъ и дѣйствіяхъ.

В. Л. съ.

Мая 20 дня 1827.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

Взглядъ на состояніе Великобританіи
въ 1826 году.

Нынѣ, когда шревожимая смутными обстоятельствами Англіи, находишься по видимому въ опасности пасты подъ тяжестью собственнаго своего могущества, для экономическовъ и публициесковъ весьма важно узнать истинное положеніе Британской Имперіи, и разсмотрѣть, можешь ли сей огромный колоссъ, касающійся всѣхъ частей Земнаго шара, выдержатъ ударъ, потрясающій необъятную его массу.

Объ Англіи писано много. Удивительное распространеніе ея промышленности, успѣхи въ торговлѣ, чрезвычайное множество ея колоній, обратили на нее взоры всѣхъ, возбудили всеобщее соревнованіе; и особенно въ послѣдніи десять лѣтъ, ее непрерывно представляющъ въ образецъ всѣмъ Правительствамъ, въ примѣръ всѣмъ народамъ.

Но хорошо ли обшужено ея положеніе? Разсмотрѣны ли всѣ подробности ея могу-

щества? Можно ли было, по огромности колосса, обшрвъть всѣ его часты, повѣрять правила, по коимъ онъ образованъ, удостовѣриться въ прочности его основаній?

Принимая на себя шакое разсмотрѣніе, мы постараемся показатъ состояніе Англіи, какъ во внутрешнемъ, шакъ и во вѣшнемъ отношеніи, не столько разсужденіями, сколько фактами, за достовѣрность коихъ мы смѣло можемъ ручаться; мы покажемъ ея нужды и средства, которыя она имѣетъ для удовлетворенія онымъ.

Пространство Британскихъ острововъ составляетъ 71,281,907 акровъ или 111,377 квадратныхъ миль, которыя раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

З е м л и :

	Пахатной земли.	Луговъ.	Необработан- ной земли.	Всего.
Англія .	10,200,000	14,200,000	7,932,400	32,332,400
Валлисъ .	900,000	2,600,000	1,262,000	4,762,000
Шотландія .	2,500,000	2,550,000	17,204,507	22,254,507
Ирландія .	—	—	—	11,943,000
				<u>71,281,907.</u>

По переписи 1821 года, на нихъ найдено:

Главныхъ въ Грѣ- Приходоѵ. Домоѵ.
ствѣ городовъ.

Англія	40	9,860	2,036,317
Валлісь	12	833	140,820
Шотландія	33	948	356,536
Ирландія	32	2,224	1,185,490
Всего	117	13,885	3,719,163

Народонаселенія въ 1821 году было, не считая морскихъ и сухопутныхъ войскъ 20,874,159 душъ (*), а именно:

	Дѣтей моложе 15 л.				
	мужчинъ	женщинъ	муж. п.	жен. п.	Всего.
Англія	5,262,780	5,510,899	2,220,899	2,266,859	11,261,437
Валлісь	202,186	229,125	143,501	157,826	717,438
Шотландія	580,495	718,550	405,059	391,574	2,093,456
Ирландія	1,941,927	2,067,727	1,400,000	1,592,159	6,801,828
И того	5,987,586	6,526,116	4,172,259	4,188,398	20,874,159

что составляло 4,253,416 семействъ, распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ:

	Земледѣль- цствъ.	Мануфакту- рисповъ, ре- месленниковъ и торговцевъ.	Непроиз- водитель- ныхъ.	Всего.
Англія	773,752	1,118,295	454,690	2,346,717
Валлісь	74,225	41,680	30,801	146,706
Шотландія	130,700	190,264	126,997	447,961
Ирландія	219,529	327,647	764,856	1,312,032
И того	1,198,186	1,677,886	1,377,344	4,253,416

(*). Перепись 1821 года. *Прибавленіе къ Британской Энциклопедіи.*

По сему, народонаселеніе Великобританіи, просиравшееся въ 1791 году до 14,181,614 душъ, въ тридцать лѣтъ, прошедшихъ съ того времени до 1821, прибавилось 30 на 100, а нынѣ оно составляетъ 22 милліона жителей.

Торговля и промышленность сдѣлали не менѣе успѣховъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Въ 1790 году привозилось въ Великобританію товаровъ на 16,487,947 фуншовъ шерстинговъ (412,198,675 рублей), а вывозилось изъ оной на 17,732,804 ф. сн. (443,320,100 руб.).

Въ 1800 году ввезено товаровъ на 30,570,606 фун. шерл. (764,255,125 руб.), а вывезено на 38,120,120 фун. сн. (953,003,000 руб.). Распространеніе торговли увеличилось и въ 1824 и 1825 годахъ.

Въ 1824:

Ввезено на 35,937,936 ф. сн. (898,448,400 р.)
Вывезено на 57,845,459 — (1,446,136,475 р.)

Въ 1825:

Ввезено на 44,137,482 ф. с. (1,103,437,050 р.)
Вывезено на 56,335,514 ф. — (1,408,387,850 р.)

Съ своей стороны Англійскіе фабрики, когорые въ 1800 году употребляли только около 32,000,000 фуншовъ хлопчатой бумаги, 1,024,588 фуншовъ шелку и

8,609,380 фуншовъ шерсти и вывозили сихъ товаровъ шолько на 13,578,956 фуншовъ шерлинговъ (339,473,900 руб.), съ 10 Октябрю 1824 до 10 Октябрю слѣдующаго года употребили 222,457,616 фуншовъ хлопчатой бумаги, 30,703,682 фунша шерсти, 4,231,673 фунша шелку, а цѣна вывезенныхъ ими сихъ товаровъ составила около 40 милліоновъ фуншовъ шерлинговъ (1,000,000,000 руб.); для обрабошыванія оныхъ употреблены были 2,500,000 человекъ и нѣкошорое число паровыхъ машинъ, замѣнявшее 35 милліоновъ человекъ.

Въ началѣ войны противъ Французской революціи, Англійская торговля употребляла шолько 16,079 судовъ въ 1,540,145 тонновъ. Въ 1825 употребила она 26,946 судовъ въ 3,471,236 тонновъ, изъ кошорыхъ шолько 5,160 въ 684,392 тонна принадлежали другимъ морскимъ Европейскимъ и Американскимъ Державамъ (*).

Въ концѣ 1824 года шорговый флотъ всѣхъ прехъ Королевствъ состоялъ (**):

(*) Речь Г. Гускинсона въ Нижней Палатѣ, произнесенная въ засѣданіи 12 Мая 1826 года.

(**) Продгольдъ. *Remarks on steam navigation.*

	Парусныхъ судовъ.	Пароходовъ.	Число тонновъ.	Число людей.
Англія . .	16,466		1,981,685	123,332
Шотландія .	2,961		266,975	19,631
Ирландія .	1,376		73,293	6,779
Итого	20,803	160	2,321,953	149,742

Съ распространіемъ торговли, увеличались доходы Англій; а вмѣстѣ съ доходами сухопутная и морская сила ея. Въ началѣ войны съ Франціею, бюджетъ ея простирался шолько до 18 милліоновъ фуншовъ шерлинговъ (450,000,000 руб.) и 200,000 солдатъ или машросовъ составляла всю воиную ея силу. Въ 1825 году она имѣла дохода 49,552,493 фунша шерлинговъ; сухопутныхъ войскъ на лицѣ 320,000 человекъ; а дѣйствующая морская сила ея состояла изъ 375 кораблей разной величины, и 134 военныхъ бриговъ, на коихъ находилось около 30,000 морскихъ служившей всякаго званія и сшепени.

Таковы, во внутреннемъ отношеніи, главныя начала могущества Англій. Въ Государства, она имѣетъ обширныя владѣнія, содержація въ себѣ болѣе полушора милліона квадратныхъ миль и болѣе ста милліоновъ жителей. Главнѣйшія изъ оныхъ сунь:

Въ Европѣ.

	Народонаселеніе.
Острова Жерсей, Гернезей, Мень	. 92,000
Гибралшарь
Мальша 160,000
Іонійскіе острова 150,000
Ганноверское Королевство

Въ Азіи.

Индія	{ Индѣйцевъ . 50,000,000
	{ Англичанъ . 40,000
Иль-де-Франсъ	{ Свободныхъ . 23,900
	{ Невольниковъ . 63,700

Въ Африкѣ.

Мысь Доброй Надежды	{ Свободныхъ . 60,000
	{ Невольниковъ 30,000
Сиерра-Леона 16,600
Мадагаскаръ

Въ Америкѣ.

Канада (верхняя) 76,000
Канада (нижняя) 160,000
Новый Брауншвейгъ 70,000
Новая Шотландія 86,000
Островъ Принца Эдуарда 24,000
Ньюфундлендъ
Западная Индія	{ Свободныхъ
	{ Невольниковъ 723,500

Въ Австраліи.

Новый Южный Валлисъ 37,000
Земля Фанъ-Димслова 7,200

Ко всѣмъ материкамъ присоединяется она передовыми постами, которыми, говоря словами одного иностраннаго Писателя, бывають попеременно, по мѣстамъ, оныхъ котораго идущъ къ новымъ завоеваніямъ, по мѣстамъ убѣжища въ случаѣ опустошенія, и всегда центромъ предпріяній торговли, которая не спрашиваетъ никакихъ опасностей и не знаетъ оподохновенія. Островъ Сокофора покоряетъ ей проливъ Бабель-Мандельскій; Гибралшарь и Мальша, Средиземное море; Корфу — море Адриатическое; Иль-де-Франсъ, Мысь Доброй Надежды, островъ Св. Елены служатъ перепутьемъ на дорогѣ въ Индію; Мадрасъ владычествуетъ надъ берегами Коромандельскими; Бомбей надъ берегами Малабарскими, а Мизоръ, опіяный у Типо-Сауба, соединяетъ сіи два владѣнія, коихъ полуденная оконечность защищается островомъ Цейланомъ.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что съ 1790 года народонаселеніе Англіи увеличилось цѣлою прешью, что большая часть произведеній мануфактуръ ея умножились въ шестеро, что вывозная и привозная ея торговля распространилась впрое, что Государственный доходъ увеличился слишкомъ вдвое, и что колоніяльныя владѣнія ея, которыя еще до Французской революціи

были бо́лье всѣхъ принадлежавшихъ въ то время другимъ Европейскимъ Государствамъ, приумножились еще разными землями, завоеванными у Франціи, Испаніи, Португаліи, Голландіи и проч.

Теперь спрашивается: всѣ эти завоеванія Англійской промышленности или полиники, увеличили ли истинное могущество метрополіи и народное благоденствіе? Уменьшилось ли число нищихъ, содержащихся на щель трудолюбивыхъ земледельцевъ и ремесленниковъ, уменьшилось ли число преступленій, къ несчастію, неразлучныхъ съ нищею? Уплашило ли Правительство Государственный долгъ? Обогащали ли Правительство и частныхъ людей, 256 милліоновъ, полученные въ приданъе пять лѣтъ отъ превосходства цѣны вывезенныхъ шоваровъ надъ цѣною привезенныхъ (*)?

(*) Въ концѣ минувшаго столѣтія, Англія среднимъ числомъ получала ежегодно барыша 168 милліоновъ франковъ. Миръ 1802 года возвысилъ его до 240 мил. продолжительная война снова понизила, отъ 120 до 150 мил.; во время коншиненсальной блокады, оный, не смотря на изыатіе, упалъ до 96 мил.; съ 1814 по 1822 годъ возрѣлъ до 300,000.

Сборъ въ пользу бѣдныхъ, въ Англіи и землѣ Валлисской, въ концѣ минувшаго столѣтія, проспирался только до 2 милліоновъ стерлинговъ (50,000,000 руб.). Въ 1812 году 971,913 семействъ, состояющихъ $\frac{3}{4}$ народонаселенія, содержались на счетъ приходовъ, которые платили имъ ежегодно 6,656,105 фунтовъ стерлинговъ (166,402,625 руб.), что соотвѣтствуетъ 1,061,438 квартирамъ хлѣба. Въ 1824 году въ *поперизмъ*, т. е. въ списокъ нищихъ, считалось около полупора милліона семействъ, которые стоили Государству суммы, равняющейся цѣнѣ 1,860,000 квартиръ хлѣба.

Въ 1812 году, число присужденныхъ за преступленія къ разнымъ наказаніямъ, проспиралось въ Англіи и Валлисской землѣ до 6,576; въ 1824 до 14,056.

Состояніе массы народа, въ печеніе приданія пяти лѣтъ, не улучшилось; ибо хотя число потребителей умножилось 30 и 40 на сто, и количество вывозимыхъ шоваровъ упростило прощивъ того, что было въ то время и удвоилось съ 1800 года; но количество чаю, сахару, вина и проч. ввозимаго въ Англію, осмалось почти такое же. Такимъ образомъ, въ 1800 году, во всѣхъ прехъ Королевствахъ потреблено было 20,358,703 фунта чаю, а въ 1822 23,912,044

фунта. Въ 1807 году сахару привезено было 364,130,900 фунтовъ, а въ 1822 только 362,312,200 фунтовъ. Въ 1810 году получено было 9,801,120 галлоновъ вина (392,000 гекшопшпрровъ), а въ 1812 меньше, именно, 6,918,559 галлоновъ (276,700 гекшопшпрровъ). Наконецъ на одномъ Смитфильдскомъ рынкѣ въ Лондонѣ, принимая въ соображеніе увеличеніе народонаселенія города, съ 1818 по 1822 годъ продано 36,561 штуками рогатого скота и 52,664 овцами меньше, нежели въ чепыре года, прошедшіе съ 1798 по 1802 годъ.

Увеличеніе *поперизма* въ Англіи доказываетъ, что сословіе бѣднаго класса народа не улучшилось.

Жалкое положеніе рабочаго класса, употребляемаго на мануфактурахъ, возмущеніе его въ Линкольнширѣ, многочисленныя подписки, открытыя въ пользу его во всѣхъ частяхъ Англіи и просиращіяся по сіе время до 150,000 фунтовъ шерлинговъ (3,750,000 руб.) доказываютъ, что увеличеніе дѣятельности Англійской промышленности не пошло въ пользу производительному классу.

Уменьшеніе или совершенное прекращеніе работы на фабрикахъ Блекборнскихъ, Манчестерскихъ, Спитальфильдскихъ, Глас-

говскихъ и проч., ужасное множествъ банкротствъ въ торговлѣ, случившихся въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ, показываетъ, что мануфактурный и торговый классъ, также не воспользовались огромными барышами, которые они добыли трудами своими.

Долгъ Англійскаго Правительствъ, составляющій 893,783,282 фунта шерлинговъ (22,000,000,000 руб.) (*), можетъ служить доказательствомъ того, что и оно съ своей стороны не обогатилось въ послѣдніе тридцать пять лѣтъ (**).

Наконецъ выпускъ банковыхъ билетовъ, на сумму около 50 милліоновъ фунтовъ шерлинговъ, очевидно доказываетъ, что суммы, полученныя отъ превосходства вывозовъ предъ привозами, въ Англіи не оспались.

(*) Извлечено изъ официальныхъ документовъ Департамента Государственнаго долга; сословіе долга по 5 Января 1826.

(**) Ичислено, что пристра челоувѣкъ не могли бы снести Государственный долгъ Англіи банковыми билетами, въ десять фунтовъ шерлинговъ (250 руб.), коихъ въ фунтѣ заключается 512: полагая, что долгъ просиращается только до 726 милліоновъ ф. с. (18,150,000,000 руб.), оный въсплъ бы 142,650 фунтовъ; если бы раздѣлилъ ихъ на пристра челоувѣкъ, то пришлось бы на каждаго по 476 фунтовъ.

Въ концѣ 1825 года было въ обращеніи билетовъ :

Англійскаго банка 18,200,000 (455,000,000 р.)

Провинціалн. банк. 30,000,000 (750,000,000 р.)

Шесть тысячъ пятьсотъ милліоновъ , полученныхъ Англійскою торговлею съ 1790 года до нашего времени, издержаны были на двадцатипятилѣтнюю войну, которую Пиншъ и Кашелре завели съ Франціею, единственно для выгоды аристокраціи, а не съ коммерческими видами, какъ многіе и доселѣ на швердой землѣ думаютъ. Такимъ образомъ Англія была въ состояніи дославить союзникамъ, въ видѣ вспоможенія, 80 милліоновъ фунт. шерл. (2,000,000,000), плашій проценты своего долга и давать жалованье агеншамъ, кошорыхъ содержитъ она во всѣхъ частяхъ Земнаго шара. Сн 6500 милліоновъ, дославленныхъ народу торговлею, перешли, посредствомъ чрезвычайныхъ налоговъ, въ руки Правительства, а опшуда въ чужіе краи.

Можно однако же полагать, что если бы Англія удержалась въ томъ положеніи, въ какомъ находилась въ 1824 и 1825 годахъ; то она поддержала бы кредитъ свой, уменьшила бы мало по малу огромный, лежащій на ней долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличила бы существенную важность своей торгов-

ли приведеніемъ въ исполненіе мудрыхъ постановленій, предложенныхъ Г. Гускинсомъ. Но рано или поздно надобно будеть подвергнуться слѣдствіямъ ложнаго начала, если бы уже и начали признавать свое заблужденіе. Такимъ образомъ народъ сей, кошорый во время войны лишился своего золоша, посредствомъ вспомошательныхъ денегъ, посланныхъ къ союзникамъ; кошорый съ мира 1815 года, снова выпустилъ оное изъ рукъ своими спекуляціями и опдачею около 210,000,000 ф. с. (5,250,000,000 руб.) въ долгъ въ Европѣ и Америкѣ; народъ сей, говоримъ мы, принужденнымъ нашелся продолжать выпускъ бумажной монеты, и количество сей бумажной монеты, вышедшее изъ всякой соразмѣрности съ количествомъ капитала, опредѣленнаго на выкупъ оной, не мало способствовало къ потрясенію довѣренности и было одною изъ самыхъ сильнѣйшихъ причинъ затруднительнаго положенія, въ кошоромъ Англія нынѣ находится; положенія, которое уже причинило уменьшеніе Государственныхъ доходовъ въ теченіе первой шрещи 1826 года, 682,799 ф. шерлинговъ.

Не вѣ Великобританіи можно ошскашъ способы избавиться ошъ опасности, кошорая Англій угрожашъ. Положеніе мно-

гочисленныхъ ея заморскихъ владѣній еще ненадежныѣ, нежели ея собственное. Колоніи Мыса Доброй Надежды, Сьерра Леона, Южнаго Новаго Валлиса, земли Фанъ-Дименовой, верхней и нижней Канады и проч. досель были въ нягосѣ мѣтрополіи. Западная Индія бѣдна и находится въ дурномъ положеніи, и если правда, что она приносишь казнѣ мѣтрополіи 5 милл. ф. ст. ежегоднаго дохода (125,000,000 руб.); то не иначе, какъ извлекаля ихъ предварительно изъ кармана Англійскаго народа, кошорый, по причинѣ двойной пошлины, наложенной на сахаръ Восточной Индіи и другихъ иностранныхъ колоній, принужденъ покупать его на Аншилльскихъ островахъ, такъ сказать, по цѣнѣ, положенной колонистами. Наконецъ, Индія, обремененная долгомъ въ 1500 милліоновъ франковъ, могла обогатить частныя люди, но она въ нягосѣ большаго числа Англійской націи, кошорая, въ слѣдствіе монополіи Остъ-Индской Компаніи, принуждена плащить за сахаръ, опиумъ и проч. прешьюею частію дороже жищелей другихъ Государствъ Европы.

Посему Англія не должна ожидать никакого дѣйствительнаго пособія отъ своихъ колоній. Колоніи обдѣлили Испанію, ослабили Португалію и нынѣ еще стѣблять Фран-

ціи ежегодно 16 милл. франковъ. При томъ же Англійскія колоніи могутъ оплодиться отъ мѣтрополіи, отъ Канады отойщи къ Соединеннымъ Штатамъ, невольники Западной Индіи получатъ свободу, въ кошорой отпказываютъ имъ господа ихъ. Самые Индійцы, приученные къ войнѣ многочисленными своими пошерями, образованные своими побѣдителями, могутъ бытъ, получаясь созпаніе собственной своей силы, и знамя Великобританское преспанешъ развѣвавшя надъ сею прекрасною частію свѣта. Правда, тогда Кабинешъ Сен-Джемскій не въ сосноянїи уже будетъ раздавать богатыя Губернашорствъ своей аристокраціи, предлагать безчисленныхъ синекуръ празднои части своего народа, ни раздѣлять множествамъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, кошорые ройщя въ его колоніяхъ. Но такавая пошеря, не только не будетъ испиннымъ несчастіемъ для Англіи, но сдѣлается для нее благодаріемъ; и опдѣленіе Западной Индіи умножитъ благосостояніе Англійской торгвалл, почно также, какъ умножило его оппорженіе Америки.

Но оппаденіе сіе, какъ бы оно близко ни было, все еще слишкомъ далеко для того, чтобы избавить Великобританію отъ передома, ей угрожающаго.

Врачевства опъ спрдааній своихъ должна она искашь ближе опъ себя. Пущь возвращишь она Ирландю промышленности шорговой и земледѣльской, уравненіемъ Католиковъ въ правахъ съ Протестантами; пущь снова водворишь довѣренность въ торговлю, посредствомъ благоразумнаго ограниченія выпуска бумажной монеты, и, что всего важнѣе, пущь она возвратишь произведеніямъ мануфактуръ своихъ прежнее ихъ превосходство, посредствомъ уменьшенія пошлины съ предместовъ первой потребности и уничтоженія законовъ, воспреещающихъ ввозъ иностраннаго хлѣба. Сія послѣдняя мѣра, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, самая важнѣйшая, дастъ возможность народу жить дешевле; хозяевамъ уменьшатъ плату рабочникамъ, и Англійскимъ торговцамъ выдерживать совмѣстическиво иностранныхъ товаровъ на рынкахъ Спасаго и Новаго свѣта. Тогда увеличится дѣятельность торговли и промышленности Великобританіи; тогда ошкроются для нея новые источники благоденствія и ежегодная уплата 25 мил. ф. ст. (725,000,000 руб.) процентовъ долга будетъ вѣрною.

Къ несчастію кажется, что Англія не расположена къ симъ переменамъ. Уравненіе Католиковъ въ правахъ съ Протестантами

имѣеть сильныхъ непріятелей; Банкъ владѣеть привилегіями, къ копорымъ, можетъ бышь, прикасаться трудно; а уничтоженіе законовъ, воспреещающихъ ввозъ иностраннаго хлѣба, дабы не разоришь многочисленнаго класса земледѣльцевъ, пошребовало бы, вѣрояно, немедленнаго и совершеннаго уничтоженія десятиннаго сбора, въ пользу церкви, со всѣхъ поземельныхъ владѣній въ шрехъ Государствахъ.

Всякій человекъ, непричастный національнымъ предубѣжденіямъ и коего виды не ограничиваются событіями одного насшощаго времени, долженъ желать, чтобы Великобританія предупредила поспѣшными и мудрыми мѣрами переломъ, ей угрожающій. Но чтобы ни ожидало Великобританію, опъ вѣшпшенность по всей справедливости не должно возлагать на Министровъ, копорые нынѣ управляютъ ея судьбами. Виды большей части изъ нихъ весьма здравы, и политика ихъ согласна съ выгодами народа. Къ несчастію, имъ доспались въ удѣлъ всѣ затрудненія, накопленныя Министрешвами Питта и Кастельре.

Пер. —нз.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ПАМЯТЬ КРАСАВИЦЪ.

Съ ея могилы позабышой
 На память сорвалъ я цвѣшокъ,
 Осеннимъ холодомъ убшой.
 Какъ сходень ихъ печальный рокъ!
 Родясь подь бурей и грозюю,
 Игрушка спрасши, жертва зла,
 Какъ сей цвѣшокъ, она красою
 Подь солнцемъ мигъ одинъ цвѣла.
 Отъ раннихъ дней она помчалась
 Желанья шайнаго шоской;
 Въ слезахъ Творцу она молчалась:
 „Пошли душъ мсей покой!“
 Доспигнувший ея моленьемъ,
 Онъ дѣвъ вияшь благоволилъ —
 И Ангелъ смерти съ умиленьемъ
 Крылами дѣву обвилъ...
 Ничто слезою безопрадной
 Не оросилъ забытый прахъ...
 Такъ винешъ цвѣшь въ пущынь хладной,
 Такъ гаснешъ искра въ небесахъ!

А. Брюковъ.

Оренбургъ, Янв. 1827.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

Путешествія.

33. *Письма о Восточной Сибири, Алексея Мартоса.* М. въ Универс. пип. 1827. 291 стр. въ 8.

(Въ сихъ письмахъ, Г. Мартосъ переноситъ насъ въ *новый свѣтъ*, въ страну, хотя Русскую, но столь еще мало намъ извѣстную, что всякія подробности о ней, особливо для насъ, Русскихъ, чрезвычайно любопытны и занимательны. Сочинитель *Писемъ о Восточной Сибири* прожилъ нѣсколько лѣтъ въ тамошнемъ краю, и самъ занималъ тамъ должность, которая доставляла ему возможность и средства самому обозрѣть замѣчательную страну сію и собрать о ней самыя полныя свѣдѣнія. Въ письмахъ его видѣнь наблюдательный духъ, отъ котораго ничто не ускользало, что только могло заслужить вниманіе чипателей. Мно-

гіе предметы поражають своєю новостію, шьмъ болѣе, что ихъ никакъ нельзя было надѣяться найши въ Сибири. Упомянемъ, для примѣра, о богашомъ шаровѣрческомъ селеніи Тарбагатавъ, въ 45 версахъ ошь Верхнеудинска. Тамъ, переселенные изъ Шароудуба, Гомеля и Добрянки шарообрядцы, прудолюбіемъ и досужествомъ своимъ, нашли возможное на землѣ счастье. „Крестьянъ, не довольно зажиточные въ домашнемъ обиходѣ,“ говоришь Г. Маршосъ, „держашъ по сошиъ рогатаго скоша, ошь шрехъ до пяши сошь овецъ, по сошиъ лошадей, коими обрабатывають землю. Эшо относихся, къ довольно зажиточнымъ людямъ, но въ сравненіи ихъ, ешь еще и богаче.“ Крестьянинъ Федошъ Ивановъ Заиграевъ, у коего останавливался Г. Маршосъ, являеть собою въ Сибири образчикъ богашыхъ поселянъ какой-либо изъ образованнѣйшихъ странъ Европы. Въ домѣ его, кромѣ порядка, чистоты, довольства и даже нѣкоторой позволительной по его соснонію роскоши въ домашнихъ уборахъ и пищѣ, путешественникъ нашъ нашель даже роскошь просвѣщенія — Журналы. „Я снова удивился,“ говоришь онъ, „увидя передъ собою, въ домѣ крестьянина, за 6500 верствъ ошь столицей, Пещербургскія подшическія и липе-

„рашурныя періодическія изданія. — Хозяинъ давно выписываетъ ихъ, — говоришь „хозяйка, — и газетны поже мы исправно „получаемъ.“ Колонія Англійскихъ Миссіонеровъ, близъ Селенгинска, не менѣе заслуживаетъ вниманія. Колонія сія состоить изъ шрехъ семействъ; глава перваго изъ нихъ — Англичанинъ, оба другіе Шотландцы изъ Глазгова. Они поселились между Буряшамъ, и проповѣдують имъ вѣру Христіанскую; но, къ сожалѣнію, кажется, безъ значительнаго успѣха. Описаніе кумирень Буряшскихъ на Гусиномъ озерѣ, верховнаго жреца сихъ язычниковъ Ламайскаго исповѣданія и духовныхъ ихъ обрядовъ, до Г. Маршоса ни кѣмъ еще не было сдѣлано въ шакой подробности. Читайтели конечно съ любопытствомъ прочшуть шакже и Китайское угощеніе, сдѣланное нашему путешественнику Джаргучеемъ сей націи въ Маймачинѣ, Китайскомъ городкѣ на Кяхтѣ. Подробности сей Китайской пирушки доказываютъ, что въ *среднемъ царствѣ* (шакъ Китайцы называютъ свое отечество), были шакже свои Бовилье и Вашели, которые не были бы отвергнушы и избалованнымъ вкусомъ ушонченнаго Европейскаго гасстронома. — Желательнаго, чтобы и Западная Сибирь была кѣмъ-либо описана

столь же подробно и занимательно; еще больше должно желать, чтобы Г. Маршось подарил намъ Исторію сего любопытнаго края. Жаль, что Письма о Восточной Сибири напечатаны не очень исправно, а приложенныя къ нимъ карпинки выгравированы весьма посредственно и описаны на дурной бумагѣ. Карпинки сіи представляютъ: Китайскаго Чжаргучей въ Маймачинѣ, именемъ Бо-лое; видъ Англійской колоніи на Селенгѣ; Бурятскій кумирь и видъ Тельминской фабрики въ 62 верстахъ отъ Иркутска. Кромѣ сего, при Письмахъ о Восточной Сибири находится планъ города Иркутска и карта дороги отъ Иркутска на Кяхту кругомъ Байкала, чрезъ хребетъ Хамарь-Дабань.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

(Окончаніе.)

Наконецъ, въ то время, когда весна уже была въ полномъ ея цвѣтѣ, пришелъ приказъ отъ главнаго Командира. Три печати на пакетѣ показывали важность и поспѣшность депеши. Джонъ распечаталъ ее и пробѣжавъ, какъ бы невольно воскликнулъ: „Чортъ возьми, опасности много, а награды въ виду никакой!“ — Потомъ бросилъ ее съ досадою Гольгеру.

„Награда вездѣ, куда зовешь честь и долгъ!“ — отвѣчалъ сей покойно и спалъ читавъ приказъ. Въ немъ заключалось дѣйствительно очень трудное порученіе: развесити по многимъ береговымъ мѣстамъ запечатанные приказы. Трудность состояла въ томъ, что на морѣ въ недалекомъ разстояніи явилась непріятельская эскадра, хотя и не весьма значительная, но все пре-

выпавшая силу пригошовленныхъ къ защи-
пть способовъ. Надлежало не шолько увер-
пываться ошъ внимательности и пресль-
дованій непріателя, но можешъ бышь, и сра-
жашься съ его превосходійшими, хошя и
разсыянными силами. Вся надежда была шоль-
ко на скорый ходъ шкуны. Между штьмъ бе-
реговья скалы заставляли опасашься, чшо
или на быспромъ бѣтъ разобѣеши корабль,
или набѣжишь нечаянно на непріателя: въ
семь послѣднемъ случаѣ, весьма вѣроятномъ,
предписывалось, если шкуна не будешъ въ
сосшоаній уклонишься, всшупишь въ бой и
защищашься до послѣдней крайности, чшобъ
шолько денеши не попалась въ руки непрі-
ателю; испребишь же ихъ позволялось въ
самомъ уже крайнемъ случаѣ. Съ штьмъ вмѣ-
шшъ вельно было ошправишься [непремѣнно
въ ночь на савдующіе сущки, для полученія
въ извѣшномъ мѣсшѣ денешей, по услов-
ленному сигналу. Ночи были въ шо время
самыя ясныя.

Въ глазахъ Гольгера заблшсшала радость
по проченіи приказа, но на лицъ Джона
вспрѣшлили они угрюмость и досаду. Гру-
бымъ, повелительнымъ шономъ сказалъ по-
слѣдній: „гошовься же къ ошъѣзду!“ и ош-
правилась на берегъ.

Сей шонъ, давшій замѣшишь, чшо съ
штьхъ поръ не будешь шерпимы никакія воз-
раженія, вдругъ разстроялъ въ Гольгеръ всю
радосшь его и заставлялъ забышь пламенное
спремленіе въ бой и въ опасности. Слвдуя
глазами за Джономъ, который сошелъ на
берегъ въ шомъ самомъ мѣсшѣ, гдѣ нѣкогда
чужимъ оружіемъ выручалась чешть его, онъ
вообразилъ себя всю эту сцену, съ допол-
неніями, какія узналъ послѣ изъ просподош-
наго расказа Мадса. Съ штьмъ вмѣшшъ не-
вольно пришли ему на умъ всѣ качества
шеперешняго его начальника: заносчивость,
криводушіе, которья угрожали флагу, и мо-
жешъ бышь, ему самому новою бѣдою; и
при шомъ нѣкошораго рода ошвѣшвен-
ность въ его поведеніи, возложенная началь-
ствомъ — все это возбудило горькія чув-
ства въ душѣ Гольгера и привело его въ
шакое безпокойство, котораго не въ силахъ
онъ былъ превозмочь. Въ семъ расположеніи
духа провелъ онъ весь день, всю ночь и все
слвдующее утро. Тоска его испомила. Онъ
вздумалъ еще разъ увидѣшься съ другомъ
своимъ и сказалъ о шомъ начальнику шку-
ны. Между штьмъ работы еще за нѣсколько
дней приведены были къ концу, и машрозы,
можешъ бышь, въ предчувствіи близкаго
ошъѣзда, желали побывашъ на берегу; по-

чему Гольгеръ распустилъ многихъ изъ нихъ. Это, по видимому, не нравилось Джону; онъ замѣнилъ, что мало людей останется на корабль; а какъ въ то же время просился на берегъ еще одинъ изъ младшихъ офицеровъ, то онъ и сказалъ Гольгеру, что можешь уволить его только на самый короткий срокъ, въ продолженіе котораго самъ побудешь на борть, а потомъ обратясь къ младшему офицеру, прибавилъ: „прошу не опаздывать. Съ захожденіемъ солнца всѣ должны явиться; ни одной уже шляпки не должно подпускать къ кораблю, и кто бъ на ней ни былъ, не принимаешь его. — Вамъ надобно позаботиться, Лейтенантъ Ан....“ — продолжалъ онъ нѣсколько шпше, шакъ что только офицеры могли его слышать: „чтобъ непременно собрались всѣ во время, ровно въ двѣнадцать часовъ поднимаешь якорь и паруса; не ждешь ни минуты, говорю я, хотя бъ и самого меня еще не было.“

Гольгеръ, вмѣстѣ съ молодымъ офицеромъ, отправился на берегъ и послѣдилъ къ Вольдемару, которому тотчасъ сообщилъ приказъ, съ усмирѣннымъ на него испытующимъ взоромъ, какъ будто въ его глазахъ желая найти себѣ утѣшеніе.

„Наконецъ тебѣ открышь лупъ дьявольности!“ воскликнулъ Вольдемаръ съ жаромъ: „а я все долженъ сидѣть здѣсь на якорѣ. Сюда вѣрно и не заглянешь неприятель. Вошь, если бъ ты былъ начальникомъ шкуны, то я позавидовалъ бы послѣднему швоему манпрозу, а теперь — но увидимся ли мы съ тобою? — ты вѣрно не переживешь стыда нашего флага.“

— „Нѣтъ!“ отвѣчалъ Гольгеръ: „но предострашу его.“

„Какъ это? развѣ онъ не начальникъ швой! бѣдный мой другъ! и ты помѣнялся со мною!“

Гольгеръ едва слушалъ; душа его погрузилась въ мрачное, смущенное чувство. Онъ явился опять на борть, прежде, чѣмъ вообразалъ.

„Какъ ты долго таскался!“ этими словами встрѣтилъ его Джонъ. „Мнѣ еще надобно о многомъ похлопотать въ городъ; при томъ же я пойду на вечернику къ одному знакомому, откуда ворочусь передъ самою полночью; я нарочно хочу это сдѣлать, чтобъ никто и не думалъ, что мы сегодня же шихохонько уберемъ; почему знаешь, можешь быть неприятель имѣешь шущъ своихъ шпіоновъ. Пусть думаютъ, что я отправляюсь завтра. Шляпки за

мною не присылай — только, чтобы она сползла на голову у корабля: как скоро услышишь пистолетный выстрел, то пошли ее за мною.“

Гольгер кивнул молча головою, а между швэмь ворчал про себя: *тихохонько уберемса*. Эти слова, шусливая предосторожность в невзброяшней измѣнѣ, какія-то опасенія, вовсе несвойственныя обыкновенному легкомыслию Джона — все это, и в такое время, когда Гольгер охотно бы рассказывалъ всякому радость свою, что наконец поидесть и онъ сражаться, — упало, как расплавленный свинецъ, на грудь его. Темное предчувствіе, кошораго не умѣлъ онъ располоковать себя, шакъ сильно имъ овладѣло, что онъ забылъ все вокругъ себя. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Мадса, напѣвающего воинственную пѣсню — голосъ, повѣдавшій ему некогда гнусное предательство, ему оказанное. Тогда дерзкая мысль, какъ молнія, блеснула въ голову его. Онъ подумалъ — планъ его созрѣлъ — онъ скоро рѣшился: „пусти же“ пробормоталъ Гольгеръ: „пусти же онъ самъ опоздаешь!“

Съ этого мгновенія сдѣлался онъ опять покоенъ. Опять проснулась въ немъ дѣятельность духа, заботливость, разговорчи-

вость: только на лицѣ его выражалось что-то строгое.

Въ назначенное время явились на корабль все опущенные люди, съ ними и офицеры. Начальникъ же, кошораго шайное приказаніе извѣстно было только Гольгеру, все еще былъ въ опсущеніи. Все удивлялись; офицеры смали безпокоиться. Въ одиннадцать часовъ Гольгеръ сказалъ: „я лучше самъ съѣзжу на берегъ“ и взявъ маленькую шляпку, онъ велѣлъ причалить нѣсколько далѣ обыкновенной пристани, а попомъ сказавъ машрозамъ, чтобы они спокойно его дожидались, пошелъ вдоль по берегу. Тутъ въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, близъ городка, спалъ онъ расхаживашъ взадъ и впередъ, пока не услышалъ шороха. Вскоръ явился Джонъ и съ удивленіемъ опсунуилъ назадъ, когда предсмалъ ему Гольгеръ въ полномъ мундирѣ, между швэмь, какъ онъ, даже и на корабль, всегда ходилъ въ плашѣ часинаго человекъ.

„Что это?“ вскричалъ испуганный Джонъ: „зачѣмъ ты здѣсь? какъ могъ опсавишь корабль?“

— „Въ этомъ дамъ я опвишь главному Начальнику“ — возразилъ Гольгеръ. „Тамъ не могъ бы я говорить свободно съ шобою,

Джонь Формеръ — хочу говорить здѣсь. Ты еще не просилъ себя ошсавки?“

„Что вамъ вздумалось, г. Лейшенаншъ? и вашъ начальникъ!“

— „Къ сожалѣнію, тамъ на корабль и передъ свидѣтелями: испорченный рисунокъ себя имъ сдѣлалъ; но здѣсь между нами, вдали отъ людей, подъ открытымъ небомъ, негодій не можешь быть начальникомъ честнаго человѣка.“

„Опомнись!“ вскричалъ Джонъ, взбѣясь: какое швое намбрение!“

— „Напомнишь о шомъ обѣщаніи, какое ты далъ мнѣ въ самую рѣшительную для тебя минуту.“

„Но теперь не шо время, чшобъ я могъ его исполнить.“

— „Такъ оно кажется, но я нахожу эшо возможнымъ; тебѣ спѣшитъ шолько опоздать.“

„Развѣ не видишь ты, чшо эшо будетъ еще предосудительнѣе для моей чести?“

— „Чшобъ поддержишь ее, ты можешь лгать, сколько тебѣ вздумается — я не помѣшаю; но здѣсь дѣло важнѣе швоей чести, важнѣе благороднаго желанія, чшобъ никто изъ носящихъ мундиръ не замаралъ его. Здѣсь дѣло идетъ о славѣ опечества, о чести флага, о храбрости поклявшихся

ему, еще доселѣ неподверженной сомнѣнію. — Не испугаешься ли ты смерти и шамъ, на нашемъ влажномъ пуши, какъ шо было здѣсь, на сухомъ? но шамъ ты не за себя одного ошвѣчаешь. Я взялъ порукою въ швоемъ поведеніи; но лучше хочу быть порукою въ нешренишности нашего флага. Видишь ли: я могъ пропустить мимо ушей швой сигналъ, мнѣ одному извѣстный, и по собшвенному швоему приказу поднявъ паруса и отправишься въ полночь; но тогда бы поступилъ я вѣроломно, а я не хочу, даже и передъ шобою, не хочу казаться вѣроломнымъ. Ты долженъ опоздать. Ты найдешь для себя много извиненій. Рѣшайся скорѣе; время не шерпншь.“

„Нѣтъ, я эшого не сдѣлаю!“ сказалъ Джонъ рѣшительно: „и ты не принудишь меня.“ Съ эшими словами онъ вдругъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ единшвенное его оружіе — коршикъ, и мгновенно бросилъ его въ море.

„Гнусный человѣкъ!“ вскричалъ Гольгеръ: „ты все еще лукавишь.“ Онъ схватилъ его за ворошъ, и рука его нечаянно попала на пистолешь, спрятаанный у Джона за пазухой. Онъ въ мигъ его выхватилъ. — „Ты вооружень, защищайся же!“

— „У меня только и был один эпорт пистолець“ — ошвѣчал Джонъ: „и пошь съ холосшымъ зарядомъ, чшобъ дашь сигналъ. Я не ожидалъ здѣсь нападенія. Лейтенантъ Ан—, въ память прошедшаго я забуду эшу сцену, но не раздражайте меня.“

„Съ холосшымъ зарядомъ!“ повторишь Гольгеръ, и хошя внушри его кипѣло, но съ видомъ хладнокровія ошснулишь онъ нѣсколько назадъ, все не ошавляя однако свободнаго пуши для Джона, кошорый стоалъ въ большомъ смущеніи. „Эшо шебъ не можешъ!“ продолжалъ Гольгеръ. „Твоя рука, ошшолкнувши меня, съ болью напомила мнѣ объ одной вещи. Знаешъ ли шы эшошь персень?“ спросилъ онъ вынувъ подарокъ Вольдемара, кошорый, хошя не былъ уже въ прежнемъ видѣ, но все еще не снимался съ груди его. „Эшо золошо шакже напоминаешъ объ одномъ изъ швоихъ гнусныхъ дѣлъ. Хочешъ ли, чшобъ оно само за себя ошмшило?“ — Съ силой словами смялъ онъ кольцо въ зубахъ и сдѣлавъ изъ него комокъ, бросилъ его въ дуло пистолеца. „Теперь зарядено!“ сказалъ онъ. — Ну же! ворошисъ назадъ или умрешъ! я знаю, чшо жизнь шебъ очень мила.“

Сказанное о перснѣ еще болѣе поразило Джона. Онъ стоалъ нѣмъ, какъ ули-

ченный преступникъ, съ мученіемъ злѣйшихъ воспоминаній въ груди.

„Дай же ошвѣшь!“ вскричалъ Гольгеръ, помолчавъ: „время не шерпешъ. Выбирай!“

— „Эшо все равно, чшо кошелекъ или жизнь!“ ошвѣчалъ Джонъ съ пожираемымъ бѣшенствомъ: „шакъ дѣлаюшь оди разбойники.“

Тутъ кончилась разсудительность Гольгера. „Негодий!“ вскричалъ онъ, спустилъ курокъ и персень погрузился въ грудь Джона. Онъ упалъ мершвъ на землю. Гольгеръ, выпусшя невольню пистолець изъ руки своей, окинулъ поверженнаго мрачнымъ взглядомъ, испустилъ шяжелый вздохъ и скорыми шагами пошелъ къ шлюпкѣ, напѣвая свою любимую арію. „Все еще нѣшь?“ закричалъ онъ машрозамъ. „Ну шакъ съ Богомъ! ошваливайше, намъ нельзя мѣшкашь.“ Лишь только вошелъ онъ на корабль, ударило двѣнадцать часовъ. На всѣ вопросы офицеровъ качалъ онъ только головою, напоминалъ имъ приказъ и собшвенныя слова начальника, а потомъ, съ ихъ согласія, велѣлъ поднимать якорь. „Онъ самъ хотѣлъ шого!“ повторялъ Гольгеръ въ самомъ себѣ, расхаживая взадъ и впередъ на палубѣ. „Теперь я начальникъ; правда, чшо шакимъ образомъ, лучше бы не желалъ имъ бышь ни-

когда, но за то не боюсь уже и за честь своего флага.“

Въ назначенномъ мѣспѣ плохая рыбацья лодка привезла на корабль весьма важныя приказанія, копорыхъ исполненіе требовало крайней разсудительности, отважности и присущства духа. Съ этою лодкою послалъ онъ крашкій рапортъ о неявкѣ Джона, а потомъ поднялъ опять паруса, горя неперпнѣемъ оказашъ пользу ошечешву. Все молодые офицеры одушевлены были шѣмъ же. Въ печеніе нѣсколькихъ недѣлъ переходилъ онъ изъ опасности въ опасность и на каждомъ шагу дразня непріателя, превозмогалъ все счастливо. Его дѣятельность помышала исполненію многихъ плановъ непріателя, копорый наконецъ спалъ принимашъ всевозможныя мѣры, чшобы погубить его. Однажды вдругъ очутился онъ среди столь великихъ непріательскихъ силъ, что, казалось, не было спасенія и надлежало спустить флагъ, не выспрѣливъ ни разу. „Нѣтъ!“ вскричалъ Гольгеръ: „лучше пусть будешь онъ весь изспрѣленъ, но не спущенъ; никто изъ Дашчанъ не рѣшился опрубить священнаго каната.“

Четыре часа продолжалось упорнѣйшее сраженіе; хотя удалось Гольгеру два непріательскія судна привести въ бездѣйствіе,

но шкуна его была вся пробита ядрами и не много оспавалось уже рукъ, чшобы управлять ею, какъ вдругъ къ вечеру, порывистый вѣтръ чуднымъ образомъ ошнесъ ее въ заливъ между двухъ скаль. Корабль, гнавшійся за нею, при входѣ въ заливъ, спалъ на мель и сдѣлалъ собою олопшъ прошивъ нападенія на нее другихъ. Эшимъ счастіемъ, непопнпнымъ даже и для шѣхъ, кшо былъ на шкунѣ, пригнало ее въ самую шу гавань, ошкуда она выступила. Но уже то были почти только ошашки и корабля и экипажа. Немногіе спасшеся мапрозы и офицеры, больше или меньше раненые (въ числѣ послѣднихъ и самъ Гольгеръ) явились въ городъ, упоенные кровью, счастіемъ и побѣдою, ибо шакъ должно назвашъ ихъ избавленіе. Тамъ приняли ихъ съ живѣйшимъ удивленіемъ и усерднѣйшими поздравленіями, ибо весьма многіе изъ жителей вывѣзали на рыбацыхъ лодкахъ смотрѣть издали на послѣднее сраженіе, бывшее въ виду города.

Гольгеръ, съ подвязанною рукою, поспѣшилъ на свиданіе съ Вольдемаромъ. Радость наполнила его душу, и хотя онъ зывалось въ ней случившееся предъ ошѣздомъ, но онъ надѣялся испребить мучительное ошомъ воспоминаніе, передливъ въ душу вѣрнаго друга все, что его перевозило; надѣял-

ся отъ самаго друга получишь удостовѣреніе, что нельзя было иначе дѣйствовать.

Вольдемаръ принялъ его съ шумнымъ, непритворнымъ восторгомъ. Гольгеръ долженъ былъ рассказать ему всѣ малѣйшія подробности сраженія. Когда же наконецъ, эшошь разговоръ спалъ испощаешься, Гольгеръ спросилъ вдругъ шоскливо: „а Джонъ, что слышно о немъ?“

Не отвѣчая, взялъ Вольдемаръ между бумагами листокъ газетъ и подалъ ему, Гольгеръ прочинялъ:

„По опшлышій шкуны, копорая, согласно полученному приказанію, опправилась въ назначенный часъ, на другой день поуспру найдень начальникъ ея на берегу мертвый. Убишь ли онъ измѣннически, или палъ жертвою собшвеннаго сумашествія, въ чемъ еспш поводъ подозрѣвать, шого рѣшишь не легко.“

„Измѣннически!“ вскричалъ Гольгеръ въ движеніи.

— „Нѣтъ, навѣрное нѣтъ!“ сказала Вольдемаръ уныло и угрюмо: „пшому что оня убийшь, какъ я не сомнѣваюсь, швою рукою.“

„Возможно ли, шы уже знаешь?“ вскричала изумленная Гольгеръ.

— „Я не сомнѣвался въ шомъ ни минуты. Твои послѣднія слова при разлукѣ со мною, а еще болѣе скомканное золотое кольцо, копорое найдено въ его сердца, меня вполне удостовѣрили. Не смощи на меня шакъ!“ продолжалъ Вольдемаръ, смягчая голосъ: „мнѣ удалось опшрашишь всякое на тебя подозрѣніе. Какъ я опшавался здѣсь главнымъ командиромъ, шо мнѣ первому принесли извѣстіе о найденномъ шрупѣ; я заснавилъ, по принятому обычаю, опшпрѣшь рану, шолько самъ я и хирургъ, нашъ прійшелъ, были при шомъ. Съ большимъ удивленіемъ подалъ онъ мнѣ роковое золото и удивился еще болѣе, когда увидѣлъ, какъ эшо вдругъ меня поразило. Онъ не могъ не предполагать шущъ шайны, но уважилъ мое безмолвіе и оставилъ мнѣ пулю. Въ своемъ свидѣтельствѣ не означилъ онъ, какого мешалла была она, и предоставилъ мнѣ написать рапортъ, какъ я захочу. Черезъ него не можешь бышь узнано шо, что я опскрылъ. Поединокъ, не правда ли? Объясни мнѣ непонятное!“

— „Ну, поединкомъ назвашь нельзя“ — опшвчала Гольгеръ нешвердымъ голосомъ. „Я убійца его, если хочешь, но выслушай!“ И шущъ рассказала онъ все происходившее, съ самаго зародыша огорчений, произведен-

ныхъ въ немъ Джономъ, со всѣми мелочами, неизвѣсными его другу и, не взирая на свою незначительность, повлекшими за собою кровавое окончаніе дѣла, къ кошорому впрочемъ онъ никогда не готовился. Посуцпиль ли бы ты иначе на моемъ мѣстѣ? Симъ заключилъ онъ свой расказъ.

„Не знаю, другъ мой!“ отвѣчалъ Вольдемаръ въ мрачномъ размысленіи. „Но мнѣ кажется едва вѣроятнымъ, какъ все это могло случиться. Впрочемъ я себя не считаю ни шверже, ни лучше себя.“

— „Лучше!“ повторилъ Гольгеръ просяжно, устремя на него глаза свои. „Гм! да — точно! лучше и чище!“ прибавилъ онъ поспѣшно. „Послушай, ты вѣрно изъяснишь мнѣ мое недоуміе, мою viuipреннюю борьбу, мнѣ самому непонятную. Хотя въ этомъ дѣлѣ, забавна о флагъ руководила мною; но не смотря на то, не смотря на явную подлость, прошивъ кошорой поднялась рука моя, все таки возбуждается во мнѣ непреодолимое безпокойство. Только громъ пальбы и пороховой дымъ доставляли мнѣ удовольствіе; пошому, что ими заглушались мои чувства. Но вошь, когда пришлось быть опять на покой, — шеперь, — неужели же я въ самомъ дѣлѣ незаслуживаю прощенья?“

„Гольгеръ!“ сказала Вольдемаръ: „я не могу лгать; мнѣ кажется, ты бы долженъ былъ избѣжать этого поступка, и по челоуѣчеству, и какъ носящій эшошь мундиръ и подвергающійся его законамъ.“

— „Мундиръ былъ на мнѣ!“ сказала Гольгеръ мрачно.

„Но ушѣшься, другъ мой!“ продолжалъ Вольдемаръ, возвыся голосъ.

— „Ничто не ушѣшишь меня!“ отвѣчалъ Гольгеръ, блѣдный, какъ смерть. „Ты выговаривалъ то, чего не умѣлъ и не смѣлъ я назвать словами. Прощай!“

„Ты хочешь уже меня оставишь?“ спросилъ Вольдемаръ, пораженный внезапною переменною друга.

— „Мнѣ надобно навѣспишь больныхъ и напишешь рапортъ. Ахъ, если бы онъ былъ ужъ написанъ! Но еще одно, дай мнѣ пожалуста смяшое золотое кольцо...“

„Не оставишь ли ты его у меня?“ спросилъ Вольдемаръ, устремя на него прощательный взоръ.

— „Нѣтъ, я не хочу оставишь у тебя вещь, кошорая будетъ напоминать тебѣ о винѣ мой.“

Гольгеръ ушелъ. Вольдемаръ нѣсколько дней не видалъ его; слышалъ однако, что онъ часто посѣщаетъ лазаретъ и городъ

скія присущенныя мѣста; оспальное же время проводишь, запершись въ своей комнатѣ и занимаешься письменными дѣлами. Зная, что собственнымъ своимъ безпокойствомъ лишь только распродилъ бы онъ друга, безъ того снѣдаемаго внутреннею борьбою, Вольдемаръ не захошѣлъ мѣшашъ ему.

Однажды вечеромъ вошелъ однако Гольгеръ, совсѣмъ неожиданно, къ невѣстѣ Вольдемара, съ копорою сей въ это время дня любилъ быть вмѣстѣ. Онъ былъ угрюмъ, но вмѣстѣ какое-то необыкновенное унылое спокойствіе замѣтно было во всемъ составѣ его.

„Извинише, сударыня“ — сказалъ онъ съ истиннымъ прососердечіемъ: „что я ушащу у васъ сегодня моего друга. Вечеръ шакъ хорошъ, и мнѣ шакъ хоченся поговорить съ побою на свободу, Вольдемаръ — мнѣ надобно много съ побою говорить.“

Вольдемаръ ошкланялся невѣстѣ и поспѣвовалъ за другомъ. Рука объ руку пошли они пушемъ, освѣщаемымъ луною, вдоль по берегу. Весьма не много словъ передано было сначала. Вольдемаръ замѣчалъ что-то необыкновенное въ своемъ другѣ. Онъ все давалъ корошкіе только ошвѣны. Наконецъ Гольгеръ ошановился въ одномъ мѣстѣ, по-

чши совсѣмъ замкнушомъ скалою. — „Все ли еще ты меня любишь?“ спросилъ онъ робко.

— „Что за вопросъ! Какъ можешь спрашивашъ, люблю ли я себя?“

„Но вѣрно не шакъ, какъ прежде! Мы какъ-то поспепенно ошдалались. Твоя невѣста похишила у меня ошчасши швое сердце — мое принадлежитъ тебѣ вѣднѣ.“

— „Ахъ, Гольгеръ! мнѣ хошѣлось бы, чшобъ и ты узналъ Ангела истинной любви; онъ совсѣмъ другаго рода, нежели Ангель дружества, однако они и не враждуютъ между собою — напрошивъ поддерживаютъ, возвышаютъ другъ друга.“

„И шакъ“ — продолжалъ Гольгеръ съ горячностію: „все ли еще любишь ты меня, какъ въ шомъ вечеръ, въ шомъ истинно священнѣ часъ, когда мы заключали союзъ браштва?“

— „Конечно; эпошъ часъ споль же свяшъ и для меня.“

„Помнишь ли ты, что мы дали кляшву другъ другу блюшши чесшъ нашего флага, блюшши собственную свою чесшъ; что мы клялись, чшобъ шого изъ насъ, кто ошажешся ея недосшойнымъ, другой наказалъ смершію? Помнишь ли ты это?“

— „Да!“ ошвѣчалъ Волдемаръ въ полголоса, поднявъ тревожный взоръ на друга.

„И шакъ, Вольдемаръ, я недосконилъ ея; я — шебъ извѣстно все дѣло, какъ мнѣ самому — я совершилъ двоякое прошивъ нея прескупленіе: я убилъ своего начальника, я сдѣлалъ почное убійство. Не говори, что свѣшь не узнаешь о шомъ. Не говори мнѣ ничего. Мы знаемъ, я знаю — шого довольно. Могу ли я, кошорый, послѣ Бога, всего выше ставлю свое почешное званіе, я, кошорый всегда первый провозглашалъ о шомъ, и смѣло пошелъ на защиту своего флага, могу ли переносить чувство шого, что вшайнѣ дѣйствовалъ недостойнымъ его образомъ? Тогда шолько почувствовалъ я весь ужасъ своего поступка, когда писалъ свой рапоршъ, въ кошоромъ, какъ ни вершѣлся, а долженъ былъ изрѣчь свою славу. Нѣшь, я заслужилъ наказаніе, наказаніе примиряетъ и очищаешь. Однако, что совершилъ я вшайнѣ, въ шомъ шайно же могу и покаяться. Спрѣлай, Вольдемаръ! заспрѣли меня!“ вскричалъ онъ, вынувъ пистолешь.

„Помилуй, что шы?“ сказала Вольдемаръ въ ужасъ.

„Какъ?“ воскликнулъ Гольгеръ: „шы ошступашь? Возьми. Я осквернилъ драгоценный даръ швоей дружбы; — ахъ! не са-

ма ли Немезида успроила ему шакую судьбу! — но пусть же ошосешя онъ въ крови моей. Пистолешь заряженъ кольцомъ. Пусть оно, споль долго покоившись прежде на груди моей, найдешъ себѣ въ ней покой вѣчный.“

— „Нѣшь, я штого не сдѣлаю!“ возразилъ другъ.

„Вольдемаръ!“ продолжалъ Гольгеръ уныло: „помнишь ли, съ какимъ равнодушіемъ, какъ будшо бы шебъ ничего не стоило, для исполненія шолько опрометчиваго слова, выпрыгнулъ шы въ окно и приобрѣлъ шѣшь на вѣкъ мое сердце; а шеперь хочешь нарушишь прежній обѣшь!“

— „Тогда было совсѣмъ другое дѣло — я ошвѣчалъ шолько за себя. Теперъ шы хочешь меня сдѣлашь убійцею.“

„Не шы мой убійца, а мой просшупокъ, кошорый шы своимъ отказомъ дѣлаешь для меня еще шяжелѣе. Неужели я недостойнъ и шого, чтошбъ умереть ошъ вѣрной руки швоей? Неужели шы способенъ выдать меня и свое званіе на публичное посрамленіе? Да, я клянусь...“

— „Не клянись!“ прервалъ его Вольдемаръ.

„Не буду!“ продолжалъ онъ покойно: „пштому, что я уже клялся, а шы знаешь,

я умью держашь слово; если ты отвергнешь мою просьбу, завтра же опдамся я военному суду. Захочешь ли ты подвергнуть друга плахъ палача, чешь швоего флага посмѣянiю зависши? На колынахъ умоляю тебя, Вольдемаръ, дославъ мнѣ ушѣшенiе, въ швоихъ дружескихъ объшнiяхъ испребишь вину свою вмѣстѣ съ жизнью. Вѣдь и ты каляса же.“

„Бышь такъ!“ вскричалъ Вольдемаръ рѣшишельно: „я долженъ все раздѣляшь съ шобою, даже и неправое дѣло.“ Тушь обхващилъ онъ лѣвою рукою своего друга и въ первый разъ напечаталъ продолжительный и жаркiй поцѣлуй на устахъ его; правую рукою наложилъ онъ нисполешъ на грудь его и спустилъ курокъ. Гольгеръ, не испушивъ и вдоха, упалъ мершвыи въ его объшнiя.

Окинувъ мрачнымъ взоромъ уединенную дорогу, Вольдемаръ опнесъ шрупъ къ самому почши городку; тушь положилъ его въ кушъ, накрылъ плащемъ и пошелъ въ квартиру Гольгера, гдѣ позвалъ къ себѣ Мадса.

„Твой господинъ“ — шепнулъ онъ ему: „внезапно умеръ. Тише! не надѣлай шуму!“

— „Вошь, не ожидалъ ли я?“ сказалъ Мадсъ, всплеснувъ руками.

„Какъ што?“

— „Съ шѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на берегъ, все не переставалъ жалованъся. И не мудрено, онъ совсѣмъ о себѣ не зашпился; все говорилъ, что онъ долженъ изойти кровью; и духовную свою опдалъ уже въ Судъ. Гдѣ жъ онъ умеръ?“

„На морскомъ берегу“ — отвѣчалъ Вольдемаръ, кошорому слова Мадса пришлись очень кшпани; — „что онъ предвидѣлъ, шо и случилось, хопя кровь его пролипа не шакимъ образомъ, какъ ты думаешь. Но если ты дошпнишь, какъ я полагаю, нашей довѣренности; шо тебѣ довольно, когда я скажу, что онъ скончался въ объшнiяхъ моихъ, въ объшнiяхъ своего друга: не ломай головы надъ раною, кошорую шолько ты и я увидимъ на груди его. Въ избѣжанiе шолковъ, принесемъ его ночью, черезъ садъ, въ его комнашу.“

Такъ и было сдѣлано; сама луна сокрыла свѣшное лице свое при семь печальномъ шесшви. Обгорѣлое плашье шопчасъ сняли и шрупъ положили въ постель. Когда Мадсъ осшался одинъ, онъ смопрѣлъ на мершваго и глаза его все болѣе и болѣе наполнялись слезами. „Эдакъ, на берегу!“ сказала онъ наконецъ сквозь зубы: „Слава Богу, что думаешь не мое дѣло, а шо бы мнѣ пришлось съ ума сойти. Тушь что-шо неспроста;

однако, что сказала Лейшенантъ, я пѣлъ доволенъ, и въ самомъ аду не вырвущу у меня ни словечка.“ На другой день разнеслось вездѣ, что Лейшенантъ Ан — нашли мертвого въ постели отъ изверженія крови; что шакъ объявилъ призванный врачъ. Вольдемару надлежало распорядиться объ его наслѣдствѣ и похоронахъ. Изъ Суда сообщили ему Гольгеру духовную, по которой умершій завѣщалъ все свое, довольно значительное имѣние невѣстѣ друга.

Въ шонъ же вечеръ явилась къ ней Вольдемаръ, блѣденъ какъ смерть, будто бы состарясь вдругъ десятию годами. До нее достигла уже печальная вѣсть и сильно ее поразила. Гольгеръ и самъ по себѣ всегда ей нравился, но еще болѣе по дружбѣ его съ женихомъ. Она въ слезахъ бросилась къ нему въ объятія, но когда увидѣла столь необыкновенную въ немъ перемену, то довольно испугалась и поблѣднѣла.

„Чего ты пугаешься?“ спросилъ онъ.

— „Твоей печали!“ сказала она съ пренеженьемъ. „Ты самъ смотришь, какъ умирающій или желающій смерти.“

„Да!“ отвѣчалъ Вольдемаръ угрюмо, но спокойно: „не скрою, смерть его заставляетъ меня думать и о своей. Пока онъ жилъ, я перѣдко въ своемъ присутствіи

забывалъ о немъ; но съ тѣхъ поръ, какъ его не спало, образъ его преслѣдуетъ меня и гонитъ даже изъ пвонхъ объятій. — Возьми эти бумаги: онъ упрочивающъ тебѣ его наслѣдство. Признаюсь, что онъ пѣлъ очень, очень успокоилъ меня на швой счещъ. Онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, и вошь — кто знаешь, что и со мной случиться можешь?“

— „Съ тобой? — Избави Богъ!“

„Марія! невѣста воина должна бытъ гошова ко всему; а время не оставишь упокоишь чистаго сердца. Мы были друзья, мы были братья! Мнѣ должно опмститься за смерть его; я узналъ, что ея причиною, скрышная сердечная рана. Къ тому жъ, не все мнѣ оставалось здѣсь въ бездѣйствіи; надобно итти прошивъ непріятеля.“

Марія, нерѣдко слыхавшая, какъ онъ, любилъ дѣятельности и жаждущій сражений, завидовалъ счастливой участи своего друга, не могла отвѣчать на слова сіи, — она лишь проливала слезы; но когда онъ, начавъ прощаться съ нею, не могъ различиться, отходилъ и возвращался, чшобъ еще разъ нанечашлѣтъ прощальный поцѣлуй свой, пока наконецъ не вырвался отъ нея съ видимою борьбою — тогда показавъ

лось ей, что она никогда уже его не увидишь.

Однако он пришел и на другой день, и ходил еще несколько вечеров сряду. Казалось даже, будто оспрадное мужество просияло утробное чело его. Невеста узнала, что дни проводил он в величайшей деятельности, что не только занимается своей башареей, но и починкою поврежденной шкуны, кошорая, или можешь быть другая подобная, долженствовала вскорь перейти под команду его. О раненых спутниках Гольгера, заботился он также с большим усердием; казалось, будто он принял на себя все заботы его и обязанности, и вездѣ посѣввалъ онъ, гдѣ только могъ выпскашь какой-либо предметъ для своихъ попеченій. Но къ вечеру, въ покойные часы, кошорые проводилъ онъ съ невестою, какъ будто вдругъ снова обрушалось на немъ все бремя его потери. Невеста спаралась его развлечь, но едва удавалось ей только изменить угрюмость его на жалобное, въ немъ вовсе необыкновенное уныніе.

Между тѣмъ приближался день Гольгера погребенія, для кошорого готовилась большая торжественность. Наканунъ, сообразно съ мѣстнымъ обычаемъ, выспав-

лень былъ гробъ, въ кошоромъ лежалъ онъ въ полномъ мундирѣ, въ особой залѣ его же кварширы, для того, чтобы все могли его видѣть. Почти весь городъ сбѣжался поспрѣшь на героя, кошорого послѣдней побѣды былъ онъ свидѣтелемъ. Одинъ Вольдемаръ не приходилъ шуда. Онъ даже не видалъ шрупа съ самой роковой ночи. Въ сей же вечеръ былъ онъ, какъ обыкновенно, у своей невесты и въ шомъ же расположеніи духа. Онъ сидѣлъ долѣе прежняго; на башарей было объявлено, что въ эту ночь онъ не придетъ. Около полуночи сказалъ онъ Марію крѣпко въ своихъ обѣщаніяхъ и хощѣлъ удалиться молча.

„Бѣдный Вольдемаръ!“ сказала она: „какой тяжелый день тебя ожидаетъ! Въ силахъ ли ты будешь провожать къ могилѣ швоего друга?“

— „Я долженъ!“ отвѣчалъ онъ: „Прощай, Марія! я шеперь пойду къ его гробу; хочу послѣдній видѣть черны его.“

Съ крѣпкимъ пожатіемъ руки разстался онъ поспѣшно съ нею и ошправился въ кварширу Гольгера, съ заднихъ дверей, кошорыя вели черезъ садъ къ морскому берегу, гдѣ стояла небольшая шлюпка. Тогда давно ужъ разберлась; Мадсъ погасилъ и свѣчи вокругъ гроба. Только одна горѣла у

изголовья. Онъ пихонько опошелъ въ спорону, когда явился Вольдемаръ. Долго въ безмолвіи размашприваль сей послѣдній, со сложенными на-крестъ руками, своего бездыханнаго друга; попомъ сказала шихо: „Да, залогъ нашего дружеспва, погребенный мною въ груди швоей, сильно меня припшгиваешъ. И шы вѣрно не сомнѣвался, Гольгеръ? Я вижу еще, какъ шы слѣдоваль за мною по пяшамъ; но шы ушелъ впередъ. — Хочешъ ли, Мадсъ, оказашъ вмѣстѣ со мною послѣднюю услугу швоему Лейшенаншу?“ спросилъ онъ громко.

— „Что прикажете?“

„Принеси мнѣ пару тяжельхъ камней.“

Мадсъ попомшрѣлъ на него съ изумленіемъ, однако повиновался. Но еще болѣе изумился онъ, когда, возвращаясь, нашель гробъ пустымъ, и увидѣлъ, что Вольдемаръ, въ боковой комнашъ, завернулъ шрупъ друга своего въ плащъ и положилъ его на кровавшъ.

„Положи камни въ гробъ“ — сказала Вольдемаръ, входя поспѣшно: „и пособи мнѣ заколошишь его наглухо. Пускай они завшпра опускашъ ихъ въ землю съ пустою пышностію и обычными почеспями, и пусть благодаряшъ Небо, что остались живы и здорovy, смотря издали на его кровавую

бишву. — Мы, Мадсъ, найдемъ лучшую для него могилу. Сухая, душная земля всегда была ему пропшвна. Я завернулъ его во флагъ, который взяшъ былъ шобою со шкунны и положень ему подъ голову; въ эшомъ флагъ погрузимъ мы его въ море, въ шо море, которое онъ шакъ любилъ, и которое радостно восплещешъ, принимая къ себѣ храбрѣйшаго своего сына. — Хочешъ ли ты идши со мною — ты одинъ? Маленькая шляпка гошова на берегу въ концѣ сада.“

— „Браво! браво!“ вскричалъ Мадсъ. „Вы угадали желаніе покойника. Пускай же спшихя моряка будешъ ему и могилою!“

Недолго продолжалась задѣлка гроба. Вольдемаръ, бывшій шупъ въ полномъ мундирѣ, снялъ свою саблю и положилъ ее на гробъ. Попомъ надвинулъ онъ шляпу Гольгера на голову шрупа его, и сшдя, какъ бы онъ былъ еще живъ, опшесли его, Мадсъ и Вольдемаръ, въ ожидающую у берега шляпку, въ которой послѣдній поспавилъ бездыханнаго своего друга на носу, обрашя сомкнушыми глазами къ морю, и облялъ крѣпко, шакъ крѣпко, какъ въ шо давнишнее время, когда шощъ прибжалъ спасши его. Между шѣмъ Мадсъ, прежде нежели приишлся за весло, сшалъ укрѣпляшъ на дровкѣ шайкомъ припасенный имъ флагъ.

„Что ты дѣлаешь, Мадсъ?“ вскричала Вольдемаръ: „вѣдь солнце еще не взошло.“

Мадсъ указала на полнолуиe, которое выглядывало изъ-за пучь, довольно бурливо носившихся въ эту ночь по всему небу. „Мѣсяць естъ солнце мертвыхъ“ — сказала она, вздохнувши. „Господинъ мой былъ славный морякъ: надобно, чтобы при его погребеніи флагъ развѣвался хоть на маленькомъ дровкѣ.“

Шлюпка пустилась по сердитымъ, клу-бщимся волнамъ, разсѣкая ихъ острыми килемъ своимъ, и все далѣе, далѣе мчалась въ открытое море. Вольдемаръ стоялъ покойно на носу, обхвативъ крѣпко пруть своего друга, и какъ нѣкогда звучный голосъ Вольдемара, на балу, среди шума гремѣющей музыки, отозывался въ ухахъ прислушивавшихся дѣвицъ, такъ теперь, среди визга вѣтровъ и плесканія волнъ, раздавался онъ въ ухахъ Мадсы, кошорый и самъ глухимъ призывомъ сопровождалъ извѣстные, слегка измѣненные слова:

Для Дашчанъ къ чеспи, славъ пущь,
Ты мрачное, грозное море!
Вошь другъ! его покойна грудь!
Ему могилой вѣчной будь
Ты мрачное, грозное море!
Онъ смерти радъ: конецъ бѣдамъ!

Онъ швой — шебъ его опдамъ,
Ты мрачное, грозное море!

Не успѣли еще послѣдніе звуки умереть въ воздухѣ, какъ Вольдемаръ, не разнимая рукъ, объявившихъ бездушнаго друга, съ нимъ вмѣстѣ бросился въ зыбкую пучину; валы расплеснулись и въ пошь же мигъ взгромоздились вновь надъ ними. Мадсъ вскочилъ въ испугъ, выпустивъ изъ рукъ свои весла. Долго смотрѣлъ онъ приспально на бурливыя волны. Наконецъ, не замѣчая и слѣда повергнувшихся въ нихъ молодыхъ людей, оперъ онъ слезы на глазахъ своихъ, ворча сквозь зубы: „Не мнѣ разсужданъ — какая жъ мнѣ до того нужда! Но молчашъ я буду, пошому что я не глушь.“

Съ большимъ усиліемъ спалъ онъ грѣши назадъ. Никшо не замѣнилъ непродолжительнаго его ошсушешвія и онъ молчалъ. Погребеніе было совершено. Всѣ удивлялись и спрашивали, куда дѣвался другъ покойника; но Мадсъ молчалъ. Долго надѣялись на возвращеніе Вольдемара, шолько не невѣсша его. „Онъ умеръ“ — говорила она съ неколебимую швердосшію: „умеръ еще въ эту ночь, когда въ послѣдній разъ со мною видѣлся, но какъ умеръ, я не знаю.“

Спусти много лѣтъ, когда время исцѣлило ея раны, принудила она Мадса пре-

рвашь молчаніе; пошому, что ей сообщены уже были тогда другомъ Вольдемара, хируромъ, нѣкошорыя бумаги, изъ коихъ она и небольшой кругъ искреннихъ друзей узнали о семь, дошоль никому неизвѣстномъ проишествіи.

2.

О нынѣшнемъ состояніи Нѣмецкаго Театра и Драматической Литературы.

(Изъ Драматургическихъ листовъ Л. Тика.)

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ наша (Нѣмецкая) сцена взяла такое направленіе, которое не одобряется не только любителями и знатоками, но и всѣми, кто только можетъ возвышать голосъ; всѣ того мнѣнія, что нашъ Театръ приближается къ совершенному упадку. Если это правда, то неизлишне будешь показашь, что причиною зла, — намекнушь, чѣмъ возможно его исправишь; ибо заведеніе общественное, которое, собирая многочисленную толпу, предполагаетъ занять ее пріятнымъ развлеченіемъ или усладить искусствомъ, для котораго спрашивается огромныя суммы и воздвиг-

гаются величественныя зданія, о которомъ говорашь во всѣхъ собраніяхъ, и которое, въ сіи дни мира, едва ли не считаешься одною изъ важнѣйшихъ потребностей націи; заслуживаетъ конечно, чтобы любители искусства не опвергали его, какъ нѣчто недостойное, а обратили на него полное вниманіе.

Однако, если должно войти въ изслѣдованіе, отъ чего шаешь (по естѣ искусство драматическое и актерское) такъ явно испорчился, и если продолжашь такое изслѣдованіе до самой глубины; то знашюку откроются столь многоразличныя причины, что онъ едва ли не упомянешь въ исканіи потерянныхъ нитей, и не бросишь съ досадою перепутанной шкани.

Когда образовывался нашъ Нѣмецкій шаешь, онъ шѣмъ наиболѣе пріобрѣлъ свою силу, что предоставленъ былъ самому себѣ. Покровителей было не много, число любителей также не велико, и актеры довольствовались шѣмъ, что могли существовать, и что изрѣдка ободряли ихъ знатоки. Такъ, почти въ уединеніи, образовались таланты великіе, и произошла Нѣмецкая школа, которая Лекеню, Превиллю и Гаррику могла прошивопоставишь, можешь бышь, столь же совершенныхъ арти-

сповь. Когда мало по малу шолпа приняла въ шомъ учасіе, когда акшеры болѣе почувствовали самихъ себя, тогда зрители принимали благосклонно все, что было для нихъ понятно, а хвалу и хулу предоставляли кришикъ знашюковъ.

Вмѣсто Комедіи и Трагедіи, вскорѣ полюбился Нѣмцамъ особый родъ, который, носясь между обѣими, спарашся изображать житейскій бытъ со всѣми его случайностями, и, безъ генія въ смѣшномъ или высокомъ, приводить въ легко приобретаемое умиленіе, картинами, высшавленными почти безъ всякихъ искусственныхъ ракъ. Пренняя школа не могла представить много превосходнаго, но она имѣла иное спремленіе, да и не нужно, чтобы школа, кака я она ни была, въ самомъ основаніи своемъ производила всѣ мастерскія произведенія; уже и шого довольно, если ученики знаютъ совершенно пушь, по которому надлежитъ имъ слѣдовать. Но спрашь къ умиленію, которая столь разительно характеризуетъ Нѣмца, сильно овладѣла Театромъ, и множество мелочныхъ картинокъ, съ ложною чувствительностью и вяло изображающихъ всю нищету, всю жалкую нравственную низость челошества, наполнило наши сценъ. Такое нововведеніе выпѣснило и самое

основаніе Нѣмецкой школы, такъ что ею надлежало называть сіи самыя мелочныя картины, ибо долгое время онѣ господствовали почти исключительно. Въ нихъ былъ еще шомъ недоснапокъ, что взявъ, такъ скашь, въ сыромъ видѣ изъ житейства, онѣ дѣлали акшерское искусство почти излишнимъ, и приучали зрителя довольствоваться самыми обыкновенными, незначительными предметами, безъ всякой ихъ связи съ искусствомъ, и принимашъ грубое обольщеніе за истинное. Тогда-шо сдѣлалось легко для шолпы, по минушнемъ впечатлѣніямъ, соснавлишь свой приговоръ, и вышла странная кришика, которая шѣмъ болѣе находила досшойнаго похвалы, чѣмъ болѣе эти вялые выродки опдалялись отъ всякаго искусства, пренебрегали геніемъ и предъ самую натурою держали столь худо шлифованное зеркало, что въ немъ являлись шолько чудовища и уроды.

Всякій артистъ хочеть, чтобы его узнали, желаетъ слышать голоса, которые оправдывали бы его спаранія или открывали бы ему лучшіе пуши. Многообразная кришика спала усиливашся, съ болѣшимъ или меньшимъ успѣхомъ, къ удовлетворенію сихъ шребований. Особые листки именно для сего соснавлились, ихъ читали шоль-

ко актеры и любители театра. Но съ возраспаніем охоты къ предсавленіямъ, въ кошорыхъ конечно болѣе и болѣе стали искашь развлеченія шолько, или наполненія времени, умножились и журналы въ каждомъ городѣ, въ шой мѣрѣ, въ какой мучились жаждою чшенія люди, кошорые, при недосипашочной образованности для изученія пивореній важныхъ, желають однако знать о событіяхъ и явленіяхъ свѣша и возбуждашь въ себѣ что-шо похорее на спремленіе къ благородному и прекрасному.

Послѣ многихъ покушеній лучшихъ нашихъ Писателей, заманишь публику въ изслѣдованія объ искусствѣ, послѣ недогловѣчнаго усилія націи одушевиться Философіей и науками, вмѣсто шакого, можешь бышь, одношороннаго рвенія, наступила почти всеобщая сонливосшь. Всѣми овладѣль какой-шо вялый скеншицизмъ, кошорый робко усшраняешь опъ каждой истины, какъ и опъ каждаго изслѣдованія, съ дерзкою рѣшительностию проповѣдуешь объ эфектѣ, все объ одномъ шолько эфектѣ, и не внимаешь никакому увѣщанію, какъ будшо образованность и истинное понятіе объ искусствѣ не опшвергаюшь именно шѣхъ впечатлѣній, кошорыми шакъ часто восхищашься грубая шолпа.

Такія мнѣнія шолпы, ея хваленія, ея ложныя хулы и поѣшическіе вздорцы, въ наше время, находяшь себѣ мѣсто въ шѣхъ безчисленныхъ журналахъ. Не говорю, чтошбъ не нашлось въ нѣкошорыхъ изъ нихъ весьма похвальныхъ произведеній опличивѣйшихъ Писателей, или чтошбъ иные не спремелись сами къ лучшей цѣли; однако большее число, не погрѣша, можно опнешпи къ сору и дрязгу нашей Литперашуры. Сюда пробрались голоса, кошорые прежде нигдѣ не осмѣлились бы появиться во услышаніе; здѣсь находяшь мѣсто самыя безсолныя повѣсти, самыя жалкія шушки, самыя сбивчивыя мнѣнія, принимающія на себя видъ кришики. Читатели пріучаюшья болѣе и болѣе къ эпому болшанью, и дѣлаюшья все болѣе неспособными понимашь какую нибудь книгу. Слабѣйшее въ эпой массѣ, ешть безъ сомнѣнія все шо, что говориться о разныхъ Нѣмецкихъ театрахъ. Но что сказашь о шакъ называемыхъ кришикахъ игры актеровъ? Большая часть, при первомъ взглядѣ, обнаруживашь невѣжество и присшраспіе. Иные хошяшь выказашь ѣдкую желчь, но большее число разшпилаешья въ похвалахъ на все шоны. Горе несчастнымъ актерамъ опъ шакихъ похвалъ и опъ шакой хулы! Но болѣе жалко актрисъ! Что имъ дѣлашь съ

эпими печашными объясненіями въ любви, копорья такъ часно появляюся въ шонѣ какого нибудь изнывающего сластолюбца? Спыдишься должно бѣ было по крайней мѣрѣ шакого публичнаго волокищства. Замѣчашельна разишельная прошивоположностъ въ помѣ, что наша скромностъ такъ легко оскорбляешя въ шеапрѣ какою нибудь шушкою спараго Сочинишель, и даже акприсы ошказываюся опѣ шой или другой роли, въ кошорой прежде не находили ничего неприличнаго, а между шѣмъ наши шонкія чувешва шерпяшь эшо гласное обожаніе, кошорое нерѣдко просшираешся до нахалшства. Удивишельно, что все голоса такъ громко и такъ безусловно пребуюшь юношеской прелешши, очаровашельныхъ формъ и ш. д., и всякой забываешъ приномѣ, кажешся, что какаля нибудь Уицельманъ-Бешманъ въ пожилыхъ лѣшахъ превосходно играла роли молодыхъ женщинъ, а г-жѣ Сиддонсъ, даже въ спаросши ея, удивлялись, когда она являлась дѣвою въ Трагедіи.

И такъ чувствешнаго возбужденія ищешъ большая частъ зришельей мужескаго пола въ шеапрѣ, и они не скрываютъ своихъ желаній. Должно ли послѣ того удивляшся, что акприсы, въ угожденіе намъ, предупредаютъ шакое желаніе? Многія по крайней

мѣрѣ, даже нѣкопорья изъ прославляемыхъ, предшавляюшь природу и такъ называемую *наивностъ* въ шакомъ видѣ, что прежде назвали бы эшо неумѣреннымъ кокешствомъ. Сами даже зрители знаютъ и понимаютъ эшо, но они довольны, если полько взволлованы.]

Можно ли послѣ того говорить о наслажденіи искусствомъ? По испишѣ, съ эшой стороны шеапры и ихъ владѣльцы предшавляюшь Зелошамъ, кошорыхъ голосъ пробуждаешся снова, совершенную нагошу.

Когда Александрійскій спихъ, особенно спараніями Лессинга, вышѣсненъ былъ съ шеапра; шо мудрѣйшія головы полагаля, что много пріобрѣшено въ пользу свободы. Онѣ конечно не могли предшомпрѣшь, что чрезъ нѣсколько времени мелочное, подѣ шипудомъ природы, совершенно овладѣешъ шеапромъ. Но въ Лессингово время и вскорѣ послѣ него образовались все наши, испишно великіе актеры. На возспановленной прозѣ основывалось ихъ величайшее доспоишство; и какъ они умѣли обращашся сънею, какъ они говорили, какою имѣли поступъ и осанку, о томъ конечно молодые актеры и зрители не могушь сосшавишь себѣ никакого поняшія. *Время семейственнаго картинъ,*

существенно повредило ихъ искусству, но еще болѣе пошъ плодовиный писатель, кошорый какъ будто взялся нарочно искажать природу во всѣхъ ея явленіяхъ. Если вымыслу совершенно недостаешь природы и истины, то актеръ хотя и можешь прикрывать и принаряжать, чшобъ каррикануру снова преобразить въ каршину; однако при долгомъ принужденіи себя къ такому сомнительному преобразованію, онъ наконецъ совсѣмъ усыпишь себя, не будешь бояшься ни самыхъ рѣзкихъ переходовъ, влюбилши въ преувеличеній и въ самыя грубыя выходки; а избалованный зришель станеть поспешенно убѣждашься, будто бы это прищворное лице, есть истинное явленіе природы, и неудачною похвалою еще вѣрнѣ испортишь предшавишеля, можешь бышь навсегда.

Но и сіе время уже миновалось. Одинъ великій Поэшь призрѣвъ упадающую сцену, ввелъ на ней снова сшихи, и подарилъ насъ отличными швореніями, кошорыя шеперь гораздо болѣе принадлежать цѣлой націи, нежели всѣ другія Нѣмецкія произведенія. Старыя актеры прошивились, болѣе или менѣе, открыто или втайнѣ, вновь появившима сшихамъ не пошому, чшобъ не умѣли произносишь ихъ — едва ли будешь

кто нибудъ шакъ чшпаншь ихъ, какъ чшпанли Шредеръ, Флекъ или Брокманъ — по имѣ казалось, чшо эшимъ ограничшмся свобода дѣйствія, чшо сущестшвенное предшавленіе получишь ложное направленіе.

Послѣдствія оправдали ихъ опасенія. Несправедливо было бы утверждать, чшо Шиллеръ нашъ прежде всѣхъ подалъ къ шому поводъ. Хотя въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ замѣшно присшрасшіе къ лирическимъ или эпическимъ украшеніямъ, кошорыя игру и декламашю разобшашють (шребують ошдѣльно той или другой), и почти принуждають актера вырывать мѣсша изъ общей связи; но драматическая спшхія шакъ вездѣ у него господшвуешь, чшо это не могло бы сдѣлать вреднаго влїянія на предшавленіе, если бъ онъ не имѣлъ подражателей. Сш, составляя между собою нѣкоторымъ образомъ, особую школу, нарочно напргашють въ сказанномъ недосшаткѣ лучшя свои силы. Актеры, особенно молодые, замѣчая шакое усиліе и обманываясь имъ, нерѣдко дѣлають шеперь изъ многихъ шрагедій не чшо иное, какъ декламашорскій концершть, а слушатель, привыкшій уже къ сему совершенному искаженію природы, шѣмъ болѣе восхищашеться, чѣмъ болѣе молодой человекъ или какая нибудъ красавица

спарается выхватить из дѣлаго и опдѣлать какое-либо мѣсто, чтобы пошло, со спранными кривляньями, прокричать его партеру, не забывая ни мало о прочихъ, играющихъ въ тоже время актерамъ. Въ слѣдъ за пѣмъ высунуешь другой, кошорый дѣлаешь тоже самое, и такъ продолжается всѣми, до того, что вовсе забывается о пещрѣ и пѣсѣ, а слышишь только выучку крикливыхъ голосовъ, какъ некогда бывало въ школахъ или у начинающихъ учиться декламациѣ.

Долго жаловались въ Германіи, что такъ мало успроено пещровъ, и что имъ не покровительствуютъ. Теперь это есть, и каждый значительный городъ имѣетъ свой собственный пещръ, а иные и по нѣскольку. Но самый избытокъ, въ какой приведены мы теперь, нельзя, можешь быть, называть настоящимъ выигрышемъ. Если не было предумопрѣно, то можно видѣть изъ опыта, что слишкомъ огромныя и великолѣпныя залы, особливо при большемъ освѣщеніи, совершенно уничтожаютъ предшавленіе. Когда не видно людей и лицъ, когда непонятныя переходы въ разговоръ, то игра осмачается незамѣчною и нельзя найти никакого удовольствія. Можешь быть, для оперы выгодны такіе большіе пещры; за

то гдѣ они есть, шамъ рано или поздно, опера выпѣснитъ предшавленіе трагедіи или комедіи.

Для ббольшаго блеска зрѣлища, рисуютъ декорациѣ, кошорыя такъ же выходятъ теперь за соотвѣтственный имъ предѣлъ, ибо изъ нихъ хопяшь дѣлашь опдѣльныя мастерскія произведенія. Пускай бы пользовалась пѣмъ опера, лишь бы другія предшавленія пощажены были. Но чтобы заманишь зрители и какимъ нибудь чувственнымъ возбужденіемъ замѣнишь упраченное достоинство пещра, дѣлають весьма дорогія зрѣлища; лошади — чѣмъ ихъ болѣе, пѣмъ лучше — заглушаютъ говорящихъ; фейерверки производяшь духоту и пугаютъ; необыкновенное освѣщеніе ослабляетъ; канашчики и балеты наполняютъ промежутки, и костюмы всѣхъ спольшій выставляютъ на показъ съ дѣшскою ученостию, чтобы пошло на всѣ манеры подкупить шолпу, и сколько возможно опдалишь ее опъ благороднаго умешвеннаго наслажденія: какъ будто бы не разумѣется само по себѣ, что въ пещральномъ искусствѣ, какъ въ живописи и ваиніи, одежда и костюмъ должны служить пошло пособіемъ высшимъ дѣламъ, и для взыскапельнаго знашока, могутъ быть совершенно неправиль-

ны, лишь были бы приличны и соотвѣш-
ственны искусству.

Новѣйшіе стихотворцы, своими про-
изведеніями, очень много способствуютъ
такой сумятицѣ. Можешь ли, и должна
ли существовать лирическая драма (ес-
ли она не въ видѣ оперы): это предметъ,
неиспощимый для спора. Нѣкошорья пі-
есы Кальдерона приближаются можешь
быть, къ разрѣшенію этой трудной зада-
чи; но ободренные Орлеанскою дѣвою и
Мессинскою невѣстною, Вернеръ, Мюльнеръ,
Грильпарцеръ, Гувальдъ, Раунахъ и другіе,
надавали намъ стихотвореній подъ такими
спранными формами, что о большей части
можно сказать: въ нихъ во все нѣтъ формы.
Самыми гнусными положеніями, такими, въ
которыхъ человекъ униженъ передъ звѣремъ,
желающъ многіе возбуждѣть и поколебать
испомненное чувство, и это въ такое вре-
мя, когда всѣ еще гоняются за идеаломъ
нѣжннсти. Другія подобныя стихотворенія
составлены такъ ученически, какъ будто
при началѣ драматическаго искусства; когда
только еще открыта была *разговорная*
форма. Нѣкошорье сочинители нисколько не
спыядяща устроивающъ свои піесы для деко-
рацій, пустаго шума и бесполезной пышно-
сти; а между тѣмъ съ Французскихъ шап-

ровъ низшаго разбора, переселяются къ намъ
безпрестанно всякаго рода люди, представ-
леніемъ которыхъ, лишь болѣе возмущается
чувство.

А наши новыя комедіи! Долго мучили
насъ эпиграмматическими пьесками одухъ
или прехъ дѣйствующихъ лицахъ, безъ вся-
каго дѣйствія въ сущности. Теперь одинъ
пресловутый авторъ, оная снабжаетъ насъ
представленіями, въ которыхъ мы слушаемъ
самыя площадныя рѣчи и шушки, и при
которыхъ конечно должны снова желать
самыхъ слабѣйшихъ произведеній Коцебу и
Гуфланда.

Короче, трагикъ и актеры, комедіи,
балетъ и декораціи, костюмъ и гнусныя
испорія объ убійствахъ, все въ заговоръ съ
поэтами, шанцовщицами и актрисами, и
все спремилъ только къ возбужденію гру-
бой чувственности, какимъ бы то ни было
образомъ; а искусство, крипика, благонамѣ-
ренная сатира, шушка и насмѣшка не толь-
ко прошивъ того безмолвующъ, но еще
другъ друга перемога въ слабости, оправ-
дывающъ все это безумство своею желчью
или хвалою, стихами или прозою.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо изъ Севастополя.

Юня 18 дня 1827.

Опрышіе развалинь древняго Херсона производихся съ большею дѣятельностью. На сихъ дняхъ мы посѣщили оныя, но къ сожалѣнію не нашли ничего замѣчательнаго. Гробницъ новыхъ покуда еще не открывали. Рабочіе сказали намъ, что они нашли нѣсколько камней съ цифрами, кои однако уже отосланы были къ Г. Крузе, завѣдывающему опрышіемъ.

Ксашши, сказахъ шеперь нѣсколько словъ объ изданіи пушешествія Г. де Гамбы по Южной Россіи, о появленіи котораго извѣщающъ часъ нынѣ наши Журналы. Сочиненіе сіе конечно весьма пріятный для насъ подарокъ. Оно ознакомихъ Французскую, читающую Публику съ нашими опдаленными Южными Провинціями, на кои нынѣ, по случаю войны нашей съ Персією, и такъ обращены взоры публики. Г. де Гамба не принадлежихъ къ числу шѣхъ обыкновенныхъ пушешественниковъ, кои, не имѣя ничего въ виду, кромѣ своего щеславія, мало забо-

пятся о справедливости описываемаго ими. Однако и въ его пушешествіе, которое впрочемъ, имѣхъ въ виду собственно только торговлю, вкрадхъ, судя по нѣкоторымъ опрывкамъ, читаннымъ мною въ Журналахъ, небольшія невѣрности. О Севастополь онъ говорихъ, что небольшая часть домовъ онаго построена изъ развалинь [древняго Херсона, и что въ спѣнахъ домовъ, естъ многіе камни съ надписями. Первое справедливо, если прибавимъ, что при основаніи Севастополя, построено нѣсколько домовъ изъ развалинь Херсона; но послѣднее вовсе ложно. Я нигдѣ не видалъ, и даже не слыхалъ о шаковыхъ камняхъ. Если бы они существовали, то Гг. флоскскіе Офицеры, кои суть почти единственныя владѣльцы здѣшнихъ домовъ, конечно дали бы имъ мѣсто болѣе приличное ихъ достоинству. Г. де Гамба ввроятно видѣлъ въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ домахъ Херсонскіе мраморы съ барельефами, часпи карнизовъ, колонъ и ш. п., и изъ сего заключилъ, что между сими ошашками, должны быхъ и камни съ надписями. Къ сожалѣнію эшого нѣхъ.

Г. де Гамба Французскій Шевалье. Въ 1817 и 1818 годахъ пушешествовалъ онъ въ первый разъ по Россіи. Я его видѣлъ на пуши изъ Аспрахани. Онъ человекъ весьма уже

пожилой, однако сохранилъ еще всю живость характера, какъ и весь его соошечественни- ки. Бесѣда его и поучительна и приятна. Его сопровождали одинъ Марсельскій Негоціантъ, человекъ также весьма старый и ученый, и живописецъ. Я видѣлъ многіе замѣшательные предметы, снятыя послѣднимъ. И теперь еще помню изображеніе Черноморскаго усашаго часоваго на высокой ка- лачѣ, каковыя находящся на военныхъ по- стахъ, занимаемыхъ Черноморскими казака- ми по Кубани, для ошкрытія предпріятій Черкесовъ издали. Въ послѣдствіи, видѣлъ Г. де Гамбу въ Тифлисъ, гдѣ старикъ Негоціантъ и скончался. Мнѣ достались даже съ публичнаго шорга прекрасные зеленые очки послѣдняго. Г. де Гамба былъ тогда Французскимъ Консуломъ въ Грузіи. Сказываютъ, что онъ между прочимъ, выписывалъ и Ти- бешскихъ козь для фабрикъ своего ошече- ства. При немъ находился и сынъ его, ош- ставной Кавалерійскій офицеръ, который скупалъ лошадей для Французскихъ военно- конскихъ заводовъ. Къ намъ нынѣ издано путеше- ствіе по Южноу Россіи, ошцемъ или сы- номъ, мнѣ неизвѣстно.

Тщешно мы разрывали пепель древняго Херсона. Труды наши не увѣщались ника- кою любопытною находкою. На берегу моря

видны еще ошпапки бывшей площини. Они простирающся вдоль берега по прямой ли- нии. Перпендикулярно къ оной простира- ющся въ море шаковые же ошпапки быв- щихъ площинъ. Судя по сему, гавань сего древняго города находилась на Съверо-За- падной споронѣ онаго. Площини складены изъ камня на цементѣ. За набережною на- сыпана земля, смѣшанная съ черепками, спеклышками, кошьями и проч.: слѣдова- тельно она не самага древняго построенія. Не на семь ли мѣшѣ находилась дворець знаменишой Гикіи, коей геройскіе подвиги передалъ намъ Константинъ Порфирородный въ письмахъ своихъ? Мы нашли шамъ мно- жество обгорѣлыхъ камней, окалинъ, уголья. Ничего не недоставало, чтобы предшавишь себѣ и дворець ея, обьяшнй пламенемъ. Кое гдѣ выглядывали изъ обрышаго моремъ бе- рега, ошверснїя водопочныхъ шрубъ. Онѣ проводили върояшно изъ города всю нечи- споту въ море. Обломки разноцвѣшныхъ мраморовъ, камней, кирпичей и черныхъ окалинъ, округленныхъ водою, образовали въ нѣкопорыхъ мѣшахъ на днѣ моря совер- шенный мозаикъ. Искусство, безъ сомнѣнїя, и сіе украшеніе зодчешва заимешвовало ошъ природы! Множество найденныхъ нами шамъ кусочковъ бѣлаго и цвѣшнаго мрамо-

ра, конечно также свидѣтельствующъ о великолѣпнѣи шѣхъ зданій, кои здѣсь нѣкогда гордо возвышались къ небу. Кажется, глядя на срупы нѣкогда славныхъ городовъ и людей, нельзя не чувствовать всей ничтожности славы и величія! На надгробномъ камнѣ безсмертнаго Геросстраха Европы нѣтъ даже надписи! Можешь быть, и ша сажень земли, копорую онъ шеперь занимаешь на маленькой скаль Св. Елены, будешь перерыша! Тщешно мы переворачивали косши умершаго Херсона. Добыча наша на сей разъ ограничивалась одними черепками. Собранныя нами стеклышки, большею частію прекраснаго темноголубаго и зеленоголубаго (аqua marina) цвѣтвъ; рѣдко бѣлаго. На иныхъ видны слѣды бывшей амальгамы. Разсмазривая уже дома кусочикъ разбишаго сосуда, мною найденнаго, замѣшилъ я что-то походящее на Ташарскую надпись. Стекло, изъ котораго состоялъ сосудъ, самое бѣлое, и чистѣй ошѣлки. Почти вся поверхность онаго покрыта снушри и снаружи амальгамою, красками и позолотою. На сужающейся шейкѣ онаго, между двумя красными полосками, на голубомъ полѣ, увидѣлъ я письма. Они начертаны золотомъ, но едва примѣшны. Я принялъ фигуры сіи сначала за Ташарскую надпись,

однако никто изъ здѣшнихъ Ташарскихъ грамотѣевъ, коихъ впрочемъ весьма здѣсь мало, и шѣ даже весьма не грамотны, не нашли въ нихъ ничего пушиаго. Но мнѣ ни какъ не хочется расстаться съ мыслию, что это почно надпись и даже прелюбопытная. Это для глазъ непріятное маранье, не можешь быть обыкновеннымъ шолько украшеніемъ; пошому, что прочія украшенія на семь сосудъ имѣють пріятныя формы. Покуда увѣряю себя, что надпись эша Арабская, а самый сосудъ присланъ изъ Мекки. Если же ученые наши Арабы и съ эшимъ не согласятся, то оспашется мнѣ шолько сказать, что это Египетскіе іероглифы, что сосудъ хранился прежде въ пирамидахъ, украденъ ошшуда Пнеагоромъ и послѣ по наслѣдству достался Героніиъ развалинъ, Гикіи, копорая хранила въ немъ свои благовошія, и спасла его по преданіи своего дворца и съ мужемъ пламени. Я имѣю еще другую досшовѣрную догадку въ запасъ, именно, что эшониъ сосудъ Финикійской работы и, подобно Индѣйской шали Г. Жун, шожъ съ знаменишою надписью, наконецъ, перешедъ огни и воды, принадлежишъ мнѣ.

Найденные нами черепки глиняныхъ сосудовъ, большею частію грубой работы. Лучшіе, покрыты темно-сизою глазуροю.

Мы нашли одинъ только черепокъ весьма важной работы. Онъ покрытъ оранжевою, весьма яркою глазуροю. Минъ хотѣлось бы признашь его за кусочекъ Эрипрусской вазы. Надобно сказать, что крайне затруднительно ходишь по симъ развалинамъ. Онѣ заросли высокою травою и покрыты камнями, кои острыми своими ребрами обращены къ верху. На каждомъ шагу спотыкаешься и находишься въ опасности сломишь ногу и даже шею. Кое-гдѣ проложены пропинки; но искатели не должны ходишь по нимъ, если хочашъ найти что-либо любопытное, или по крайней мѣрѣ ищашся надеждою на такую находку. Монеты находятъ обыкновенно послѣ дождя. Онъ, смывъ съ нихъ пыль, выспавляетъ ихъ наружу. Зимой, покуда еще не выросла трава, поиски также болѣе благопріятны.

Нѣкто, нашедъ въ маскарадѣ мангилью, выфилософовывалъ по ней всѣ физическія и душевныя качества той дамы, которая потеряла оную. Послѣ такого сильнаго примѣра, почему же по камешкамъ и черепкамъ не выведши, въ какомъ состояніи находился прежде Херсонъ? И такъ, судя по развалинамъ его, кои простираются въ длину верстъ на 8, можно побожиться, что онъ былъ весьма обширный, а следовательно,

и многолюдный городъ. О твердости стѣнъ его можно судишь по остаткамъ оныхъ. По направленію развалинъ видно, что улицы были въ немъ широкія, прямыя. Мраморы свидѣтельствуютъ о великолѣпіи зданій онаго; остатки площади о безопасности его гавани, торговлѣ, судоходствѣ, флотахъ, могуществѣ. По черепкамъ видно, что въ позднѣйшія времена уже не было у Херсонцевъ изящныхъ Эрипрусскихъ сосудовъ, какъ въ первыя времена существованія онаго, должно предполагать основываясь на одномъ изящномъ черепкѣ, найденномъ въ насыпи за площадью; и что, следовательно, въ послѣдствіи времени у нихъ водворились, вмѣстѣ съ глиняными горшками, вкусъ грубый и варварскій; и, следовательно, пали искусства и науки, которыми славилась некогда древняя Эллада, хотя впрочемъ и нѣтъ сомнѣнія, что Херсонскіе торгаша никогда не были Афинянами. Что они имѣли неспрѣй вкусъ и были непоспоянны, явствуетъ изъ цѣпныхъ и узорчатыхъ стеклышекъ; а изъ Арабской надписи видно, что и Татаре жили некоторое время въ Херсонѣ. Справедливостъ всѣхъ сихъ математическихъ выводовъ подтверждають и дѣлописцы. Могущество Херсона явствуетъ изъ особеннаго уваженія, которое имѣли къ нему

Римляне и Воспочные Имперашоры. И въ исходѣ прошедшаго тысячелѣтія былъ онъ еще важнымъ городомъ, ибо обратился на себя особенное вниманіе Владиміра. О мужествѣ жителяхъ его и швердосши городскихъ стѣнъ, можете судить пошому, что Владиміръ послѣ продолжительной и безплодной осады города, овладѣлъ имъ только по пресѣченіи воды, въ которой нуждался городъ и получалъ оную издали, судя по ошашкамъ водопроводовъ и водохранилищъ. Лѣтописцы вѣщаютъ, что монахъ, посредшвомъ предательной шпрѣлы, повергъ согражданъ своихъ къ спонамъ Владиміра. Но какъ зла нѣтъ безъ добра, и обратню; по видимъ, что предатель ошечестива дѣлаешся сопричиною озаренія Св. Вѣрою безчсленнаго Русскаго народа. Херсонъ имѣлъ правленіе республиканское, или лучше сказать аристократическое, ибо совершеннаго равенства не было еще ошъ сошворенія міра и у всѣхъ народовъ были всегда касты, кои пользовались исключительными правами; слѣдовательно на площадяхъ его было много шумиль, кривосудовъ, мѣщанъ-полициковъ и прочей республиканской черни и — невольниковъ.

Камни, кои видѣлъ я у Г. Крузе, дѣйшвенительно имѣющъ надписи, но онѣ шакъ

изгладились, что ихъ вовсе нельзя разобрать. Пошера сія кажешся не важна; пошому, что камни сіи не мраморные, но простыя извешковые и мягкаго свойства, шакже обдѣланы весьма грубо, и безъ сомнѣнія принадлежашъ къ временамъ самымъ послѣднимъ существованія Херсона. Кажешся даже, что на одномъ камнѣ, судя по сохранившимся литерамъ *Θ. Δ.*, надпись Русская. На другомъ камнѣ начертаны многіе круги, какъ бы означающіе солнечную систему; на другихъ цифры, кресты и другіе шамшвенные знаки. — Вчера вечеромъ принесли мнѣ надпись съ камня, погда только найденнаго. Мѣстами, кажешся, употреблены шипла. Найденныя монеты, хранящіяся, какъ и все прочее, у Г. Круза, еще не очищены, кромѣ одной. Что онъ всѣ мѣдныя, я уже имѣлъ честь васъ увѣдомить. На очищенной монетѣ изображены, съ одной шпороны: Свяшый, судя по сіянію, окружающему главу его, и литера *Н*; на другой шпоронѣ: двое Свяшыхъ, шожъ съ сіянiami, и сверху, по краямъ монеты, надпись, которую однако не могли разобрать.

28 Мая, у насъ въ Севасшополь была ужаснѣйшая гроза. Молнія ударила въ шрубку одной машросской казармы, убила музыканша, кошорый сидѣлъ воздѣ печи и чи-

спили мѣдную трубу свою, и оглушила дру-
гаго. Три удара, судя по ихъ чрезвычайной
силѣ, разразились надъ самымъ городомъ,
однако не причинили, кромѣ вышесказанна-
го, никакого вреда. Сказываютъ, что это
первый случай, что человекъ убитъ здѣсь
грозою; кромѣ однако несчастія, постигша-
го городъ въ 1820 при проходѣ чрезъ него
шифона, который на пуши своемъ причи-
нилъ ужаснѣйшее разрушеніе. 8 числа сего
Іюня небо разгнѣвалось опять на Севасто-
поль. Около обѣда показались на горизон-
тѣ, съ сѣверо-востока, многія черныя пу-
чи. Внѣрь былъ маденькій; но атмосфера
была насыщена влѣкпричесствомъ; еще на-
канушъ упалъ значительно барометръ; мор-
скія вѣщицы разсылали воздухъ съ безнокис-
лородомъ; все предвѣщало грозу, грозу силь-
ную; но природа еще безмолвствовала, какъ
бы готовясь къ сильному передому. Вдругъ
поднялся ужаснѣйшій вихрь; опъ пыли и
черныхъ шучъ совсѣмъ пошемельо. Дождь
не падалъ, но лился съ неба и послѣдовало
нѣсколько слабыхъ ударовъ грома. Судя по
шакому ужасному началу, я ожидалъ новаго
шифона и опустошенія; но вдругъ все ис-
чезло и наступила самая прекраснѣйшая
погода. Сильныя бури, какъ сильныя стра-
ши, только порывисты, но не продолжи-

тельны. Прекрасная погода послѣ ужасной
бури, предстала какъ непорочная дѣва. По-
упру съ 10 на 11 число была у насъ не-
большая гроза, но въ то же время постиг-
ло Бакчисарай, находящійся въ 32 верстахъ
опъ насъ, ужаснѣйшее опустошеніе. Дождь,
сопровождаемый сильными ударами грома,
лилъ нѣсколько часовъ съ неба. Рѣчка, из-
вивающаяся по срединѣ узкаго ущелья, въ
коемъ лежишь городъ, вдругъ высушила
изъ своихъ береговъ. Съ окружающихъ вы-
сотъ спремилась почти столь же быст-
рые пошоки, кои увлекали камни и разру-
шали все на пуши встрѣчавшееся. Много
уплыхъ Ташарскихъ домиковъ разрушено и
снесено. Огороды и сады всѣ попорчены.
17 возовъ съ клажею, но безъ воловъ, уне-
сло; также шрое мадольшнихъ дѣшей. Бо-
лѣ всего поперѣли кожевенные заводы,
коихъ весьма много въ городъ. Безчислен-
ное множество сафьяновъ и машинъ унесло
водою. Всѣ потери еще не исчислены (*).
Поплачу на гробницѣ несчастной соперни-

(*) Не знаю, извѣстно ли вамъ, что Ханскій дво-
рецъ, пришедшій нѣсколько въ вѣхость, исправ-
ляется по волѣ покойнаго Императора, однако,
такимъ образомъ, что все сохраняется въ прежнемъ
видѣ.

цы Заремы и послушаю журчаніе фонтана, когда буду въ Бакчисараѣ.

Когда природа безмолвствуетъ, смотрю на огромнаго и сѣдоглаваго своего сосѣда Чашырдага. Сколь часто былъ онъ нѣмымъ свидѣтелемъ ужасовъ природы! Сколько различныхъ народовъ, даже историческихъ, суетились у подножія его, рвали другъ друга, и исчезли въ безднѣ времянь, какъ искра въ воздухъ! Самые слѣды разрушенія исчезли вмѣстѣ съ именемъ ихъ! Сколько пролило крови человѣческой на цвѣтущихъ его окрестностяхъ! сколько учинено злодѣній! Но здѣсь соспизались въ дружбѣ и Пиладъ и Орестъ. Однако ни что не нарушило глубокаго его покоя! Гордо взираешь онъ на суету, злодѣнія и добродѣтели смертныхъ! Все около его многокрашно измѣнилось, онъ одинъ остался все пошъ же самый, чѣмъ былъ и прежде! Великаны природы, подобно великимъ смертнымъ, не обуреваются спраснями большой массы. Они спокойно встрѣчаютъ удары рока, а если иногда и низвергаются, то и въ самомъ своемъ паденіи велики.

Изъ міра идеальнаго спустимся нечувствительно, какъ и всегда съ нами смертными бываешь, въ міръ физическій, ближайшій слабому нашему естеству. Отъ чего,

спросилъ я себя, на Чашырдагѣ и высокихъ горахъ вообще лежишь снѣгъ и воздухъ холоденъ, и отъ чего, по мѣрѣ ошдаленія отъ поверхности земли, воздухъ спановится вообще суровѣе, какъ воздухоплаватели утверждаютъ? Отъ шого, ошвѣчаютъ Физики, что лучи солнечные не опражаются намъ уже споль сильно, какъ на шаровидной поверхности земли. Въ справедливости сего я всегда сомнѣвался, хоши и не имѣлъ въ виду лучшаго объясненія. Но вдругъ пришла мнѣ слѣдующая мысль: земля ошдѣляется отъ солнца атмосферою; лучи, исходящіе изъ солнца, принявъ ее впрочемъ за что угодно, передомяются на куши своемъ чрезъ атмосферу къ землѣ; лучи солнца, по мѣрѣ приближенія къ поверхности земли, гдѣ густоша атмосферы постепенно увеличивается, сближаются все болѣе и болѣе, и именно, сполько, сколько природа за нужное нашла для прозябенія шѣль всѣхъ прехъ царствъ своихъ; и отъ шого-то на предметахъ, превышающихъ значительно шаровидную поверхность земли, гдѣ лучи сн еще не сблизились надлежащимъ образомъ, воздухъ суровѣе. Словомъ, атмосфера зажигательное стекло, коего фокусъ поверхность земли. Предоспавляю людямъ, кои далѣе меня видяшъ въ области естественныхъ наукъ,

рѣшишь: на кашопрікъ ли, или на діопри-
къ основано сіе свойство атмосферы.

Изъ Евпаторіи пишушь, что шамъ на
берегу моря пославлено уже нѣсколько па-
лашокъ для посѣщителей, кои льшомъ бе-
рушь шамъ морскія ванны. Плоскій песча-
ный берегъ весьма благопріятенъ шамъ
купанью. Въ Севастополю почши нѣтъ мѣ-
ста на берегу моря, гдѣ бы можно было
купаться. Берега обрывисты, дно неровное,
каменистое, заросшее густою травою, въ
копорой бываюшь кошы морскіе, кои на-
носятъ весьма опасныя раны людемъ. При-
ходящіе на Турецкихъ судахъ въ Евпато-
рійскій карантинъ, мореходцы, съ щесла-
віемъ выказываюшь успѣхи свои въ Евро-
пейской шакшикъ. Сказываюшь, что они
весьма порядочно выправлены.

Пріѣхавшіе изъ Симферополя сказыва-
юшь, что шамъ продолжается опрытіе
древностей подъ наблюдениемъ ученаго Г.
Бларемберга, копорый, какъ извѣстно, на-
значенъ опъ покойнаго Императора, Нача-
льникомъ Одесскаго и Керченскаго Музеевъ.
Онъ довольно часно радуешь опечествленную
публику своими учеными резульшатами. Его
неупомимыми трудами, древняя Исторія
Южной, классической Россіи, все болѣе и
болѣе раскрывается. Всю ее, особенно же

Таврію, можно назвашь обширными развали-
нами древней Греческой Америки. Ольвіо-
поль, Одесса, Симферополь, Севастополь,
Судакъ, Феодосія, Керчь, Еникале, Фанаго-
рія составляютъ длинный рядъ Греческихъ
колоній. Многое уже извлечено изъ земли,
но еще несравненно болѣе оспалось сокры-
тымъ и ожидаешь руки ученой. Я уже
имѣлъ честь уведомить васъ о найденныхъ
недавно въ Симферополь развалинахъ и мо-
непахъ. Но Г. Лангъ бросилъ первый фило-
софическій взглядъ на сей погребенный вре-
менемъ городъ. Онъ сообщилъ мысли свои
Губернатору, Г. Нарышкину, а сей опнесся
къ Г. Бларембергу. Кромъ монешъ, нашли
шамъ слѣды весьма обширныхъ развалинъ, и
между прочимъ, плиту съ изображеніемъ
всадника, по копорому, не знаю почему, за-
ключаютъ, что эпо развалины Генуэзскаго
города, или что сіи войны-купцы жили
шамъ; по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время.
Вскоръ прибылъ и Г. Бларембергъ и опрытіе
началось методически. Сказываюшь, что
уже опрыта какая-то колоссальная спа-
нуя и съ пьедесталомъ. Покуда о семь но-
вомъ безыменномъ Геркуланъ выйдешъ уче-
ное изслѣдованіе Г. Бларемберга, сообщаю
вамъ шо, что пеперь о немъ рассказыва-
юшь; не ручаюсь впрочемъ за истину, ибо

знаю все только по наслышкѣ. Весьма трудно изъ множеству слуховъ, одинъ другому прошиворъчащихъ, сослѣдствовать и что правдоподобное. Одни говорятъ, что какой-то Татаринъ, ломая камень на горѣ, за господиномъ, нашелъ развалины, и 140 серебряныхъ монетъ, довольно древнихъ, ибо онымъ болѣе 1000 лѣтъ, и что продалъ ихъ одному члену Библейскаго Общества, извѣстнаго паша подѣ широмъ Султанна. Другіе увеличиваютъ древность монетъ до 2 и 3 тысячъ лѣтъ, или оспорируютъ у нихъ и 1000 лѣтъ, а развалины помѣщаютъ за загороднымъ домомъ Губернатора, ш. е. отсюда по ту сторону Салгира. Въ первомъ случаѣ, можно ихъ признавать за пропавшій безъ вѣсти городъ Гаргазъ, въ послѣднемъ же случаѣ, онъ осмѣются покуда безъ наименованія. Какъ бы то ни было, но сказки мои приносятъ по крайней мѣрѣ ту пользу, что возбуждаютъ читающую публику къ шой развязкѣ, которую дастъ намъ Г. Блаженбергъ. Т. е., я пишу драму безъ послѣдняго дѣйствія, столь труднаго для всѣхъ писателей. Да и что монетъ бытъ легче, какъ перелупавъ дѣло елико возможно, представивъ другимъ ломать голову свою надъ трудною развязкою. Это духъ нашего нематематическаго вѣка. Мы живемъ нынѣ

на скоро; желаемъ знать лучше что нибудь, да поскорѣе, нежели ничего; отъ сего въ головы нашихъ свѣтскихъ людей и собрано несравненно болѣе многообразныхъ знаний, нежели было ихъ въ библиотекѣ велемудраго Аришомеля.

X. III.

III;

К Р И Т И К А

Отвѣтъ Г. Толмачеву на второй подарокъ Критику за статью, помѣщенную въ 6 № Журнала: Сынъ Отечества, 1827 года, на книгу: Военное Красноуръчье.

Во вѣпоромъ вашемъ письмѣ ко мнѣ, Г. Сочинитель Подарковъ, вы не соизволили, какъ и въ первомъ, употребить шонъ болѣе умѣренный: по вашему ошзыву, и обществу, посѣщаемы мною, худы, и самъ я слѣпъ, ничего не вижу, безъ вкуса, безъ головы. А сколько анекдотовъ, для показанія моихъ несовершенствъ! На шакіе ваши ошзывы, и даль слово хранишь молчаніе и пропускаю ихъ безъ вниманія. Но вы указываете на многія главы *Военнаго Красноуръчья* и смѣ-

ло утверждаете, что их содержаніе естѣ новость, вамъ однимъ принадлежащая, которой, отъ *Аристотеля* до *Талызина*, никто не сообщалъ въ Рижорикахъ учащимся. Оставивъ безъ вниманія шакія заслуги, было бы несправедливо; многіе, при моемъ молчаніи, положили на ваши слова и не имѣя досугу повѣришь *Подарки ваши съ моими замѣчаніями*, а сіи послѣднія съ *Военнымъ Краснорычьемъ*, дѣйствительно почли бы меня зависникомъ, отрицающимъ у генія славу за его откровенія; и потому принужденнымъ нахожусь отвѣчать и на *второй* вашъ *Подарокъ*.

Вы начинаете письмо увѣреніемъ о томъ, что *долго томили голову свою разными догадками*, почему замѣчанія мои (мои *отрадные вопли*, по вашему выраженію), не были напечатаны вполне въ 5 Но Ж. С. Опечесства. Припворство! будто вамъ не извѣстно, что въ Журналахъ продолжительныя спашья раздѣляются на нѣсколько номеровъ? Г. Издашель С. Опечесства засвидѣтельствуетъ вамъ, что замѣчанія мои, за годъ до напечатанія, были сообщены ему въ цѣлости, и что онъ, а не я, раздѣлил ихъ на двое.

Но вы объ этомъ помеленіи головы, со всѣмъ небываюмъ, изволили распроспра-

спраниться рѣчію для того только, чтобы сказать: „по проченіи шестаго номера Журнала: Сынь Опечесства, я увидѣлъ, что продолжать Кришику воспреняшествовало вамъ собраніе.“ (Спр. 4 вшор. Подарка). И здѣсь по (спр. 5, 6 и 7) вы цѣните моихъ собесѣдниковъ, глаумясь на ихъ и мой счетъ способами, извѣстными чинашелямъ по первому Подарку и предостерегая меня отъ худой бесѣды. Напрасный съ вашей спороны шрудъ: собесѣдники мои, одобреніе названія книги вашей — *Военное Краснорычье*, смѣло увѣряю васъ, М. Г. — суть люди свѣдущіе и въ Краснорычьи и во многихъ Наукахъ; я увѣренъ даже, что всякой изъ нихъ многимъ превосходитъ Французовъ, сошнавлявшихъ собраніе, которому взбрело на мысль безъ нужды выдумать новую науку, безъ нужды вами приняшую, какъ нѣчто драгоценное. Изъ того, что къмъ либо сказана шушка на счетъ дѣла спраннаго, нельзя еще заключать, что онъ худъ и ничего не знаетъ. Но у васъ свод Логика: я не угодилъ вамъ замѣчаніями; а вы изъ того вывели, что я посѣщаю худыя общесства!

Спр. 5. вшор. Под. Подражаетъ Рускимъ сказочникамъ, въ силу вашего совѣша, со всѣмъ не годилось бы, по шой причинѣ, что слово *одинъ*, въ значеніи слова *нѣкто*

рый, нынѣ вообще всеми употребляется; и ваша придирка къ словамъ моимъ — *въ одномъ собраніи* — кажется, сдѣлана вами опъ нечего сказать.

Спр. 7. вш. Под. Училишестей въ моихъ замѣчаніяхъ, (спр. 171 и 172, 6 Но С. О.), на кошорыя вы жалуешесь, вовсе нѣтъ. Выспавляшь все ваши погрѣшности въ Военномъ Красноръчїи я не брался: для сего надлежало бы написашь многіе томы; но кто бы спалъ ихъ чинашь? Для разбора книги довольно, ежели доказаны совершенства или недоспашки плана и связи цѣлаго шворенія и нѣкошорыхъ болѣе существенныхъ мѣстъ его; а это исполнено мною, опношительно къ Военному Красноръчїю. Не моя вина, что въ книгѣ нашлось мало достойнаго одобренія. Сказавъ, что въ нашемъ сочиненіи, новомъ по заглавію, содержишься *все старое, все общее* другимъ Ришорикамъ, я сказала правду и докажу ее, по вашему желанію.

Спр. 8, 9, 10 и 11 вш. Под. Доводы ваши, кошорыми и здѣсь утверждаете существованіе Военнаго Красноръчїя, ни мало не убѣждаютъ. Изъ того, что Красноръчїе Церковное, Гражданское, Судебное и пр. сушь въшви общей Словесности, не слѣдуетъ, что для нихъ нужны особья на-

уки. Напрошивъ это самое, что въшви сіи опъ одного дерева, опъ одного начала происходящъ, доказываетъ ненужность для нихъ особой науки. Опдѣльная въшвь существовать не можеть; спѣшите снова привишь ее къ дереву, пока жива. Въ опвѣнїи моемъ на первый Подарокъ я замѣнилъ уже, что для показанія особенностей того или другаго вида Красноръчїи не нужно соспавляшь опдѣльныя системы, довольно нѣсколькихъ словъ. Вы сердитесь на раздѣленія (спр. 17 вш. Под.), когда они всеми приняты, и когда необходимость ихъ явшвуешь изъ самой сущности дѣла; а гдѣ не надобно, шамъ наспошите, что они нужны, ссылаясь въ разсужденіи надобности В. Красноръчїя только на два, и что не совсѣмъ удавшіеся опына.

Особенный характеръ Ораторовъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ (спр. 8 вш. Под.), *особенное свойство предметовъ*, соспавляющихъ содержаніе рѣчей, и *особенная цѣль*, для кошорой пишущся или произносятся рѣчи, не могутъ бышь подвежены подъ правила: сихъ особенностей весьма много, и всехъ ихъ предусмопрѣшь невозможно. Нужно, чтобы общія правила были вразумительны, полны и основательны:

примѣненіе ихъ къ особеннымъ случаямъ сочинитель самъ легко сдѣлаетъ. Прошиво-положеніе характеровъ Проповѣдника и Полководца, вами приводимая (на шой же стр. вш. Под.), можешь быть и на оборотъ, но еси: Служитель Вѣры можешь говорить *воспламененно*, даже грозно, какъ бы съ ожесточеніемъ, вопія прошивъ гибельныхъ пороковъ и *побуждая къ пораженію* сихъ *враговъ* нашего совершенства. Въ оправданіе сказаннаго мною, служаи нѣкоштра слова *Святаго Іоанна Златоуста, Святаго Амвросія Медиоланскаго, Массиліона, Гедеоиа* и многихъ другихъ знаменитыхъ провозвѣшниковъ Слова Божія. Вождь не рѣдко ославляешь свой суровый характеръ, упошребляешь слово ласковое, привѣшливое, *умиленное*; напр. увѣщая своихъ воиновъ щадить врага побѣжденнаго, онъ не имѣешь надобности выходить изъ себя; крошосши учаешь съ крошосшію. Поставъ сего, позволеше не ошвѣчаешь на свидѣтельсшва, взяшши вами изъ вишневашыхъ, но необдуманыхъ доводовъ общешва ученыхъ вашихъ Французовъ (стр. 9 и 10 Вш. Под.). — Бѣдный Ж. Ж. Руссо! и шебъ за меня погонка! — Очень видно, Г. Сочинитель Подарковъ, что вы много читали и все, что можно сказать къ оскорбленію

другаго, твердо берегаеше въ памяти, дабы внести это въ рѣчь свою, хотя бы и не кешали.

Спр. 11 и до 15 Вш. Под. — Въ прошивносшь усилиямъ вашимъ просвѣшшишь меня въ сльпошъ, кошорую вамъ угодно приписывашь мнѣ, и кошорая, какъ вы убѣждены, прешапшвуешъ мнѣ видѣшь *исвое* въ В. Краснорѣчій, — я все еще не вижу въ немъ ничего, кромѣ *стараго*, *общаго* другимъ Риторикамъ, шолько несчастно перешапаго.

Ваша первая новосшь — *теорія* (стр. 12) *сложныхъ періодовъ, необходимая для логической правильности сочиненій*, съ *Аристотеля до Талызина*, преподаешя всякимъ знающимъ свое дѣло наславникомъ, и находишь во многихъ книгахъ. Вашъ шрудъ показался вамъ новымъ пошому, что вы, смѣшавъ нѣсколько наукъ въ одну, такъ называемую вами, сешсему, перевели чешвероаякую связь мыслей, на кошорой основали происхожденіе періодовъ, изъ Логики въ Риторикю. Сопшорилъ ли ефрейшоръ новаго солдаша, переведя его безъ нужды съ одного пришина на другой? — Эшого я не вижу.

Вшорая новосшь (шаже стр. Вш. Под.) — *теорія происхождения троповъ*, — ежели нѣсколько словъ (см. Гл. II В. Кр.) мо-

жно почшишь симъ именемъ, — также не ваше изобрѣненіе; не ходя вдалъ, вы найдете ее въ Крашкой Рипорикъ, изданной Г. Мерзляковымъ, или, въ Рипорикъ Эшенбургга, кошорый писалъ прежде появленія въ свѣтъ *Правиль Словесности* и В. Красноръчія, а по сему не могъ заимствовать ошь васъ ни одного слова.

Третья новость (спр. 13 Вп. Под.) — *теорія Лада* (rhythmus) была въ Словесности также до васъ, какъ вы и сами пишете; слѣдовательно не ешь новость, а старое. Во всѣхъ Рипорикахъ пишутъ о *плавности слога*, ошь кошорой вашъ *ладъ* ничъмъ не отличаетсѣ, развъ — качествомъ. Вы починаете новостію то, что основали вашъ *ладъ на законъ соразмѣрности*; но у кого ешь *ладъ безъ соразмѣрности*? — И пакъ, и сія ваша теорія — *старое*. Между многими Писателями, *Герардъ I. Воссій* объясняетъ *ладъ* въ Рипорикъ своей (*), изданной, въ шретій разъ, въ 1640 году. Въ слѣпощь моей, мнѣ кажется, что вашъ *ладъ* походитъ на его rhythmus или numerus, съ

(*) См. его Rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinti, Capita I, II et III, — editio tertia recognita et avcta — Lugd. Batav. MDCLXL, ex officina Joannis Mairei.

разносію въ порядкъ изложенія, равно и того, что у него объ эпомъ при главы подъ разными наименованіями, и что онь указываетъ, въ какой часпи періода лучше ставишь стопы: Хорей, Ямбъ, Сpondeй, Пиррихій, Пеаны, Даксимъ, Молосъ и пр. Позвольте при семъ замъшишь, что не *соразмѣрность* ешь *явленіе гармоніи*, а что *гармонія* происходитъ ошь *соразмѣрности*.

Четвертую (спр. 13 Вп. Под.) и пятую (спр. 14) изъ вашихъ новостей — *начало раздѣленія прозаическихъ сочиненій и размыщеніе всѣхъ военныхъ сочиненій въ систематическій порядокъ*, — я не опустилъ изъ виду, и объ нихъ было уже довольно разсужденій.

Не укоряйте меня, М. Г., что я не видаль шестой вашей новости (спр. 15) — *теоріи слога*, также довольно старой, но искаженной вами. Въ замъчаніяхъ моихъ, (спр. 170, 6 No С. О.) мною сказано: „разборъ послѣднихъ главъ: *общихъ началъ Словесности*, (составляющихъ первую часпъ В. Красноръчія) предшавилъ бы многія важныя погрѣшности; но онь такого свойства, что сами бросяшсѣ въ глаза читателя.“ — Въ эпомъ числѣ я разумѣль и шестую вашу новость. Ея достоинство дѣйствительно

но всякій можешь оцѣнить; ибо легко усмотришь, какую пользу принесешь, напримеръ, выводимые вами изъ разныхъ началъ и здѣсь (Часть I В. Кр. стр. 133, 134, 135 и 186) *поименованные* — *семьдесятъ два слога*, къ числу которыхъ присовокупляете вы еще неизвѣстное количество *ненаименованныхъ* слоговъ, *сказать*, при исчисленіи названныхъ, *двѣнадцать разъ* слово: *и проч.!!* — Ни одинъ изъ сихъ слоговъ не опредѣленъ; къ чему же они годятся? Объ этой новостіи мнѣ не разсудилось и упоминашь.

Ваши предположенія (стр. 14 Вп. Под.) о происхожденіи часней рѣчи (Гл. III В. Кр. Ч. I), я также видѣлъ и осмѣлился въ замѣчаніяхъ моихъ назвать ихъ неумѣстными, каковы они суть дѣйствительно; ибо помѣщены въ Рипорикъ, между шѣмъ, какъ имъ должно бытъ въ общей Грамматикѣ. Они не новы; вы заимствовали ихъ отъ другаго. Новаго въ нихъ по одно, что вы не къшаши вводите въ нихъ три предположенія ваши, относящіяся къ часной Россійской Грамматикѣ: новость недостойная похвалы! Начавъ говорить вообще, какъ младенецъ (стр. 10 и слѣд. I Части В. Кр.) вводите въ языкъ свой сперва междометія, попомъ имена существительныя, за шѣмъ

имена принадлежностей, подъ которыми разумѣете вы и прилагательныя и глаголы, сказавши — какъ человекъ (взрослой, или младенецъ?) соспавляетъ прилагательныя, глаголы, союзы и предлоги, вы переходите къ составленію причастій и нарѣчій, и здѣсь смѣшиваете съ общими сужденіями особености происхожденія причастій и нарѣчій, количества и времени въ Россійскомъ языкѣ. — Общія предположенія ваши ни мало не согласуются ни съ опытомъ, ни съ разумомъ. Во-первыхъ, младенецъ учится произносить слова не въ помъ порядкѣ, кошорый вы представляете, а въ какомъ позволяете ему сдѣлать се его органъ слова. Части сего органа не у всѣхъ дѣтей одинаково развиваются и станываются способными къ произношенію звуковъ: но у одного прежде укрѣпились ушна, и онъ прежде, безъ всякаго впрочемъ познанія, произноситъ существительное — *мама*, или *папа* буквы губныя; другой ранѣе, онъ рано прорывающихся зубовъ, крѣпко сжимаетъ десны и упиралъ въ нихъ языкомъ; и попомо прежде выучился произносить слова изъ буквъ свиспящихъ, напр. *сиси*, равносильное глаголу — *пить*, и шакъ даѣе. Во вторыхъ, это много зависитъ отъ наснавленія окружающихъ ребенка, кошорое про-

изводился, извѣстно, безъ всякой системы. И вы дѣла случая, дѣла развитія органовъ, различно бывающаго, дѣла слѣпаго необдуманнаго наспаиванія нянущей, хотите повѣсипи подь общіе законы? Напрасный и вовсе бесполезный трудъ, особенно въ Рипорикѣ.

Предположенія ваши о происхожденіи Русскихъ причастій и пр. довольно правдоподобны (*); но, какъ сказано выше, не у мѣсна. Пустьъ будетъ все шамъ, гдѣ ему

(*) Нельзя сказать сего о вашихъ вѣроятностяхъ, помѣщенныхъ на стр. 9, I Части В. Краспорѣчія. — 1) Изъ словъ, оканчивающихся на *тель*, есть много именъ женскаго рода, напр. *добродѣтель*, *обитель*, *мятель*, *постель* и проч.; слѣдовательно слова, имѣющія сіе окончаніе не всегда означаютъ лица мужскаго пола, что у васъ сказано утвердительно и безъ ограниченія. — 2) Слова на *ость* не всѣ показываютъ *внутреннее существо каество*; весьма многія изъ нихъ означаютъ *наружное случайное каество*; напр. *жесткость*, *шероховатость*, *гладкость*, *ровность*, *влажность* и проч. Многія существительныя, означающія предметъ, также кончашся на *ость*, напр. *гость*, *трость*, *кость*, *жимокость* и проч. Бога ради не прибѣгайте къ производству сихъ словъ оупъ Греческаго и Латинскаго; я смѣрю только на означаемыя ими понятія. Если присовокупите къ тому кончашся на *ость*, то ихъ наберется и множество къ опроверженію вашей вѣ-

должно бытъ; почто распушанное другими снова запушывашь.

Спр. 15 Вш. Под. — Главы VIII и XXIII В. Краспорѣчія также не содержатъ ничего особеннаго, новаго: все, предлагаемое вами въ нихъ, говорится и въ другихъ Рипорикахъ, хотя не съ шакою распянутоштію, можешъ бытъ, безъ раздѣленія подобнаго вашему. Не смонрише на эпошъ разъ только въ Рипорикѣ Талызина, которая писана для верхнихъ классовъ, гдѣ спашны о *періодахъ*, *устройствѣ ихъ* и *хріяхъ*, бывъ пройдены въ нисшихъ классахъ, уже не преподаюся.

Глава XIII В. Краспорѣчія ни сколько не нова по содержанію: ибо разсужденія о фигурахъ *ума*, или *разсудка*, о фигурахъ *воображенія*, или *фантазіи* и *страстей*, — разсужденія, составляющія предметъ вашихъ XIII, XIV и XV Главъ, между прочими, находящся у Эшенбурга. Что вы ошлично оупъ другихъ Писателей излагаете мысли одинаковыя съ ихъ мыслями, — эшо не но-

роятности; и шакъ помедлитъ бы помѣщеніемъ ея въ Учебной книгѣ.

О вѣроятности происхожденія словъ на *тель*, *еніе*, *ость* и *ство* не берусь здѣсь ничего рѣшить; эшо слишкомъ далеко увлекло бы насъ.

восьмь. Профессоръ скажешь что нибудь; ученикъ, переписавъ, повторишь сказанное; неужели пошому называешь его шворцемъ новаго? У всякаго въ сообщеніи мыслей своя воля; а при *самонадьянности* (ваши слова изъ 1 Подарка), *подстрекающей самолюбіе* Сочинителя, кромѣ своей воли, онъ не знаетъ инаго закона.

Такъ, М. Г. на страницѣ 15 Вшораго Подарка, вы распространяетесь рѣчью о моей слѣпости; а сами не видите закона, шоль часто вами же самими предлагаемаго мнѣ, — что чужихъ мыслей искажашь и даже перемѣняшь не должно. Въ замѣчаніяхъ моихъ написано: „формы дѣловыхъ бумагъ можно найши во всѣхъ Письмовникахъ“ — (смолш. 176 стр. 6 Но С. О.); вы увѣряете, что я говорю, будто *ваши примѣчанія о сношеніяхъ военныхъ и ихъ формахъ* можно найши во всѣхъ Письмовникахъ! И шакъ, позволше мнѣ вѣришь болѣе моему собственному зрѣнію, нежели вашему. Позволше замѣшишь, что прорицаній я не дѣлалъ; а пошому на *Кассандру* (стр. 16) шочно шакже, какъ и на рѣзвую *Аглаю* (Под. перв.) ни волосомъ, не шолько мыслями не похожъ. Вы, напрошивъ, предрекали мнѣ жалкую неизвѣстность. Но я не спрашусь ея,

лишь бы не умереть бесполезнымъ шрушнемъ.

Спр. 16 Вш. Под. — Обращаясь къ началу моихъ замѣчаній въ 6 номерѣ С. О. и послѣ выходки прошивъ Сѣверной Пчелы, вы еще разъ своевольно шолкуете слова мои. Я говорю (спр. 156, 6 Но С. О.), что ясное понятіе, не представляя (или не держа въ себѣ) отличительныхъ знаковъ предмета, сосшавляетъ самую ишшую степень въ познаніи и что пошому, оставаясь при ономъ, не можно съ шочноштію изображашь мысли и чувствованія, кошорыми при семъ понятіи бываемъ еще скудны. Вы же шшверждаете, что мнѣ не нравяшся ясныя понятія о предметахъ; укоряете меня своеиравіемъ вкуса и шѣмъ, что мнѣ не нравяшся шакже *ясное солнце*, *ясное небо* и прочіе *ясныя* предметы. Сказавъ далѣе, что вся природа радуется *швѣтлости* и *ясности*, выключая нѣкошорыхъ живошныхъ, любящихъ мракъ ночи, вы рассказываете анекдотъ изъ Квинциліана объ одномъ насшавникѣ, приводя Греческое выраженіе сего насшавника — *σκότιστον, σκότιστον!*

Ошъ всего сердца желаю вамъ заслужашь за сей удачный оборотъ одобреніе ошъ всякаго умнаго и прозорливаго человѣка!

На 17 страницъ второго Подарка, вы еще разъ искажаете мои слова; и основавшись на семь, утверждаете, что накоплениемъ многихъ *раздроблений* пошемняютъ описываемый предметъ. Объ этомъ накопленіи въ моихъ замѣчаніяхъ нѣтъ ни слова. Тамъ сказано: „богашество мыслей соспоишь въ обильномъ, раздѣльномъ и *подробномъ* (не *дробномъ*, какъ вы говорите) *синтетическомъ* представленіи знаковъ предмета;“ и далѣе „не представляя доспащочнаго, по цѣли, числа оплщительныхъ знаковъ предмета, не можемъ исполняться къ нему или прошивъ него должныхъ чувствованій“ (см. 6 Но. С. О. стр. 156). Гдѣ же рѣчь о раздробленіяхъ, охуждаемыхъ Блеромъ? Съ вашей стороны *поддѣлка!*

Не защитивъ опредѣленій вашихъ (стр. 22 и 23 I Ч. В. Кр.) словамъ *древнимъ, новымъ, обыкновеннымъ* и *повсемѣстнымъ*, вы совѣщуете мнѣ и Талызину, раздѣляя, по вашему обычаю, мое лице на два, выбросить изъ моей Риторики спашью о Категоріяхъ. Ее тамъ и нѣтъ. Вамъ замѣчено мною о Категоріяхъ; пошому, что вы въ своемъ В. Краснорѣчїи, помѣстили предметъ Логики, разсмотрѣніе поняшій, предложеній, сужденій и умшвованій, которыя

обыкновенно, для вѣрнаго разсмотрѣнія подвдятся подъ Категорїи.

Не знаю, М. Г. — пошь ли, кто самъ, и согласно съ новѣйшими великими мужами, рассуждаетъ, похожъ болѣе на слѣпорожденнаго, вами упоминаемаго (стр. 18 и 19 вш. Под.), или пошь, кто обращается къ писателямъ древнимъ, и безъ разбору вѣришь всему ими написанному, если полько не по наслышкѣ знаете ихъ. Опъ Аристотеля до нашихъ дней протекло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; въ продолженіе сего времени, Философія, испытавъ многія перемѣны, наконецъ въ наши дни сдѣлала очень замѣшный шагъ впередъ. Честъ и слава изобрѣшателей никогда не померкають; но принимають ихъ изобрѣшенія въ пошь видъ, въ какомъ они вышли изъ ихъ рукъ и опшвергаютъ усовершенствованія, сдѣланныя гѣніями времени позднѣйшихъ, едва ли не значить что-то непросшительнѣйшее *видѣнія слона за клыкъ*, которое вы шакъ опспроумно приводите. Сверхъ того, я думаю, что не чиная позднѣйшихъ Философовъ, едва ли можно понять надлежаще Аристотеля. Напрасно вы ссылаетесь на него.

Стр. 20 и 21 вш. Под. Опредѣленія предметовъ опъ имени ихъ всегда бывають недоспащочны, часшо ведутъ и къ недѣпо-

спямъ; надежныя исчислять въ нихъ ошачисельные существенныя знаки опредѣляемаго; это сказано мною и въ замѣчаніяхъ. Оправдывая опредѣленія ваши *птицы* и *пресмыкающагося* производствомъ словъ *птица* отъ Греческаго *πετ-ισου* и *πετασμου*, а *пресмыкающагося* отъ *сомыкаюсь* и проч., вы смѣшались знающихъ *Логикю*; ибо имъ извѣстно, что понятія, означаемыя сими словами, должны быть опредѣляемы не часпно для одного народа, а для всѣхъ; *Логика* и *Риторика* суть науки общія по предметамъ ихъ и по отношенію ихъ къ лицамъ. По вашему, *avis, l'oiseau, der Vogel* и проч. не будутъ значить того же, что и *птица*, поелику ихъ корень не пошь же глаголь *пет-авиои*? Кромѣ того, есть пшцы, которыя не лешаютъ вовсе, или по крайней мѣрѣ не лешаютъ *по преимуществу*; куда же вы ихъ опнесете? Онѣ — не пшцы? Изъ вашихъ сужденій о *пресмыкающемся* произошли бы подобныя сему странности.

Можеть ли быть систематическое размѣщеніе примѣровъ, ежели въ самой наукѣ нѣтъ системы? Больше ничего не смѣю сказать въ отвѣтъ на 23 страницу вшор. Подарка.

Рѣчи Амураша III и Мамаю не надлежало бы приводить въ образецъ, по шой

причинѣ, „что ихъ произносятъ предводители ордъ, въ поощреніе соучастниковъ ихъ звѣрства къ грабегамъ и убійствамъ; что сіи предводители не знали Военнаго Краснорѣчія, шребующаго благородныхъ чувствованій и возвышенныхъ мыслей, и что рѣчи ихъ доказываютъ звѣрское ихъ неисповѣство“ (см. В. Красн. Часъ III, стр. 7). Надѣюсь, что послѣ сего желаннаго объясненія, вы поняли причину, по которой не одобрено помѣщеніе сихъ рѣчей въ Военномъ Краснорѣчіи. Историкъ и Учитель — два разныхъ лица; что хорошо у Карамзина, шо не всегда годится въ Учебной книгѣ.

Рѣчи Дюка Гиза шакже не слѣдовало бы приводить въ примѣръ пошому, что *слова* и *поступки* сего вождя, коими усмиралъ онъ войска свои, хотя сѣсшавляютъ необыкновенное, однако не образцовое, не достойное подражанія, средство дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ. Слово: *рѣчи*, я принялъ не въ качествѣ извѣснаго прозаическаго рода сочиненій; иначе, я началъ бы его прописною буквою Р; и шакъ, вы напрасно обвиняете Талызина въ неумѣнн опшачисить рѣчь отъ анекдота.

Позвольте надѣяться, что вы прекратите ваши Подарки, споющіе вамъ, какъ

видно из множества Писателей, призываемых вами на помощь, великихъ усилий; оставяше вашу щедрость ко мнѣ, сказавъ про себя въ послѣдній разъ Лашинское изреченіе: satis pro nostris peccatis!

М. Т.

Юля 20 дня.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Прогулка Ватертона по некоторымъ областямъ Южной Америки и Соединенныхъ Штатовъ (*).

Въ одно прекрасное утро, въ началѣ 1812 года, Карль Ватершонъ, родомъ изъ Вальшонъ-Галля, не подалеку отъ Вакфильда, весьма богатый дворянинъ Капюлическаго исповѣданія, соскучившись нашими модными

(*) Wanderings in South America, the north-west of the United-States, in the years 1812, 1816, 1820 and 1824. With original instructions for the perfect preservation of birds, etc. for cabinets of natural history. By Charles Waterton, esq. London. 1825.

обществами и ничтожными наблюденіями о погодѣ, сославаяющимися обыкновенно главный предметъ разговоровъ, оставилъ свое жительство и всѣ пріятности, коими можетъ наслаждаться помѣщикъ Гуркширскій, не знающій радостей семейственной жизни, оставилъ для того, „чтобы странствовать, какъ говоритъ онъ, въ пустыняхъ областей *Демерари* и *Эссеквебо* до границъ Португальской Гвіаны, собрать извѣстное количество самаго сильнаго яду, называемаго *еурали* (wourali), наловить красивыхъ птицъ, коими изобилуетъ сія часть Южной Америки и надѣлать изъ нихъ чучель.“ Разныя предположенія свои, онъ исполнилъ безъ всякихъ неудобствъ и послѣдствій, кромѣ перемежающейся придневной лихорадки, на кошорую, по видимому, онъ обращалъ мало вниманія, хотя она продолжалась еще при года, по прибытіи его въ Англію.

Въ доказательство, что болѣзнь сія не совсемъ расстроила его здоровье, мы видимъ, что онъ весною, въ 1816 году, предпринимаетъ новое путешествіе въ славные лѣса Гвіанскіе. Проведя тамъ шесть мѣсяцевъ, онъ возвратился на свою родину „съ запасомъ, болѣе двухъ сотъ красивѣйшихъ птицъ разнаго рода, и съ довольно подробными свѣ-

двѣми о ихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ.“ Сія вторая повѣдка была еще счастливѣе первой, ибо здоровье путешественника, нисколько не пострадало, если исключить чепырденную анорадку, прекратившуюся почти непосредственно послѣ своего появленія.

Но Г. Вагнеронъ не могъ ужиться дома. Гвіана, говоря его выраженіемъ, безпреспанно *жужжала* въ его ушахъ; онъ опправился въ прешій разъ въ Демерари, въ началъ 1820 года. Спустия нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возвратился здоровъ и невредимъ, и привезъ драгоценное собраніе отличнѣйшихъ произведеній прехъ царствъ природы, и много пшичьихъ яицъ, щцашельно сохранивъ свѣжестъ ихъ, чшобы можно было вывесшъ изъ нихъ пшечцовъ въ Великобританіи, къ обогащенію его *Орнитологии* новыми видами. Къ несчастію, таможенный чиновникъ остановилъ всю коллекцію и продержалъ лица шакъ долго, чшо наконецъ всѣ испортились. Г. Вагнеронъ употребилъ много времени на хожденіе по таможенѣ, и послѣ напрасныхъ шрудовъ, ему наконецъ дозволено было провести безъ пошлинъ шѣ шодько предметы, которыя назначалъ для публичныхъ заведеній; но онъ обязанъ былъ идатишъ за оставленные для себя.

Сіе не ожиданное огорченіе охладило его горячностъ до того, чшо онъ равнодушно смотрѣлъ на кукушку и ласпочку, улешающихъ къ спранамъ знойнымъ, не обращая даже глазъ своихъ къ Югу. „Три года, говоришь онъ, провелъ я въ сумрачномъ нашемъ климатѣ, нисколько не думая о новой повѣдкѣ.“ Къ счастью для него и для любителей Еспешственной Истории, превосходное швореніе Вильсона, *обѣ Орнитологии Соединенныхъ Штатовъ*, швореніе, съ которымъ ни одно изъ сочиненій сего рода въ древнемъ мірѣ не можешъ сравниться въ шощности и великолѣпнн, воспламенило пошухающій жаръ Г. Вагнерона, и онъ, въ 1824 году, опправился въ Нью-Йоркъ.

Цѣль путешествія его въ Соединенные Шшаты, состояла въ шомѣ, чшобы заняшся изслѣдованіями о шамошнихъ клопахъ, медвѣдяхъ и буйволахъ. Чшшашель, конечно, раздѣливъ поразившее его прискорбіе, когда онъ, вмѣсто сихъ для него дорогихъ живошныхъ, встрѣшилъ и шамъ мушцинь свѣшскихъ и женщинъ прекрасныхъ. И шакъ, онъ поспѣшилъ оставишъ спрану шшодь мало занимательную и опправился въ чепвершій разъ въ свои любимыя Демерарскіе лѣса. Онъ снова возвратился въ

добромъ здоровьѣ, съ большимъ и весьма важнымъ приращеніемъ для своего Музея. Не извѣстно еще, пустился ли въ путь перелетная сія птица въ пшый разъ, но послѣдняя фраза книги его, кажешся, въ пошь удостовѣряетъ:

„And who knows how soon, complaining,
Of a cold and wifeless home
He may leave it, and a gain in
Equinoxial regions goim? (*)“

Чашаель, суди о поспѣшности, съ какою Г. Вашершонъ оставилъ общество, встрѣченное имъ въ Сѣверной Америкѣ, не долженъ выводилъ заключенія, что онъ недолгимъ и угрюмаго нрава. Напрощивъ, всякая страница книги его показываетъ кротость и доброту, шикость характера и простоту сердца, съ коимъ можешь сравниться одно лишь сочиненіе любезнаго Исаака Вальшона, сего шаршины рыбаковъ. Мы можемъ привести многія мѣста въ доказательство иѣжности, кою Вашершонъ столь щедро одаренъ онъ природы. Въ одномъ письмѣ къ другу своему читателю, описывая, какъ составлялъ собранія живошныхъ для Естествоиспытательной Исторіи, онъ го-

(*) И кто знаетъ, скоро ли, свучая хладнымъ и одинокимъ жилищемъ, онъ оставилъ его, и опять пустился въ страны равноденственныя?

ворить: „когда заспѣлишь пару голубей, для описанія въ почности ихъ породы; по сдѣлай милость, не убивай прешьяго, единственно изъ удовольствія и хвастовства, что ты искусный спѣлокъ.“ Видно, иѣтъ ни строгихъ запрещеній, ни спорожей въ наследственныхъ владѣніяхъ Вальшонъ-Галльскихъ. Наспавленія свои, о сохраненіи птицъ, онъ заключаетъ сими словами: „если бы изложенныя мною правила заправили испребляшь живошныхъ безъ всякой полезной цѣли; если бы они тебя побудили умершвишь юнаго пѣвца, щебечущаго надъ швоими дверями; самку, когда она согрѣваетъ дѣшей своихъ въ гнѣздѣ, или самца, когда приносишь въ носикъ необходимую для нихъ пищу, то я крайне скорбѣлъ бы, что написалъ оныя!“ Сказавъ собирашело птицъ, что если ночь заспижешь его въ дѣсу; по свѣтлякъ (свѣпящійся червь) можешь служишь ему вмѣсто свѣчи, онъ присокупаляеть: „положи его на швою карманную книжку съ бережливостію, и онъ будешь свѣшшишь тебѣ сколько нужно. Когда же минуешь въ пошь надобность, посади его на первую, попавшуюся вѣточку; это будешь для него лучшей наградою за оказанную тебѣ услугу.“ — Безъ сомнѣнія и самая чувствительность нашего дяди

Тоби успыдишися предъ шюю, кошорая дышишь въ слѣдующемъ описаніи.

„Въ продолженіе пушешествія водою изъ Буффало въ Квебекъ нашель я одного шолько клопа, и за всѣмъ шѣмъ не смѣю ушверждашь, что онъ принадлежишь Соединеннымъ Шшатамъ. Плыва внизъ по рѣкѣ Св. Лавреннія на паракодъ, я почувшывалъ нѣчто на шеѣ моей, и снявъ рукою, увидѣль, что это небольшой худенькій клопъ. Не могу навѣрное сказашь, пушешествовалъ ли онъ изъ Соединенныхъ Шшатовъ въ Канаду, или изъ Канады въ Соединенные Шшаты, и хошѣль ли онъ воспользовашься моиими плечами для переправы чрезъ рѣку. Какъ бы шо ни было, я однако думалъ о дядѣ моемъ Тоби и его бабочкѣ; и вмѣсто того, чтообы бросишь клопа въ воду и положишь на него перешъ мой, я опуслиль его легонько на близъ лежавшія вещи, желая ему, чтообы онъ при первомъ удобномъ случаѣ вышель счасливо на берегъ.“

Если нравъ нашего пушешественика, какъ видно, нѣсколько спранень; шо опиюдь не угрюмъ. Во время пребыванія его въ Соединенныхъ Шшатахъ, онъ находилъ все въ большомъ видѣ, исключая налоговъ. Онъ увѣряешъ, что мысли спранешвующаго по симъ спранамъ, возвышающя по мѣрѣ со-

зерцаемыхъ имъ предметовъ, и вопшь какъ выражаешъ онъ свои мечшанія, когда держаль разбишюю ногу свою подъ низвергающеюся Ниагарою, между шѣмъ, какъ въ Англіи принужденъ былъ ставишь ее подъ насосъ. „Можешь бышь, присовокупляешъ онъ, припишущъ мнѣ непомерную гордосшь, когда скажу предъ цѣлымъ свѣшомъ, что я излечилъ себя опъ ушиба паденіемъ воды, коей въ минушу извергаешся до 670,255 бочекъ.“ — Сія несчастная нога лишила его удовольствія, танцовашъ съ одною прекрасною Албанскою Дамою, кошорая, казалось, произвела на сердце его сильное впечатльнiе. Но болѣе всего онъ былъ разсерженъ шѣмъ, что находившіесе у Ниагары мужичны и дамы, приняли ушибъ его за подагру. Нангъ презвый и цѣломудренный пушешественикъ очень оскорбился шакою клеветною, припомнишь сiи стихи:

„Membrifragus Bacchus cum membrifragâ Cythereâ
Progenegant gnatam membrifragam podagram (*).“

Ксшати лежалъ на сполѣ у него альбомъ, доставившіи ему случай объяснишь

(*) Всеразрушающій Бахусъ съ разрушительною Цшперою произвели родную имъ членоразрушительную подагру.

наспоящую причину его хромоты. Вошь что онъ пишетъ:

„Карль Вапершонъ, родомъ Англичанинъ изъ Вальшонъ-Галля, лежащаго въ Графствѣ Йоркскомъ, прибылъ къ водопаду Ниагарскому въ Юль 1824 года; но къ сожалѣнію:

„He sprained his foot and hurt histoe
On the rough road near Buffalo
Iss quite distresses him to stagger a
Long the sharp rocks of famed Niagara (*).“

Хотя Г. Вапершонъ худой Поэтъ, и погрѣшаешь прошивъ споспосложенія для одной рѣмы, однако онъ весьма любилъ Горация и, кажешя, съ великимъ удовольствіемъ читалъ его подъ безпредѣльною пѣнію лѣсовъ Демерарскихъ. Вообще онъ приводилъ мѣста изъ классиковъ весьма удачно. Если мѣста выписываемыя имъ суть не рѣдко обыкновенныя, то способъ примѣненія ихъ единственъ и забавенъ.

Давъ нѣкошорое понятіе о характерѣ нашего Сочинителя, спанемъ говорить шеперь о его книгѣ, кошорая не только при-

(*) Онъ ударился пяшою и разбилъ свою ногу на неровныхъ скалахъ Буффальскихъ, ошъ чего и долженъ былъ прихрамывать на успешныхъ берегахъ знаменитой Ниагары.

яшна, но содержишь въ себѣ много любопытныхъ наблюденій о Естеспвенной Исторіи, главнѣйше же о Зоологіи равноденственныхъ областей южной Америки. Мы нисколько не намѣрены порицать Г. Ваперсона за то, что онъ упошреблялъ существующія въ шой спранѣ наименованія или пермины проспонародные, влѣшпо приняпныхъ Учеными по системѣ Линнеевой; ибо избранныя имъ гораздо вразумительнѣе для большей части читателей. Во время пребыванія своего во глубинѣ пѣхъ величественныхъ лѣсовъ, Г. Вапершонъ воспользовался всеми случаями для изслѣдованія обычаевъ кичливыхъ и многочисленныхъ ихъ жителей и для исправленія распросранившихся объ нихъ ошибочныхъ понятій. При помощи нѣсколькихъ живописныхъ выраженій, онъ весьма искусно изобразилъ блестящія произведенія царства живошнаго; описалъ ихъ свойства и обычныя дѣйствія, и съ проницательностію изложилъ новыя средства къ сохраненію ихъ по смерти. Онъ упоминаешь слегка о прешерпѣнныхъ имъ добровольно прудахъ, ни сколько не высавляя своей неуспрашимости, каковую онъ явилъ въ опасностяхъ, повсюду его встрѣчавшихъ.

(Продолженіе впередъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

34. *Духъ Карамзина, или избранныя мысли и чувстваванія сего Писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорнѣй и историческихъ характеровъ.* М. въ типогр. Августа Семена, 1827, въ 8. 2 части (XV—279 и 293 стр.), съ портретомъ Карамзина.

(Подъ симъ заглавіемъ, Г. Иванчинъ-Писаревъ собралъ мысли Карамзина о разныхъ предметахъ Философическихъ, Политическихъ и Литературныхъ, извлеченныя изъ печатныхъ сочиненій сего Писателя. Къ сему, во 2 томъ, присовокупилъ онъ весьма многіе отрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго. Мы должны думать, что цѣль сихъ извлеченій была та, чтобы краснорѣчивыми отрывками изъ швореній

Писателя знаменитаго, заманишь людей лѣнивыхъ и считающихъ чтеніе трудомъ непреодолимымъ, къ прочтенію всехъ двадцати томовъ сочиненій Карамзина; и въ самомъ дѣлѣ, въ комъ не возбудится охота прочесть все то, что написалъ человекъ, умѣвшій такъ сладко, такъ убѣдительно говорить уму и сердцу? Кто будешь равнодушенъ къ швореніямъ шого Писателя, кошорый, подобно искусному и дѣятельному обрѣшателю сокровищъ, раскрылъ передъ нами все богатства, всю гибкость превосходнаго языка Русскаго? Лестъ умолакаешь за гробомъ; но удивленіе и благоговѣніе къ заслугамъ истиннымъ мужа славнаго, переживающъ временное его существованіе; мы, по чувству и убѣжденію, не переспанемъ повторяя: Карамзинъ оказалъ незабвенныя услуги Россійской Словесности. Пусть же юные наши соотечественники любуются и восхищаются имъ въ изданныхъ нынѣ отрывкахъ; но пусть учатся писать и чувствовашь, какъ онъ, изъ полныхъ его швореній, въ кошорыхъ онъ завѣщаль намъ драгоцѣнное наслѣдство своихъ дарованій.)

35. *Гослицкій, Историческій Романъ, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запо-*

рождествъ. Соч. И. Т...ъ. — М. въ тип. Императорскаго Московскаго Театра, 1827. Въ малую 12 д. л. 211 стр.

(Валшеръ-Скопшъ подаетъ Литераторамъ весьма соблазнительный примѣръ — пишашъ историческіе романы, т. е. мѣшашъ испинныя событія съ вымыслами. Самъ онъ превосходно пишешъ шакіе романы, попому что совершенно знаешъ Исторію среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ, хорошо вникаешъ въ характеры историческихъ лицъ, имъ выводимыхъ на сцену, еще лучше вникаешъ въ человеческое сердце; прибавимъ къ сему, что нравы, обычаи и повѣрья мѣшныя, особливо Шотландіи, его родины, извѣсны ему во всей подробности; что онъ одаренъ богатымъ, пылкимъ воображеніемъ, которое оживляешъ подъ перомъ его лица, давно уже не существующія, происшествія и преданія вѣковъ прежнихъ. Мудрено ли послѣ всего этого, что романы его плѣniają воображеніе и обольщаютъ умъ читателей, даже самыхъ образованныхъ? что самые вымыслы въ историческихъ его романахъ, кажутся испинными, или по крайней мѣрѣ вѣроятными? Но, повспоримъ, примѣръ шакіой соблазнительнень: надобно имѣть дарованія Валшера Скопша, чтобы успѣшь въ семъ трудномъ родѣ сочиненій. Изъ подражаше-

лей его, за исключеніемъ развѣ одного Купера, почти все другіе не достигли и тѣни тѣхъ красотою, какими обильны романы сего Писателя. Даже самъ Куперъ еще весьма далеко отъ неподражаемаго образца своего. Что же скажешъ о пощихъ, безцвѣтныхъ ему подражаніяхъ тѣхъкошорыхъ Французскихъ романистовъ? и наконецъ, что скажешъ о попыткѣ въ семъ родѣ романовъ, написанной кѣмъ-то изъ Русскихъ, подъ вышеобъявленнымъ заглавіемъ?... То, что сказали бы мы о начинающемъ учиться рисованію, кошорый, едва научасъ невѣрною рукою дѣлать абрисы, вздумалъ бы вдругъ пишашъ каршины въ родѣ Корреджіо или Аннибала Караччи: ни композиціи, ни правильности въ рисункѣ, ни живосни и вѣрности въ колоритѣ, ни умѣнья въ сляніи свѣта съ тѣнью. Примѣняя сіе уподобленіе къ роману: *Госницкій*, скажемъ, что въ семъ романѣ нѣтъ ни правдоподобія, ни связи въ произшествіяхъ, ни сколько нибудь опщественныхъ характеровъ, ни удовлетворительной развязки. Не понимаемъ шакже, почему въ заглавіи сказано: „съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запорожцевъ;“ этого описанія вовсе мы не находимъ въ романѣ, ни опдѣльно, ни въ связи съ цѣлымъ повѣ-

спровоанемъ. Зажженныя смолянныя бочки и слова панъ и хуторъ, не могутъ соспавить описаня нравовъ и обычаевъ какого-либо народа.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XVI.

I.

С Л О В Е С Н О С Т Ь .

О дѣйстви Словесности и Искусствъ на характеръ народа (*).

Между различными обстоятельствомъ, дѣйствующими какъ на характеръ народа, такъ и на славу и благосостоянне его, Словесность, Наука и Искусства имѣють не малую силу. Все народы и племена, о которыхъ мы имѣемъ какое-нибудь свѣдѣнне, носятъ на себѣ печать религии и правительствъ; но Словесность и Искусства составляютъ особенное и явное оплечье народа образованнаго. Безъ помощи Словесности, умъ человеческй распочаетъ или

(*) Изъ книги подъ заглавиемъ: Considerations on the effects of physical and moral causes on the character and circumstances of nations, by J. Bigland. London, 1816. (Разсужденя о дѣйствяхъ физическихъ и нравственныхъ причинъ на характеръ и обстоятельства народовъ, сочиненне Г. Бигланда. Лондонъ, 1816).

повреждаетъ понятія, сообщенныя ему для употребленія; благороднѣйшія способности его безъ образцовъ и матеріаловъ, не могутъ обнаружиться силъ своихъ. Безъ умственной дѣятельности, ни одинъ народъ никогда не былъ великъ или знаменитъ. Если бы не было Академіи Платоновой и Лицея Аристошелева, то Аѳины давно уже обречены были бы забвенію.

Одинъ Философъ послѣднѣе спользѣнія объявилъ свое мнѣніе, что Словесность, Искусства и навыки, ими производимые, будутъ гибельны для Европы, и что просвѣщеніе повреждаетъ нравственность (*). Странное сіе предсказаніе обнаруживаетъ одну слабость въ разсудкѣ Сочинителя и ограниченныя понятія его о жизни и нравахъ человѣческихъ. Одинъ изъ величайшихъ Философовъ и Орашоровъ древности разсмащиваетъ сей предметъ совершенно въ другомъ видѣ и превозноситъ просвѣщеніе и Философію самыми громкими хвалами (**). Посредствомъ Словесности мы умножаемъ свою опытность; напуществуемые Словесностію, мы живемъ въ вѣкахъ давно прошедшихъ и въ странахъ отдаленныхъ; но безъ

(*) Rousseau, Emile, tom. 3. p. 163.

(**) Cicero, Tusc. Quest. 5.

руководства ея, мы ограничиваемся шѣснымъ кругомъ наблюденія и бытіемъ кратковременнымъ. Науками и Искусствами замѣняющіяся недостатки силъ челоѵка и способности его увеличиваются почти до безпредѣльности: мы преплываемъ неизмѣримые океаны, воздвигаемъ великолѣпныя зданія и совершаемъ безчисленныя шворенія, о коихъ необразованный варваръ не можетъ имѣть никакого понятія. Созерцая чудеса, производимыя челоѵческимъ искусствомъ, мы необходимо должны признать истину Баконова афоризма, что „знаніе есть сила.“ Превосходныя знанія болѣе, нежели превосходная сила, содѣлали Европейцевъ въ столь короткое время владыками новаго свѣта и доставили способы горести Англичанъ покорить своей власши столь обширную часть Индіи. Словесность, Науки и Искусства возводятъ людей отъ слабости къ силѣ, и отъ дикаго невѣжества на степенъ высочайшаго разумнѣія.

Всѣ вообще люди на видныхъ и возвышенныхъ степеняхъ, желаютъ оставить по себѣ памятникъ своего существованія: желаніе естественное и могущее произвести общую пользу. Оно можетъ ошвращать отъ порока, устремлять къ добродѣтели и одушевлять правителей міра благородною

ревностію, представляя имъ въ опдаленности память и славу въ попомствѣ. Словесности предаешь дѣянiя людей вѣчности и спасаешь имена ихъ отъ забвенiя; „но когда глыбы кургана размешаны и надгробные камни низпровержены, то слава дикаго погибаетъ навѣки“ (*). Если мы помыслимъ о множествѣ Царей и Полководцевъ, память коихъ изглажена съ лица земли временемъ, не оставившимъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованiя въ лѣтописяхъ рода человѣческаго; если мы разсудимъ, что всѣ дѣянiя и предпрiятiя ихъ погребены въ безмолвіи вѣковъ, то мы не можемъ не видѣть доспоиснства Словесности и права ея на покровительство и поощренiе (**). Она заслуживаетъ въ равной степени вниманiе Государей и ихъ подданныхъ; ибо повѣствованiе или воспоминанiе, шакъ же какъ и зрѣлище великихъ дѣянiй, возвышаетъ душу и воспламеняетъ благородную ревность. Какъ памяшники прошекшихъ временъ и прежебывшихъ героевъ, Исторiя и Поэзія имѣють рѣшительное преимущество надъ живописью и ваиенiемъ: памяшники послѣднихъ могутъ существовать въ немногихъ шолько мѣстахъ; они подвержены различнымъ приключенiямъ; когда время обезобразитъ ихъ или разрушитъ, то шрудно возстановитъ ихъ въ первошшнее совершенство: но память, преданная попомству Словесности, избѣгаетъ пораженiй времени, разливаясь безпредѣльно и возобновляясь непрестанно.

(*) Сіе выраженiе почеркнушо изъ Торнеровой Исторiи Англо-Саксовъ (History of the Anglo-Saxons).

(**) *Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illacrymabiles
Urgentur, ignotique, longa
Nocte, carent quia vate sacro.*

Hor. Lib. 4. Od. 9.

И преже Ашрида могутъ жили,
Но слава ихъ гаснетъ во мракѣ вѣковъ:
Они неоплаканны въ гробѣ почали,
Они не имѣли священныхъ пѣвцовъ.

ваніе или воспоминаніе, шакъ же какъ и зрѣлище великихъ дѣянiй, возвышаетъ душу и воспламеняетъ благородную ревность. Какъ памяшники прошекшихъ временъ и прежебывшихъ героевъ, Исторiя и Поэзія имѣють рѣшительное преимущество надъ живописью и ваиенiемъ: памяшники послѣднихъ могутъ существовать въ немногихъ шолько мѣстахъ; они подвержены различнымъ приключенiямъ; когда время обезобразитъ ихъ или разрушитъ, то шрудно возстановитъ ихъ въ первошшнее совершенство: но память, преданная попомству Словесности, избѣгаетъ пораженiй времени, разливаясь безпредѣльно и возобновляясь непрестанно.

Пѣсни первошшнихъ Поэшовъ были во всѣхъ почти шранахъ, исключая, можешь бышь, Египетъ, первоначальнымъ шсточникомъ и основанiемъ Исторiи (*). Ими шемныя преданiя великихъ дѣянiй и важныхъ событiй были ввѣряемы народному воспоминанiю и передаваемы отъ поколѣнiя къ поколѣнiю. Гомера можно почитать какъ первошшнимъ Ишорикомъ, шакъ и древ-

(*) Не видно, чтобы у Египтянъ процвѣтала когда либо Поэзія. Смощи Russel's Hist. Anct. Eur. vol. I. p. 117.

вѣйшимъ Поэзомъ Греческимъ. Пришествіе Энея въ Италію и происхождение Ромула отъ героевъ Троянскихъ, споль превосходно воспѣшья Виргиліемъ и споль шорже-швенно описываемыя Ливіемъ и другими Римскими Историками, сушь повѣспи, просшекающія изъ преданія сомнительнаго. Саксонъ Граммахикъ, въ своей знаменитой Скандинавской Исторіи, составилъ изъ приключеній, рассказываемыхъ древними Скальдами, изъ надписей на памянникахъ и изъ другихъ неполныхъ и несвязныхъ маперіаловъ, повѣшпованіе, коего превосходная ошдѣлка побуждаешъ просвѣщеніе и вкусъ, почти невольнo забышь баснословную его основу и хипрое сложеніе. Замѣнивъ собственнымъ своимъ изобрѣшеніемъ недоспашокъ связи и лѣшосчисления, онъ сочинилъ вымышленную хронологію и подарилъ Даніи знаменитую Исторію, приведенную въ порядокъ двадцати четьрехъ царствованій до Христіанскаго лѣшосчисления. Въ семь онъ подражалъ Годфриду Монмаушскому (*), ко-

(*) Годфридъ Монмаушскій и Саксонъ Граммахикъ были почти современники. Годфридъ кончилъ свою Исторію около 1140 года по Р. Х., а Саксонъ Граммахикъ умеръ 1208 года по Р. Х., имѣя отъ роду около семидесяти лѣшъ.

шорый собравъ Поэмы Шопландскихъ Бардовъ, привелъ ихъ въ правильное повѣшпованіе и, съ помощію плодовишаго воображенія, призвалъ Бруша изъ Трои, чшобы сообщить своему ошечеству блестящее происхождение и священную древность.

Почти въ каждой странѣ Поэзія предшесшповала Исторіи. Кельшскіе Барды сопровождали своихъ Царей и Полководцевъ, повѣшповуя о ихъ происхожденіи, воспѣвая имъ хвалы и прославляя дѣянія знаменитыхъ мужей. Въ воинскихъ походахъ, кромѣ обязанности ихъ одушевлять рапниковъ, они были упошребляемы, какъ Историки бранныхъ подвиговъ; и лѣсни ихъ, въ послѣдшвіе времени, были почитаемы вѣрнѣйшими хранилищами историческихъ событій(*). Поэзія существовала у всехъ даже варварскихъ народовъ. Гошескіе племена мало различшповали одно отъ другаго въ своихъ понятіяхъ и обычаяхъ. Саксонцы, Франки,

(*) Корднерово введеніе къ извлеченіямъ изъ Торфея, стр. 124. Фермондъ Торфей былъ уроженецъ Исландіи, и ошличпыя его способности доставили ему покровительштво Фридерика III, Христіерна V и Фридерика IV, Королей Дашскихъ. Онъ умеръ около 1720 года по Р. Х., осьмидесяти одного года отъ рожденія.

Дашчане и Норманны имѣли своихъ Поэ-
шовъ и арфисшовъ (harps), коихъ пѣсни
въ послѣдствіи были измѣняемы обшю-
пельствами пѣхъ спранъ, въ кошорыхъ они
водворились. И Англо-Саксы, шакъ какъ и
Французы, имѣли свои мѣрные романсы (*).

Какъ Поэзія была первою отраслюю
Словесности, кошорою занимались; шо она
имѣла самое сильное и повсемѣстное дѣй-
ствіе на умы варваровъ. Вся народы ощу-
щали ея дѣйствіе на воображеніе и почти
каждый человекъ можетъ быть свидѣтелемъ
ея могущества. Но сила оной всегда бы-
ваетъ гораздо очевиднѣе у варваровъ, кош-
орыхъ умственные способности грубы, ко-
шорыхъ воображеніе живо и пламенно, а
спраши легко возбуждаются. Между обра-
зованными людьми дѣйствіе ея не столь
ощущительно, ибо они пребываютъ болѣе до-
водовъ и доказательствъ, нежели востор-
говъ, и размашриваютъ основательность
причинъ и вѣроятность успѣха прежде, не-
жели рѣшаются дѣйствовать. Впечатлѣнія,
производимыя Поэзіею, рождаются не ошъ
одного спрадательнаго ощущенія изображе-
ній, ею представляемыхъ, не ошъ чувствій,

ею внушаемыхъ; но ошъ естественной дѣ-
тельности ума, кошорою Поэзія возбуж-
даетъ. Поэзія дѣйствуетъ, приводя въ дви-
женіе мысли и чувствованія, пробуждая въ
душѣ множество живыхъ волненій (emotions)
и поощряя воображеніе творить разитель-
ныя идеи, почерпнутыя изъ обстоятельствъ
жизнейскихъ и означенныя красками
пламенныхъ спрасей или спремительныхъ
склонностей.

Когда пѣснь Поэша есть ошголосокъ
знакомыхъ чувствованій, шо она разливаетъ
въ воображеніи множество прогательныхъ
движеній. Обишатели сѣвера употребляли
Поэзію какъ для возбужденія народа къ вой-
нѣ, убійству и хищенію, шакъ и для вос-
поминанія о воинственныхъ его подвигахъ;
и едва ли могли избрѣсть они сильнѣй-
шее орудіе для доспихенія своей цѣли.
„Барды, говорившъ Гиббонъ, привлекали вни-
маніе всѣхъ покушавшихся изслѣдовать древ-
ности Кельшовъ, Германцевъ и Скандина-
вовъ. Геній и характеръ Бардовъ, шакъ какъ
и уваженіе, оказываемое званію ихъ, доспа-
шно объяснены. Но мы не можемъ столь
легко выразить или даже понять воинствен-
наго испупленія, кошорое они воспаменя-
ли въ сердцахъ людей, пріобыхшихъ къ бра-
нямъ и убійству, и увеселявшихся звукомъ

(*) Ellis' Specimen of English metrical Romance,
vol. I. Sect. I.

оружія. У просвѣщеннаго народа вкусь господствующій въ Поэзіи, служишь болѣе къ забавѣ воображенія, нежели къ возбужденію душевныхъ спрасшей. Однако, перечислявая въ стихомъ уединенія бившыхъ, описанныя Гомеромъ и Тассомъ, мы нечувствительно увлекаемся вымысломъ и предаемся минушному ощущенію воинственнаго жара. Но сколь слабо, сколь холодно ощущеніе, которое мирная душа получаетъ отъ уединеннаго занятія! Барды же въ часъ битвы или среди побѣднаго пиршества прославляли героевъ времени прошекшихъ, предковъ шѣхъ вождей браннолюбивыхъ, которыхъ съ воспоргомъ внимали ихъ безыскусственной и одушевленной гармоніи. Видъ оружія и опасности усугублялъ дѣйствіе воинственной пѣсни, и спрасши, ею возбуждаемыя: жажда славы и презрѣніе смерти, были обыкновенными чувствованіями Германской души (*).“ Върнѣ сего изображенія, ничто не можешь намъ предсавишь разности впечатлѣній, производимыхъ Поэзією на умы варваровъ и людей образованныхъ.

Съ религією, воинскимъ духомъ, политикою и нравами Скандинавовъ шѣсно соединена была ихъ Поэзія: слава и счастье

(*) Gibbon, Dec. Rom. Emp. Vol. I. chap. 9. p. 374.

ихъ были на ней основаны. Сохранишь и продлишь память бранныхъ подвиговъ за предѣлы крашкременнаго бытія человѣческаго, было дѣломъ самымъ важнымъ у вошпелей времени древнихъ. Надежда, заняшь почешное мѣсто въ памяти грядущихъ поколѣній, одушевляла патриотовъ и героевъ Греціи и Рима; ша же спрасши владычештвовала во всей своей силѣ надъ Сверхними варварами. Отъ могущества Поэзіи, отъ рашной пѣсни Скальда, умирающей вошпелъ ожидалъ продолженія своей славы, и немногіе народы занимались симъ искусствомъ съ болѣшимъ воспоргомъ, съ болѣшимъ жаромъ, съ болѣшею силою, какъ Скандинавы (*).

„The them was glorious war, the dear delight
Of shining best in field and daring most in fight.“
Penrose.

Дышали пѣсни ихъ войной —
Отрадой сладкою героя,
Кто замѣваешь всѣхъ красой
И всѣхъ ошважишь среди бол.

Дѣйствіе Скандинавской Поэзіи было усилено ся мнимо-небеснымъ происхожденіемъ. Полагали, что божештво ихъ, называемое Брага, обитающее въ чершюгахъ Вал-

(*) Смощи Mallet's North. Antiq. Томъ I. стр. 223, и пр.

галы, покровительствовало Поэзии и Музыкѣ и одушевляло Скальдовъ, копорыхъ воинскія пѣсни отличались исполненнымъ и дикимъ величьемъ, соопвѣствующимъ свирѣпой и кровавой ихъ религіи. Ни одинъ воишель не оиправлялся въ походъ безъ своихъ Скальдовъ, копорыхъ обязанность была воспѣвать его подвиги и одушевлять его ратниковъ (*). Воинскимъ пѣснямъ ихъ Скандинавскій герой былъ одолженъ своею славою; и дабы спяжашъ шакое поэтическое безсмертіе вмѣстѣ съ ожидаемымъ блаженствомъ въ чертогахъ Одина, онъ жертвовала своею жизнію съ изскупленіемъ и неуспрашимостію, въ новѣйшія времена неизвѣснними.

Послѣ того, какъ сѣверные народы были обращены къ Христіанству и оказали нѣкоторые успѣхи въ образованіи, нравы ихъ сдѣлались менѣ суровы и кровожадны. Поэзія ихъ приняла также нѣжнѣйшія краски ошъ измѣненія гражданскихъ обстоятельствъ. Дикое и ужасное величіе Поэмъ Скандинавскихъ замѣнено было привлека-

(*) Bartholinus. De Causa Contemp. Mortis a Danis. lib. I. cap. 8. Бартолинъ сохранилъ одну изъ древнихъ пѣсень, копорыми Скандинавы одушевляли своихъ воиновъ и возбуждали ихъ къ ошважнымъ подвигамъ.

пельнѣйшими прелестями пѣснопѣнія (minstrelsy). Но укороенившіеся обычаи не скоро истребляются и древнія понятія не легко изглаживаются. Минспрели (пѣвцы) среднихъ вѣковъ, подобно Кельшскимъ Бардамъ и Скандинавскимъ Скальдамъ, находясь при Государяхъ и феодальныхъ вождяхъ, обязаны были не только выводить происхожденіе ихъ, прославлять подвиги и воспѣвать имъ хвалы, но и возбуждать мужество воиновъ и Вассаловъ. Галлиферъ, знаменитый Минспрель, сопровождалъ Вильгельма Завоевателя во время Гаспінгской битвы и предводительствовалъ Норманскими войсками, воспѣвая пѣснь въ честь Карла Великаго, Роланда и Оливера (*). Двенадцатое и шринадцатое сподшія были самою блистательною эпохою Минспрелей; но они процвѣтали и въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ (**). Однако обычаи времени и духъ Поэзіи были измѣнены успѣхами образованія и благошворнымъ дѣйствіемъ Христіанства. Великодушіе начали соединять съ мужествомъ, и сосраданіе по-

(*) Ellis' Specim. Eng. Metrical Romance, vol. 1. sect. 1.

(**) Морлаки до сего времени имѣють своихъ пѣвцовъ, и безъ нихъ не бываетъ никакого праздника. Смопри Cassa's travels, part. 1.

чипать неразлучнымъ спутникомъ храбрости. Хотя пѣсь Минспреля гремѣла угрозами врагамъ повелителя его, но вмѣстѣ съ пѣмъ вдыхала чувствованія милосердія къ покорнымъ и не представляла ни одной изъ пѣхъ ужасныхъ картинъ ненасытнаго убійства, хищничества и опустошенія, которыя отличаютъ Поэзію Скандинавскую.

Барды и арфисты (harpers) Валлійскіе, Ирландскіе и Шотландскіе носили то же званіе и исполняли ту же должность, какъ Минспрели въ Англіи и на твердой землѣ. Изъ нихъ Валлійскіе Барды пріобрѣли величайшую знаменитость. Съ помощію прорицаній Мерлина, они возбуждали своихъ сопатриотовъ къ усильному сопрошивленію въ ущеліяхъ родныхъ горъ Саксонскому, а въ послѣдствіи Норманскому могуществу до пѣхъ поръ, пока Эдуардъ I не покорила ихъ своей власти (*). Пѣсни ихъ, также и Минспрелей, были смягчены духомъ Христіанства, и не представляли уже кровавыхъ картинъ первоначальной Кельтской Поэзіи, но были довольно возншвенны, чшобы одушевить народъ въ жаромъ мужества и любви къ отечеству.

(*). Г. Джонсъ отвергаетъ обще принятое мнѣніе, что Эдуардъ I предалъ смерти всѣхъ Валлійскихъ Бардовъ. Hist. Brecknock, vol. 1. chap. 8.

Дѣйствія Поэзіи и музыки на умы горныхъ Шотландцевъ (Highlanders) были замѣнены многими Писателями. „Не возможно вообразить, говоритъ Г-жа Мюррай, какое дѣйствіе Гальская музыка имѣетъ на горныхъ Шотландцевъ; когда они гребутъ веслами, молотятъ, валяютъ сукна, или занимаются другими трудными работами, то ихъ пѣвья и пѣсни, кажется, придаютъ силу всѣмъ мускуламъ ихъ тѣла (*).“ Звуки и понятія производятъ самое сильное впечатлѣніе на душу, когда они совершенно постигаются разумомъ и имѣютъ связь съ знакомыми обстоятельствомъ или занимательными происшествіями; Поэзія же горныхъ Шотландцевъ принадлежитъ къ такому роду.

Всѣ разумныя существа, кажется, подлежатъ силѣ сопряженія понятій, и отъ сего источника происпекаетъ дѣйствіе Поэзіи и музыки на страсти и склонности. Изображенія, которыя находятъ зеркало въ каждой душѣ, и чувствованія, обрѣтающія въ каждой груди отголосокъ, должны непременно произвестъ глубокое впечатлѣніе. Отъ такихъ изображеній и отъ такихъ

(*). Mrs. Murray's Scotland, vol. 2. p. 365. Смотри также Mrs. Craint's Highland. vol. 2. p. 135.

чувствованій, соединенныхъ съ знакомыми и родными зрѣлищами, знаменитая пѣсня: *Reiz de Vaches*, получила свое дѣйствіе на умы Швейцарскихъ солдатъ, находящихся въ иностранной службѣ. Сіе пішпическое произведеніе, хотя оно исполнено живыхъ и прогашельныхъ картинъ, не возбудишь въ обитателѣ другой страны особеннаго душевнаго движенія (emotion); но дѣйствія пѣсни на Швейцарскихъ солдатъ въ земляхъ иностранныхъ, особенно на молодыхъ рекрутъ, столь различельны, что передъ Французскою революціею запрещено было пѣть ее въ Швейцарскихъ полкахъ, служившихъ Франціи. Каждый разъ, когда нѣскольکو молодыхъ солдатъ увеселялись пѣніемъ сей прогашельной пѣсни, замѣчаемо было, что непремѣннымъ послѣдствіемъ сего были или побѣги, или нѣкоторый родъ шоски по родимой споронѣ. Сей родъ душевнаго недуга, который Французы называютъ: *Maladie du pays*, часто не иначе можешь бытъ исцѣляемъ, какъ дозволеніемъ юному воину еще насладиться взглядомъ на опечесшвенную спорону и на мѣста, бывшія свидѣтелями юношеской его жизни. Сія знаменитая пѣсня, которая столь длинна, что здѣсь нельзя помѣстить ее въ цѣлости, начинается слѣдующимъ образомъ:

Quand reverrai-je en quelque jour
Tous les objets de mon amour?
Nos clairs ruisseaux,
Nos coteaux,
Nos hameaux,
Nos montaignes,
Et l'ornement de nos montaignes
La gentille Isabeau?
A l'ombre d'un ormeau,
Quand danserai-je au son du chalumeau, etc.

То есть:

Когда я увижу въ родной споронѣ
Опаять всѣ предметы, столь милые мнѣ?
Наши долины шелковы;
Наши ручьи и дубровы,
Хижны наши и горы,
Гдѣ, горь красота, Изабелла цѣлеть?
Когда я съ подругой спыдыливой
Вѣтшаюсь плясать въ круговой хороводѣ,
Подъ тѣнію вяза, при зеркалѣ водѣ,
Подъ звуки свирѣли игривой? и пр.

Изъ сего образца читатель ясно усмотритъ главный характеръ сей умилишельной пѣсни, въ которой повсюду открывающа шѣ же живописныя картины и та же сила романтическаго чувства. Но житель другой страны не легко поймешь, съ какимъ могущесшвомъ поражаетъ она въ нѣкоторыхъ случаяхъ воображеніе Швейцарца.

Это, можешь быть, единственный примеръ, чтобы новѣйшая Поэзія могла производить столь сильныя и чудныя дѣйствія. Могущество ея, кажется, происходитъ отъ мѣстныхъ свойствъ страны, къ которой она относится, и отъ обстоятельствъ общественной жизни обитателей оной. Швейцарія сходствуетъ съ горною частью Шотландіи; но виды ея величественнѣе; многіе изъ округовъ ея, огражденные со всѣхъ сторонъ ужасными горами, ревущими водопадами и всѣми высокими явлениями природы, представляются какъ бы отдѣльными отъ прочаго міра. Отъ просельныхъ обычаевъ домашней жизни, въ сихъ уединенныхъ пританищахъ, жители получаютъ особенныя понятія и характеръ. Когда Швейцарскій рекрутъ переселуется во Францію, то очаровательныя картины родныхъ долинъ исчезаютъ отъ очей его, но остаются впечатлѣнными въ памяти и воображеніи и пѣсно сопрягаются съ воспоминаніями семейственными. Ограниченія, также и суровая подчиненность военнаго сословія, весьма отличны отъ просельнаго и непринужденнаго образа жизни, проведенной имъ въ пѣвней юности, и заставляють его сильнѣе чувствовать удаленіе отъ отечества. Посему пѣснь, представляющая картины,

описанныя съ явленій прежней его жизни, и исполненная родныхъ чувствованій, потрясаетъ всѣ струны души его и производитъ въ умъ его глубокое впечатлѣніе.

Народныя пѣсни составляютъ родъ Поэзіи, который въ каждой странѣ имѣетъ самое сильное и обширное дѣйствіе. Онѣ распространились между всѣми сословіями народа: онѣ одушевляють мореходца на корабль, ремесленника въ мастерской его и поселенца, слѣдующаго за своимъ паугомъ. Пѣсни и баллады какой нибудь страны имѣють, вѣроятно, такое дѣйствіе на нравы и обычаи и даже на правила обитателей ея, какое только можешь имѣть постороннее обстоятельство. Каждый, кто имѣлъ случай, долженъ былъ замѣтить, сколь много безсмысленныя и вакхическія пѣсни людей развратныхъ, способствуютъ поселенію охоты къ гнусному распущенству, и сколь сильно священныя гимны возбуждаютъ душу къ благоговѣнію. Не болѣе, какъ за полсольствія предъ симъ, народныя пѣсни: The Highland Laddie, (Шотландская барыня), Over the Water to Charley (Черезъ воду къ Карлу) и другія, столь же возмущительныя, содѣйствовали къ подкрѣпленію духа Якобинскаго скопича, котораго безумныя поборники мечтали низринуть самую благодѣтельную

изъ всѣхъ династій, царствовавшихъ надъ Англією, и возстановишь на престолъ домъ, бывшій всегда враждебнымъ правамъ Англійскаго народа. Вѣрноподанническія и нап्रीстическія сочиненія God save the King (Боже, спаси Царя), Rule Britannia (Управляй Бришаннією), и проч. свидѣтельствуютъ и возбуждаютъ привязанность Бришанцевъ къ своему Монарху и Ошечеству. Марсельскій гимнъ и одушевленная пѣсня Ça ira, съ другими республиканскими аріями и пѣснями, содѣйствовали къ воспламененію народа мятежной (revolutionary) Франціи на всякое дерзновенное предпріятіе и всякое злодѣйство (*).

Драматическая Поэзія, хотя и менѣе распространившаяся, нежели народныя баллады, имѣетъ сильное дѣйствіе на значительную часть общества. Театральныя представленія, получающія въ какой-либо странѣ величайшую народность, не только служатъ довольно вѣрнымъ признакомъ народнаго вкуса, но способствуютъ также къ образованію народнаго характера. Во

(*) Заимательно было бы и не бесполезно перечитать собраніе пѣсней, бывшихъ во всеобщемъ употребленіи у различныхъ народовъ въ продолженіе послѣднихъ потрясеній.

Франціи, передъ началомъ революціи, драматическія сочиненія имѣли, по большей части, свойство враждебное Монархіи; и испущенное рукоплесканіе, возбуждаемое республиканскими характерами Греціи и Рима, показывало состояніе общественнаго духа. Въ продолженіе республиканскаго періода, сцена находилась совершенно подъ распоряженіемъ Правительства; и многочисленные театры Парижскіе служили къ одушевленію собиравшихся тамъ зрителей чувствами вѣчной неприязни къ Королямъ. Императорская власть Наполеона произвела другую перемену; и всѣ предметы республиканскаго свойства были изгнаны со сцены. Всякая перемена въ Правительствѣ Франціи, была непосредственно предшествуема или послѣдуема соотвѣтствующимъ оной измѣненіемъ въ драмѣ.

Поэзія производитъ самое сильное впечатлѣніе, когда бываешь сопровождаема музыкою. Сія послѣдняя доставляла ей новую силу возбуждать душу къ возвышеннѣйшимъ ощущеніямъ. Лирическія произведенія Грековъ, кромѣ возвышенности и красоты ихъ, которыми они поражали душу и пѣвляли сердце, пользовались еще содѣйствіемъ музыки (musical accompaniments), удивительно приспособленной къ усиленію одушевленія,

ими воспламененнаго. И они обыкновенно раздавались среди торжественныхъ празднествъ и общественныхъ увеселеній, гдѣ блескъ, шумъ и величіе зрѣлища способствовали къ возбужденію самыхъ сильныхъ чувствованій патріотизма.

Могущество звуковъ извѣстно между всеми народами, какъ дикими, такъ и образованными. Способъ дѣйствія ихъ есть собственная задача въ Физикѣ; но впечатлѣніе, ими производимое, доспаточно извѣдано и сильно ощущается; очевидно, что природа соединила съ ними извѣстныя душевныя движенія (emotions), которыми возбуждаются или утишаются всѣ страсти души. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прелестныя звуки производящъ споль же сильное дѣйствіе, какъ и самыя обработанныя сочиненія. Дикіе Американцы возбуждаются къ сраженію и убійству воинскимъ крикомъ, такъ какъ древніе Кельты и Скандинавы были къ тому воспламеняемы бранными пѣснями своихъ Бардовъ и Скальдовъ. Опъ сего-то происходитъ, что всѣ образованные народы имѣють военную музыку, споль одушевляющую солдата, между тѣмъ, какъ дикія племена замѣняють спрашными воплями недоспатоки музыкальныхъ орудій и искусства.

Между просвѣщенными и образованными народами, Поэзія и всякаго рода Словесность производящъ могущественное, по вообще благошворное дѣйствіе. Словесность, кромѣ того, что передаетъ попомощву знаменитыя имена и благородныя дѣянія, служящъ еще хранилищемъ искусствъ и наукъ, распроспраняетъ ихъ до безпредѣльности и облегчаетъ постоянное ихъ усовершенствованіе, собирая и увѣковѣчивая опыты и опытность нѣсколькихъ поколѣній.

Словесность, подѣ руководствомъ генія, проспиряетъ свое дѣйствіе по всему одушевленному міру. „Сколь невѣроятно,“ говоритъ Юнгъ, „могущество великихъ дарованій! Сколь многія женщины, прелестныя, какъ Лаура, были любимы споль же нѣжно; но, не имѣя Пешарки къ прославленію нѣжнаго чувства, жили и умерли въ забвеніи, между тѣмъ, какъ тысячи людей, одушевленные спироками его, необреченными смерти, и чувствованіями, которыми шокмо геній возбудить можеть, смѣшивающъ мысленно свои шомыя вздохи со вздохами Поэта, посвятившаго ошпатоки сій безсмертності.“ (*) Тотъ же писатель, говоря о Во-

(*) A. Young's Travels in France, jour. August 29, 1788.

кляузскомъ источникѣ и о развалинѣ, копорую просной народъ называетъ le Château de Petrarque (ш. е. Петраркинъ замокъ), дѣлаешь основательное и показывающее вкусъ замѣчаніе объ очарованіи, сообщаемомъ словесными дарованіями неодушевленнымъ предметамъ. „Зрѣлище,“ говоришь онъ, „величественно; но его дѣлаешь истинно занимательнымъ знаменитость, сообщенная ему великими дарованіями. Очарованіе скаль, воды и горъ, въ ихъ разительнѣйшихъ чертахъ, оспанавливая вниманіе и наполняя сердце прогашельными ощущеніями, не просишкаешь ошь неодушевленной природы. Чшобы сообщить силу такимъ ощущеніямъ, она должна получить одушевленіе ошь шворческаго прикосновенія живительной мечш. Описанная Поэшомъ, или соединенная съ пребываніемъ, дѣяніями, спрастями или занятіями великаго генія, она оживаетъ, какъ бы олицетворенная дарованіями, и приобрьшаешь занимательность, копорая дышетъ во всѣхъ мѣстахъ, посвященныхъ славъ (*).“

Геній и дарованія часто перебуошь живительнаго пособия ошь изобилія и могущества, особенно на зарѣ своего появленія,

(*) Young's Travels, ibid.

въ вѣкахъ несовершенно просвѣщенныхъ и въ странахъ, гдѣ общественный вкусъ не столь образованъ, чшобы могъ досшавишь имъ сильное покровительство и возбудишь соревнованіе. „Сколь много Машеманшиковъ и людей, опличныхъ во всѣхъ опрасляхъ познаній,“ говоришь одинъ знаменитый Писатель, „произвела Франція съ шѣхъ поръ, какъ начали шамъ ободряшь и цѣнишь познанія. Множешво людей и въ другихъ странахъ возбудилось бы къ досшженію знаній при обстояельствахъ, равно благопріятныхъ (*).“ Цицеронъ шакже замѣчаетъ, чшбъ „чесшь пишаешь искусства, и чшо любовь къ славъ ешь сильное побужденіе къ занятіямъ Словесности (**).“ Усовершенствованіе Словесности и Искусствъ долженствуетъ бышь однимъ изъ главнѣйшихъ попеченій всякаго Правительства и народа. Дѣла генія сосшавляютъ обильнѣйшій источникъ народной славы, нежели самыя блистательныя шоржештва побѣдныя. Творенія ума переходяшь изъ вѣка въ вѣкъ съ неизлѣпимымъ блескомъ. Аѣнны были менѣе богаты, нежели Кароагенъ, менѣе воин-

(*) Kirwan's essay on Human Happiness, p. 187.

(**) Honos alit artes omnesque incenduntur ad Studia gloriâ. Cicero Tusc. Quaest. I.

спвенны, нежели Спарша; но Аѳины были нѣдромъ Словесности и Искусствъ, и пошму приобрѣли знаменитость въ позднемъ пошомствѣ.

Правительство не можешь создать генія; но можешь споспѣшествовать развитію его и поощрять его къ дѣятельности. Въ Англіи познанія всякаго рода были уважаемы при дворахъ Елисаветы и преемника ея Якова I, и были ободряемы какъ покровительствомъ, такъ и примѣромъ сихъ Государей. Слѣдствія сего ободренія были довольно ощушительны. Въ продолженіе крашкаго періода семидесяти лѣтъ, протекшихъ ошъ средины Елисаветина царшвованія до возстановленія (*) (restoration), славились многіе изъ величайшихъ мужей, какихъ когда-либо произвела Англія. Шекспиръ, Баконъ, Спенсеръ, Сидней, Гукеръ, Тайлоръ, Напьеръ, Мильшонъ, Кудворць и многіе другіе суть имена, которыя принесли бы честь каждому вѣку и народу. Однако сіи Писатели отличались болѣе образцовымъ геніемъ, глубокими и блестящими мыслями, силою выраженія, основательною ученостью, нежели правильностію и красою слога.

(*) Т. е. до возведенія на Англіійскій престолъ Карла II. *Прим. Перев.*

Возстановленіе ввело новый вкусъ въ Словесность и слогъ болѣе обработанный и классической. Карлъ II былъ Государь, вмѣшъ съ познаніями соединявшій природный геній и изящный вкусъ. Онъ и приближенные его, во время продолжительнаго своего изгнанія, приобрѣли на пвердой землѣ, и особенно при дворѣ Французскомъ, правильность слога, совершенно отличную ошъ небрежнаго роскошества, обнаруживаемаго Англіійскими Писателями шого вѣка. Знаменитые Писатели, покровительствуемые Лудовикомъ XIV, поселили въ Англіійскихъ духъ соревнованія; и слогъ, введенный при возстановленіи, будучи усовершенъ Драйденомъ, Попомъ, Аддисономъ и другими, которые были увлечены первымъ побужденіемъ, заставляешь почищать осьмнадцатое столѣтіе Августовымъ вѣкомъ Бришанской Словесности. Успѣхи наукъ шли наравнѣ съ успѣхами Словесности: Галлей, Фламшидъ и другіе сдѣлали важныя открышія въ Астрономіи; и великій Исаакъ Ньюшонъ, утвердивъ теоріи притяженія и тяготѣнія, такъ же свѣта и цѣлшвъ, превзошелъ всѣхъ своихъ предшешвенниковъ въ Естешественной Философіи.

Словесность и Искусства суть истощники непоколебимой славы народа. Често-

любивый полиптикъ можешь мечташь, что блескъ безсмертія будешь окружашь имя его; но, по исеченіи немногихъ лѣтъ, предначертанія его и самъ онъ погребушся во прахъ. Вскорѣ послѣ смерти Александра, Государство его раздѣлилось; но зданіе, основанное Аристоцелемъ, существовало почти двадцать столѣтій; и до пробужденія Наукъ, онъ былъ Дикшапоромъ умовъ въ Европѣ. Медицисы Флорентинскіе спискали болѣе знаменитости отъ участія, которое принимали они въ споспѣшествованіи успѣхамъ Словесности и Искусствъ, нежели отъ несмѣннаго богатства, ими пріобрѣтеннаго; и имя Льва X прославилось наиболее покровительствомъ, которое онъ всегда оказывалъ гению. Ободреніе и пособіе, которыми Лудовикъ XIV дославлялъ познаніямъ, съ издержкою немногихъ только пысячъ, пролили несравненно болѣе блеска на его память и на Французскій народъ, нежели всѣ военныя его предпріятія, стоившія ему въдесять крапъ сколько же милліоновъ. Его опустошительныя войны испощили пособія его ошечества и навлекли на него достойное проклятіе Европы; но покровительство, оказанное имъ Словесности, покрыло имя его сіяніемъ славы, котораго никакая шуча зависши не можешь помра-

чить, никакая сила забвенія никогда погасить не можешь. Дѣйствіе Словесности, Наукъ и Искусствъ на славу Государей, на характеръ и общошпельства народовъ, и на общее благо рода человѣческаго, столь обширно и могущественно, что исчислишь его не возможно. По всей справедливости, оно должно бышь признано одною изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ силъ (agents) въ образованіи людей: высшая степень умственаго усовершенія — вошь причина политическаго превосходства, которымъ обладаешь Европа надъ прочими частями земнаго шара.

Съ Англ. Ф. Сосоновичъ.

II.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Изъ книгъ: *Monuments littéraires de l'Inde, ou mélanges de littérature Sanscrite, par A. Langlois. Paris. 1827.*)

Около полушѣка шому назадъ, Писатель знаменитый въ своихъ сочиненіяхъ, не только не Философическихъ, но и полныхъ без-

вѣрїя, вразумилъ Европу о существованїи книгъ древнихъ Браминъ. Съ изумленїемъ свѣдала она, что памятники письменные уцѣлвали ось разрушительности вѣковъ, и что языкъ, мертвый съ давнихъ временъ, еще жилъ въ шворенїяхъ, сохранныхъ набожностїю ученыхъ Индійцевъ. Тогда нѣкоторые хотѣли опыскать неизвѣстное до полъ ученїе ихъ вѣры — и открыли цѣлую Литерашуру. — Ее возвѣстили свѣту мисіонеры; открыли ее купцы-власшелїны Индїи. Уже Джонсы и Вилькинсы изумили современниковъ своихъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ и рѣдкою проницательностїю, обнаруженною ими въ своихъ переводахъ; и удивительными повѣстями, которыя они рассказывали о народахъ незнаемыхъ, въ нищинѣ безмолвія изъ вѣка въ вѣкъ передававшихъ попомкамъ своимъ писанїя первыхъ своихъ законодательей; изящныя шворенїя своихъ Поэшовъ и возвышенныя мечнанїя своихъ Философовъ (*). Но вдругъ опорванныя ось Литерашурныхъ занятїй смушамї гражданскими, Французы были отвлечены ось созерцанїя временъ древнихъ — наспоящимъ

(*) Въ сіе время уже существовали въ переводахъ Джонсовомъ: Законы Мани и Драма *Sacuntalá*; и въ Вилькинсовомъ *Bhagavad-Gita*.

зрѣлицемъ собшвенныхъ бѣдъ, и когда въ-свободяся изъ яростной бури полишической, они могли бы и сами слѣдовать за великимъ сильнымъ движенїемъ, сообщеннымъ наукѣ — тогда силою шѣхъ непоспнжимыхъ событїей, коихъ память сохранился въ лѣшонїсахъ нашихъ, — они были пригвождены, прикованы къ предѣламъ Европы, которую проходили съ шоржествомъ побѣдителей, но какъ бы будучи осуждены оставашся чуждыми шѣмъ завоеванїямъ Литерашурнымъ, которыя въ другихъ областяхъ безъ нихъ совершались.

Между шѣмъ, одинъ изъ мужей ученыхъ Франціи, одаренный ось природы проницательностїю чрезвычайною, шерпнїемъ удивительнымъ; сїмъ чувшвомъ шонкимъ и нѣжнымъ, которое ощущаешь шрудности и ихъ разрѣшаешь; сїмъ инспншктомъ несоцѣненнымъ, который угадываешь шайныя дѣйствїя мысли въ механизмъ языковъ, сей ученый въ нищинѣ окружалъ себя всѣми неполными пособїями, какїя Франція могла доставить ему. Какъ будто предопредѣленный основашъ у насъ изученїе Словесности Санскришской, Г. Шези продолжалъ свои уединенные шруды; и когда возвращенїе законныхъ поведителей нашихъ, наконецъ намъ снова раскрыло мїръ, до полъ намъ неизвѣ-

спный, тогда онъ явился на славномъ поприщѣ (*) достойный состязатель съ Карейями, Кольбуками, Вильсонами, Гамильтонами, которые вмѣстѣ съ Джонсомъ и Вилькинсомъ, благородно поддерживали сей ученый прудъ.

Но чѣмъ отличается эта Литература, древняя, но являющаяся намъ юною, по своей новости и неизвѣстности? Намъреніе мое теперь: изслѣдовать, что она такое есть, что она произвела; въ какую эпоху она по видимому процвѣтала: при задачи, по моему мнѣнію заслуживающія въкошорья внимательности; и я почитаю бесполезнымъ предупреждать читателя, что несправедливо было бы судить объ Индійцахъ, по вкусу нашего вѣка, по привычкамъ нашей школы, по требованіямъ нашей образованности.

Литература, какъ было уже сказано, есть выраженіе общества. Дабы узнать характеръ Санскрипской Литературы, разсмотримъ характеръ Индійца. Вопросимъ нравы и обычаи сего народа, никогда неиз-

(*) Ученыя Записки (Mémoires) Кольбука во многомъ служили мнѣ при составленіи сего сочиненія. Они помѣщены въ Asiatic Researches.

мѣнявшагося: они покажутъ намъ, каковъ долженъ быть духъ его Писателей.

Представимъ себѣ Индійца крошкаго и пухаго оны природы, миролюбиваго и умереннаго въ правилахъ; покорнаго своимъ законамъ, Индійца, кошорый правила политики почитаетъ предписаніями своей вѣры; кошорый не столько участникомъ, сколько хладнокровнымъ зрителемъ присушествуетъ при великихъ Государственныхъ переворотахъ: не измѣняя его нравовъ, перевороты сіи проносящя надъ націею всегда неизмѣнною, какъ благословенная земля, ее питающая, какъ жившворное солнце, ее освѣщающее. Такимъ образомъ отдѣленный оны міра своими обычаями и богослуженіемъ, посвященный въ движеніи всеобщей гражданственности и образованности; чуждый и шѣмъ успѣхамъ, и шому упадку нравовъ, кошорые именуютъ духомъ вѣка — Индеецъ живетъ только самъ съ собою. Удаленный оны развлеченій политическихъ, шѣсно заключенный въ границахъ своей касы, слѣно подчиненный законами гражданскими и религиозными ярму, кошорое, кажется, должно подавлять разумъ; онъ, не смотря на шо, не лишень шѣхъ спрасней пылкихъ, шого пламеннаго воображенія, шой безпрерывно возрождающейся потребности новыхъ ощу-

щений, которыя составляют неизмѣнное достояніе человѣческой природы. Окруженный всѣми очаровательностями климата, всѣми обольстительными призраками языческаго веселаго богослуженія; разгоряченный образами Мифологіи страстной, онъ не можешь избѣгнуть любви. Онъ спарается волненіями сердечными разрушить однообразіе жизни всегда ровной и одинаковой, или же, находя для способностей человѣческой воли упражненіе благороднѣйшее, посвящаетъ свое услажденіе въ преодоленіи страстей, въ поработеніи природы неизмѣнною суровостію жизни, и въ погруженіи души, воспоржествовавшей такимъ образомъ надъ тѣломъ, въ созерцаніе истинъ Философическихъ.

Впрочемъ безразсудныя заблужденія юности или пламенность спротои набожности не всѣ умы занимають собою. Веселыя пиршествва, пріятыя зрѣлища, пѣсли поэшовъ чарують досуги народа, счастливаго въ своей беззаботности; но эти удовольствія всегда облечены въ покровъ языческой религіи. Пиршествва суть полько довершеніе жертвоприношеній. Благословеніе Брамнина начинается зрѣлище, въ кошоромъ дѣйствуютъ жрицы боговъ; и повѣствованіе Поэта, рассказывающаго событія спарины, заглаж-

даетъ пресупленія его благочестивыхъ слушателей. Таковы обыкновенія, таковъ вообще характеръ Индійцевъ: счастливое смѣшеніе милой беззаботности и поспоянства, силы и преданности; прелести ума и важности нравовъ; спранныстей и прощопы; рвенія къ испинъ, и любви къ баснямъ и вымысламъ. Таковъ былъ эпошь народъ, славный своими искусствами и науками, и кошорый никогда не славился между народами-завоевателями.

Эпошь характеръ долженъ быть напечатлѣнъ на его Липерашурь. Что касается до идей, шо легко понять, что въ Индіи поле, предоставляемое для дѣятельности ума, не можешь быть весьма обширно; и дѣйствительно религиозное вліаніе Брамановъ превратило всю Поэзію въ одни почти рассказы о жизни боговъ и чествуемыхъ героевъ; нравоченіе превратило въ правило спротои жизни, а науку Философическую въ испупленіе. Въ формахъ слога замѣшно шо же сліаніе: сладость и благозвучіе въ изложеніи, однообразіе въ идеяхъ; обиліе, перерождающееся иногда въ запушанность; воображеніе богатое и распочительное въ своихъ вымыслахъ; но въ подробностяхъ не разнообразное; изобрѣшенія необыкновенныя, выраженія всегда правильныя и вѣрныя; си-

ла въ чувствованіяхъ, глубокость въ мысляхъ, извѣженность и даже небрежность въ словосочиненіи, — шаковы должны бышь у этого покореннаго и опдѣленнаго народа качества слога, вообще проснаго и естественнаго; но большею частію простодушнаго, иногда величественнаго, рѣдко порывистаго и сильнаго. Часто даже спрранность ихъ изобрѣненій составляетъ удивительную противоположность съ образомъ ихъ существованія. Можно сказать, что Писатели Индійскіе, какъ бы пробудившіеся отъ долгаго сна, описали спрранныя свои сновидѣнія.

Не должно удивляться, если между опвлеченностями Метафизическими ихъ Философовъ и произведеніями ихъ Поэтовъ находится великій промежутокъ, въ которомъ напрасно мы стали бы искать швореній важныхъ, шсно сопряженныхъ съ полиптикою; если въ этой Литературѣ, Исторія и краснорѣчіе, нѣкоторымъ образомъ, лишены своего наслаждія. Для Историка потребно звѣлице великое; для Вишіи нужно орашорское мѣсто, *forum*; безъ этого не могушь бышь Историки и Философы, а развѣ только сосшавшители льшописей и временниковъ; только умные правоучители или ритшоры. Не взирая на недостатокъ сего рода сочи-

неній, письма Индійскія не менѣе того богаты Писателями полезными и замѣчательными. У сихъ удивительныхъ Литераторовъ ихъ, религія есть единственная мысль; Поэзія почти всегда ихъ языкъ; и это менѣе поразительно у націи, которая все облакаетъ въ стихи, начиная отъ выкладокъ Астронома до сухихъ наставленій Грамматишоровъ и до словоисчисленій Лексикографовъ.

Но какого рода прелестъ въ состояніи привлечь насъ къ изученію сихъ Писателей? Пощерпнемъ ли мы въ нихъ какія нибудь новыя знанія, и по крайней мѣрѣ шруды наши вознаграждаются ли какимъ нибудь наслажденіемъ умственнымъ?

Людямъ, ищущимъ фактовъ почныхъ и жаждущимъ извѣстій положительныхъ, для которыхъ открытіе зврнаго числа какого нибудь происшествія или имени историческаго есть счастливая находка; имъ я опкровенно признаюсь, что починаю весьма сомнительнымъ, чтошъ здѣсь усилія ихъ были увѣчаны успехомъ; хотя и согласенъ, что подъ облаченіемъ басней и аллегорій, можно бы опыскать истину, но она всегда будетъ шашкою и нешвердою. Между шѣмъ, съ другой стороны изученіе языка общаго, благозвучнаго, ученаго, представляюща-

го разительныя соотвѣстственности съ нашими Европейскими языками, древними и новѣйшими, — общаешь истинныя удовольствія шѣмъ, которые любящ изучаешь на-роды въ самомъ ихъ языкѣ, которые умѣ-ють цѣнишь выраженіе правильное, образъ невинный и простой, мысль прелестную; шѣмъ, которые ищущъ сладостныхъ ощу-щеній въ вѣрныхъ изображеніяхъ нравовъ и страшей; шѣмъ, которые не брезгають блаждать въ темныхъ мечтаніяхъ Филосо-фіи, по ихъ мнѣнію возвышенной. Пожалуй, я соглашусь, что эша Литература, можешь показаться слабою, когда сравнивать ее съ Литературою Греческою и Латинскою, съ нѣкоторыми изъ нашихъ новѣйшихъ Ли-тературъ, возрожденных знакомствомъ съ писателями Греческими и Римскими. Но сія сила, недостающая народу, который все-му, кажется, научился самъ собою, можешь бышь плодомъ взаимнаго сообщенія націи, плодомъ того умственного ссвязанія, ко-торое возникаетъ между націями, вступаю-щими въ соперничество на благородномъ поприщѣ искусствъ. Ободряемый иногда покровительствомъ своихъ Государей, Писа-тель Индійскій никогда не знавалъ возбуж-денія страшней политическихъ. Но за по-другія качества умѣщаешь насъ въ недо-

спашкѣ силы и швердости, которыхъ имѣшь ему не возможно было. Сколько живости въ описаніяхъ! Сколько прелести въ мыслахъ! Какія счастливыя выраженія въ сихъ звуч-ныхъ фразахъ, гдѣ одно слово, искусно со-спавленное, являешь полную картину. Съ какимъ удовольствіемъ обрѣщаемъ мы въ повѣствованіяхъ древнихъ Поэтовъ шѣ же самыя подробности домашнихъ нравовъ, шѣ же явленія частной жизни, которыя и нынѣ намъ изображаются новѣйшими путеше-ственниками! Для вѣка, жаждущаго приа-тныхъ новостей, какое счастливое откры-тіе должна представляшь Мифологія веселая, остроумная, не столь сумрачная, какъ Ми-еологіи Сѣвера, которыя однакоже также привлекають наше дьятельное любопы-ство. Какая свѣжесть, какая очарователь-ность въ сихъ разнообразныхъ метафорахъ; въ сихъ сравненіяхъ, заимствованныхъ ошь природы, намъ совершенно чуждой, ошь кру-га идей, намъ мало знакомыхъ, ошь міра, вовсе намъ неизвѣстнаго!

Впрочемъ надлежитъ замѣнить, что шущъ новы только формы рѣченій, кото-рыя повсюду измѣняются обстоятельствомъ природы и обществу. Въ самыхъ мы-сляхъ, которыя постоянно одинаковы во всѣхъ климатахъ, во всѣ времена, ничто

не изменилось, всегда видимъ мы того же челоука, съ его чувствованіями, съ его спраіями, съ его заблужденіями. Какъ въ мірѣ физическомъ шло всегда остаешся одно и тоже, между шмъ, какъ одно одянне можешь перемѣняться: шакъ въ мірѣ умшвенномъ измѣнчиво одно выраженіе, которое ешть облаченіе мысли, мысль же, какъ и самъ челоукъ во внутренней его природѣ, всегда постоянна. Но это еще не все: посланные на обоихъ противоположныхъ земнаго шара люди, встрѣтились не только въ отношеніи къ истинѣ, которая едина. — но и въ отношеніи къ заблужденіямъ, которыя являющся въ столь безчисленныхъ формахъ. Какимъ образомъ шъ же самыя мечшанія Меташфизическія, шъ же злоупотребленія могущественныхъ способностей воображенія и мышленія; почему шъ же ошибочныя уклоненія ума Философическаго, которыя изумляютъ насъ на Западѣ, — встрѣчаются и на Восшокѣ? — Съ другой стороны, взирая на усшхи, сдѣланные мышленіемъ въ Индіи въ вѣкахъ, весьма отдаленныхъ, и на степень нами нынѣ еще занимаемую, — мы усныжаемъ бессилія челоуческаго ума; намъ невѣрныя безконечное совершенствованіе челоука, и мы принуждены признаш, что его умшвенныя

способности ограничены, какъ и способности шѣлесныя. Всюду одаривъ его одинакими органами, Творецъ всюду ограничиваешъ его одинакимъ кругомъ идей. Кажешся, будто онъ рекъ ему: швое мышленіе просшрешся только доселѣ. — Въ то самое мгновение, когда челоукъ возмншшь, что переишагнешъ предѣлы, ему предписанные, и силою души своей разорвешъ всѣ завѣсы, наштагешъ событіе великое: пошощъ, наводненіе дикихъ племенъ; швореніе ума уничтожаешся и челоукъ, на новыхъ основаніяхъ, снова воздвнжетъ другое зданіе, совершенно прешнему подобное.

Теперь мы приступимъ къ изображенію богатшвъ Санскритской Литературы. Это ешть рудникъ, безъ сомнѣнй, обильный, но который еще мало разработанъ. Если нѣкошорые ученые, какъ напр. Джонсъ, Вилькинсъ, Кольбрукъ, Вильсонъ не хошѣли занимашся переводами, которые шребуютъ почти цѣлой челоуческой жизни; шо другіе наперерывъ старались изобрѣшатъ системы всякаго рода, не представляя на судъ читателей всѣхъ документовъ, служащихъ въ ихъ зашщиту. Ешть довольно долга исчисленія Санскритскихъ сочиненій; но доселѣ мы дѣйствительно знаемъ только малое число оныхъ. Однако же можно прешна-

вишь обзоръ сей Литературы, которъй покажешь и сокровища уже открытыя, и тѣ, кои открыты еще можно надѣяться.

Оставляя раздѣленія на роды, предлагаемыя нашими курсами Литературы, я буду слѣдовать ходу и расположенію идей самихъ Индійцевъ. Такимъ образомъ мнѣ будешь возможно упоминашь и о такихъ твореніяхъ, которыя не могли бы имѣть мѣста въ нашей классификаціи.

Все, чему мы можемъ научиться, наука (*vidyā*) дѣлился Индійцами на восемнадцать часней. Четыре первыя, сушь четыре veda (1) творенія весьма древнія, почиаемыя ошь нихъ ошкровенными, и заключающія въ себѣ ученія о Естествомъ Божіемъ и о служеніи вѣшнемъ и внушреннемъ, коимъ человекъ ему обязанъ. Онѣ составляють смѣшеніе стиховъ и прозы. Досель намъ извѣсны только ошрывки оныхъ; и ими мы обязаны учености Кольбука (2) и рвенію Брахмана Rāmmohunroy (Rāmmohana rādja). Нѣсколько оныхъ разсыяны шакже въ книгахъ называемыхъ Upanichad, и переведен-

(1) Слово *veda*, означаетъ *познаніе*, и въ семь словъ, можно замѣшшь корень Латинскаго слова *videre*, и даже Русскаго *видѣть*.

(2) См. 7 и 8 шомъ *Asiat. Research*.

ныхъ Анкешилемъ подъ именемъ *Upanekhat*. Но кажешся, что Ezur-Vedam, которое выдаютъ намъ за переводъ *Yadjur-Veda*, ешь твореніе совершенно сомнительное (3).

За сими четырьмя часнями, слѣдуютъ четыре другыя, именуемыхъ *Upaveda* (4); въ коихъ заключаются: въ первой, искусство познавань и лѣчить болѣзни; во вшорой, правила музыки; въ шрешней, образъ пригошвленія и употребленія воинскихъ оружій и снарядовъ и въ четвертой, разсужденія о довольно значительномъ числѣ искусствъ и ремесль. Книги сіи, говорятъ, ушрачены; но мы не менѣ шого будешь удивляешь вшому раздѣленію, въ которомъ ученіе вѣры непосредшвенно предшешвовало у Индійцевъ наукамъ, наставляющимъ въ средствахъ сохранять, украшашъ, защищашъ и поддерживашъ жизнь.

Но чшобъ бышь посвященнымъ въ шашисва сихъ восьми вѣшвей науки, надлежало обогатиться напередъ нѣкошорыми познаніями, пріобрѣшшаемыми въ шести другыя, называемыхъ *Anga* (5) или *Vedānga*,

(3) См. 14 шомъ *As. Re.*

(4) Эшо слово *Ura*, прибавленное къ слову *veda*, означаетъ *присоединеніе, прибавленіе*.

(5) *Anga* значить *членъ*; *Vedānga*, *членъ ведъ*, дополняющій весь составъ, все цѣлое ведъ.

и кошоры научали искусству произношенія, Грамматику, просодію, шолкованію словъ шемныхъ и необыкновенныхъ въ *Vēda*; Астрономію, необходимо связанной съ Математикою; наконецъ обрядамъ, какія должно наблюдать при священныя шоржествахъ. Изъ сихъ швореній извѣстны: просодія, коей сочинитель есть *Pingala*, и Грамматика, коей шворецъ *Pāṇini*. — Чрезвычайно замѣчательныя по отношенію къ краской, сжашой учености, въ нихъ находящейся, онѣ для ясности и понятности шребують пособія многочисленныхъ комменташоровъ, испытывавшихъ надъ ними свою проникаемость. Писаны онѣ стихами, какъ и разсужденіе объ Астрономіи, кошорое называется *Sūryya*. Долгъ Поэзіи былъ боже-сливеннымъ языкомъ своимъ описать чудеса небснаго швода. Въ семь родѣ есть еще нѣсколько и другихъ славящихся швореній; но между ними, въ отношеніи къ наукѣ и слогу, преимущественно ошлчается сочиненіе, называемое *Lelāvati*, принадлежащее *Bhāscarācāryya*, ученому XII или XIII вѣка, кошорый равно знаменитъ, и какъ Поэтъ и какъ Астрономъ.

Четыре послѣднія части, именуемыя *Uṛānga*, и содержащія въ себя Логіку, нравственную Философію, Юриспруденцію и

Исторію, довершали цѣлость всего состава Науки.

Логика (*nyāya*) и нравственная Философія (*mīmāṃsā*), были поприщемъ слинкомъ швенымъ для созерцательнаго духа Индійцевъ. У нихъ, какъ у Грековъ, въ началѣ являюшыя семь мудрецовъ знаменитыхъ; за ними слѣдуешь рядъ мужей, кошорыхъ они святыми почитаютъ, кошъ имена и шворенія, называемыя *Smṛiti* (6), сохранены въ шакъ называемыхъ священныя ихъ книгахъ; послѣ шого, постепенно образовались семь Философскихъ школъ, подѣ общимъ именовъ *Darsana* (7). Древнѣйшимъ начальникомъ секты, именуешь мудреца *Capila*; онъ основалъ *Sāṅkhya*, или Философію числа; и *Pātandjali* систему *Yoga*, или соединеніе съ богомъ, кошорая по его имени названа *Pātandjala*. Другія два ученія были созданы двумя мудрецами *Gotama* и *Canāda* на осно-

(6) *Smṛiti* для Индійцевъ есть то, что мы разумемъ подѣ словомъ *преданіе*, *Srōuti*, что мы означемъ словомъ *Св. Писаніе*.

(7) Впрочемъ неизвѣстно, какая самая древняя изъ оныхъ *Darsana*. Ихъ располагали шакже въ слѣдующемъ порядкѣ: *Vēśicāpa, Nyāya, Mīmāṃsā, Sāṅkhya, Pātandjala* и *Vedānta*.

Слово *darsana* значить *видѣть, видѣніе*, или *зеркало*.

ваніяхъ Логикѣ; одно называлось *Nyāya*, другое *Vēsechica* (8). Эта въспъ Философіи произвела также двѣ школы, копорыя отличались другъ отъ друга наименованіемъ *первой* и *последней* или *высшей*, и копорыя учреждены, одна: мудрымъ *Djēmini*, а другая *Kyāsa*, наставникомъ перваго, споль же великимъ Философомъ, какъ и славнымъ Поэтомъ; *первая* служилъ какъ бы введеніемъ ко *второй*, копорая также называешся *Vedānta* (9).

Нѣкопорые хотѣли сравнивать сіи различныя секпы, съ секпами, нѣкогда существовавшими въ Греціи. Въ приверженцахъ ученія *Nyāya* находили Перипатетиковъ, въ приверженцахъ *Vēsechica* — Философовъ Іонійскихъ; послѣдователи обѣихъ школъ *Mīmāṃsā* напоминали школу Платонову, *Sāṅkhya* — секпу Ипалійскую, а *Yoga* — Спокковъ; такимъ образомъ въ этомъ сравненіи *Gotama* предспавлялъ бы Аришпешеля; *Canāda* — Θαλεσα; *Djēmini* — Сократа;

(8) *Vēsechica* происходитъ отъ слова, значащаго *разлитіе*. Одни говорятъ, что эта система названа симъ именемъ, по причинѣ разности ея отъ *Nyāya*; другіе, пошому, что основатель оной *Canāda* признавалъ чешыре рода *отдѣльныхъ* ашомовъ.

(9) *Vedānta* значилъ *конецъ*, *цѣль ведъ*.

Vyāsa — Платона; *Capila* — Пиеагора; а *Pātandjali* — Зенона. — Я сомнѣваюсь, чшобъ сравненіе всегда было самое спроее; при шомъ же довольно шрудно различать опшѣнки, коими разняшся другъ отъ друга шесть *Darsana*. Обыкновенными предметами ихъ Философическихъ разсужденій суть: вѣчность вещества, дѣйствіе первой причины, существованіе Бога, почитаемаго отъ нихъ душою вселенной; ученіе объ ашомяхъ; созданіе міра; ученіе о судьбѣ; переселеніе существъ; перевороты созданной природы; такъ называемое всепоглощеніе въ Бога, копорый, по ихъ понятію, есть великая всецѣлоспъ. — Но сіи великіе вопросы разспашриваюпся пошько въ многочисленныхъ комменсаріяхъ (*Upadarsana*), изданныхъ приверженцами древнихъ Философовъ (10); и дабы данъ понятіе о Наукѣ сихъ первыхъ наставниковъ, говорили: что они соединяють болѣе штысячи учениковъ. Объ ученіи ихъ нельзя судить по ихъ собственнымъ сочиненіямъ, копорыя суть не иное что, какъ афоризмы (*Sutra*) (11). Разсужденія ихъ,

(10) Для болшей подробности см. сочиненіе Варда: *A view of the history, literature and mythology of the Indoos*. Tom I. p. 315.

(11) *Capila Sutra* или подлинныя изрѣченія мудреца *Capila*, писаны прозою и весьма брашки; изрѣ-

впрочемъ весьма темныя и непопулярныя, заключающыя въ себѣ только нѣкошораго рода анализъ, который болѣе сходствуешь съ отвлеченіемъ, нежели правильнымъ изложеніемъ, цѣлаго ученія. Впрочемъ *Vyāsa*, который объяснялъ мнѣнія мудреца *Patandjali*, развилъ и собственныя свои идеи въ Поэмѣ *Mahābhārata*; и въ послѣдствіи сать имѣлъ въ знаменитомъ *Sankarācharyya* истолкователя искуснаго и уважаемаго. Теперь преимущественно придерживаются *Nyaya Daršana*; поштому, что сіе ученіе наиболее свободно отъ подробностей изступленнаго ученія о Богѣ, которыми прочія наполнены.

Впрочемъ, каковы ни были бы различія, существующія между сими школами, все отъ имѣющъ одну общую почку соединенія. Слѣдуя системѣ спиритуализма — сіи Философы усмремляющъ все свои усилія къ одной цѣли — къ своей религіи. У Буддистовъ, раздѣленныхъ шакже на шесть сектъ, мы можемъ, какъ утверждающъ, найши ученіе материализма и правила Скептиковъ,

реченія Философа *Patandjali* составляютъ 198 строкъ; изреченія Фил. *Gotama* 462; Философа *Canāda* 550 афоризмовъ; *Mīmāṃsā* Философа *Djēmini*, содержащій въ себѣ 12 главъ въ четырехъ отдѣленіяхъ; въ *Vedānta Sutra* находишь 498 стиховъ.

мнѣніе Эпикура и мысли Пиррона. Они, если вѣришь Брахманамъ, ихъ противникамъ, — учащъ вѣчноши міра; они утверждающъ, что нѣтъ духа и будущей жизни, что душа вещественна; впрочемъ справедливосшь требуешь замѣнить, что и ученіе самихъ обвинителей можешь и должно бышь оснориваемо; покоряясь по видимому правиламъ Ведъ, они, кажешся, часшо имъ противорѣчащъ въ своихъ теоріяхъ; и не одно изъ ихъ положеній, если слѣдовать за оными неуклонно, привело бы насъ къ такому же заключенію, каково и заключеніе безбожника Діагора.

Есть еще нѣсколько другихъ сектъ, извѣстныхъ подъ наименованіями: *Sātwata*, *Pauranica*, *Tchandana*. Основатель сей послѣдней есть Князь *Sū Narcha*, съ которымъ мы вскорѣ познакоимся, какъ съ Поэмомъ. Покровительствуя знаніямъ, онъ заплащилъ за Поэму пѣвца *Dhavaka* подаркомъ во 100 тысячъ рупій. Нѣсколько позже Царь города *Dhārā* (12), *Bhodja Deva*, не успѣдился полковашъ ученіе Философа *Patandjali*.

(12) *Dhārā* находишь въ области *Mālava*, равно какъ и *Oudjajani*, вѣроятно это одинъ и пошь же городъ, подъ разными названіями.

Эта система Философа *Patandjali*, называемая *Yoga*, была, как я сказал уже, исправлена мудрецом *Vyāsa*, который составил из оной секшу, названную *Vedānta*. *Rammohunroy* (*Rāma mohana rādja*), о котором я уже упоминал, представлял нам сокращение сего учения, которое имется целью: доказать, что предмет книг *Veda* есть единство Бога, и что посредством полнотеизма, поклоняющагося ему под именем *существо метафизических*, представляющих различные его свойства, (аттрибуты).

Съ высотъ Философiи, нисходи къ правиламъ и формуламъ законовѣднiя (*dharma*), мы съ удивленiемъ встрѣчаемъ рѣдкое Липерашурное явленiе; полное уложенiе законовъ и установленiй, въ 12 книгахъ, украшенное всеми цвѣтами и богатствомъ Поэзи. Я говорю о книгахъ законодателя *Manou* — древнемъ памятникѣ гражданственности весьма необыкновенной (13). Не знаю, могутъ ли стихи сообщить болѣе ясности словамъ законовъ, по крайней мѣрѣ они должны доставить имъ болѣе поспоянности, и такава цѣль, кошорой хо-

(13) Мы имеемъ два изданiя сего шворенiя, съ переводомъ Джонса. Самымъ новѣйшимъ изданiемъ, мы обязаны ученому Гавшону (*Hawghton*).

тели достигнуть, и кошорой достигли сiи древнiе законодатели. Липерашоръ, уже восхищенный эшимъ знакомъ уваженiя къ Поэзи, узнаешь съ удовольствiемъ, что среди сего сухого и безплоднаго однообразiя, свойственнаго предмету, иногда встрѣчаются и *разбросанные члены Поэта*.

Кромѣ сей книги законовъ, кошорая украшена именемъ почитаемаго ошъ Индiйцевъ родоначальникомъ человеческого племени, *Manou*, приводятся многiя другiя, кошорыя, не будучи священными для нихъ, какъ первая, не менее шого весьма уважаются: такавы очень древнiя шворенiя славащагося *Yadjna valkya*; и болѣе новѣйшее, приписываемое *Djimatavahana*, разсужденiе о наследстввахъ. Но мы оставимъ сей предметъ, для шого, чинобъ перейши къ другому, совершенно Липерашурному: я разумью Историю.

Послѣ сказаннаго уже мною выше, никто конечно не будетъ ожидать у Индiйцевъ Историю такаю, какою мы понимаемъ ее: Историю, очищенной здоровою крипшикою; освобожденной ошъ баснословiй, и чуждой преувеличенiй. Весьма возможно, что некогда откроютъ у Индiйцевъ собранiе древнихъ происшествiй, составленное правильно и съ надлежащею важностiю, подобно

шой Истории *Кашмира* (Cachmir), которую нынѣ обнародовалъ ученый Вильсонъ. Доселѣ преданія ихъ суть только сборъ басней, расположенныхъ ихъ Поэтами. Такъ Исторія проическихъ временъ Греціи являешся намъ скрашенною обманчивыхъ воображеніемъ.

Воспоминанія временъ первобытныхъ находящяся перемѣшанными такимъ образомъ въ восемнадцати большихъ Поэмахъ, называемыхъ: *Purana* (14). Намъ извѣстно только весьма малое число опрышковъ. Последняя Поэма, называемая *Bhagavata*, сообщена намъ въ совершенно обезображенномъ видѣ, въ переводѣ искаженномъ и неполномъ, который даже сдѣланъ не съ оригинала. Впрочемъ вѣроятно, что сіи шворенія не представляють весьма большого разнообразія; будучи облечены въ форму повѣствованій, рассказываемыхъ различными разговаривающими лицами, они всѣ начертаны по одному плану; эпическыя, придаваемый симъ *великимъ твореніемъ* (*Panchalakhana*) показываютъ, что они должны заключать въ себѣ пять главныхъ предметовъ: созданіе міровъ, по понятію Индійской Космогоніи; ихъ разрушеніе и возстановленіе; родосло-

(14) Это слово значить: *древняя Исторія*.

віе боговъ и проевъ; царствованія различныхъ *Manu* или ихъ родоначальниковъ, и дѣянія ихъ потомковъ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

III.

КОММЕРЦІЯ.

Вліяніе законовъ на торговлю (*).

Законы, охраняющіе свободу и безопасность торговли, суть существенныя условія ея преуспѣянія. Хотите ли знать пространство благодѣтельнаго ихъ вліянія? Взгляните на Ошшоманскую Имперію: она обладаетъ обширную страну, наилучшимъ климатомъ въ свѣтѣ, произведеніями пропиковъ и умѣренной полосы, и одно Европейское ея народонаселеніе равняешся населенію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Обласпей, а все вообще не менѣ самой Франціи. Положеніе Турецкой столицы ша-

(*) Изъ книги: *Le commerce au dix-neuvième siècle*, par Alex. Moreau de Jonnés. Paris. 1825. (Сочиненіе, по рассмотренію Марсельской Академіи, удостоенное чрезвычайной награды).

ково, что Имперія сія одарена всѣми выгодами, коими процвѣтаешь торговля и разливается богатство и счастье — всѣми, исключая благошворныхъ законовъ; и пошито-то всѣ блага, коими надѣлила ее природа, остающіяся бесполезными и даже гибельными. Верховная власть, коей предѣловъ и употребленія не опредѣляютъ законы, служишь цѣлью кровавыхъ переворошовъ; некому охранять безопасности лицъ и имущества, прошивъ посягательства низкихъ страшей; насилія и ладность необузаны судебными установленіями; торговля осмается добычею грабительству, и самая язва ежегодно можешь возобновлять свои опустошенія, не находя никакого препятствія въ заблшлвостии Правительства.

Хошите ли, напрошивъ, сообразить дѣйствія, производимыя на торговлю покровительствомъ законовъ, подкрѣпляемымъ постоянною заблшлвостію правительства? Разсмотримъ безмѣрные успѣхи Великобританіи, возьмите въ исторіи ея по время, когда были положены первыя основанія ея благосостоянія; вы найдете, что ея рождающаяся промышленность была предметомъ внимательныхъ и неуспяныхъ попеченій ея Государей; выгоды торговли занимали пер-

вое мѣсто въ народныхъ совѣщаніяхъ, и величайшіе Государственные люди избирали предметомъ своихъ размысленій изученіе народнаго богатства и средствъ его умноженія.

Чтобы показати связь дѣйствій и причинъ, означимъ наскоро сокращеніе торговыхъ узаконеній Великобританіи.

Съ 1225 года находятъ одинъ законъ Генриха III, коимъ купцы получили, непосредственно послѣ Бароновъ, первое мѣсто между свободными людьми. Въ его царствованіе успроцлась одна суконная фабрика и установлено, чтобы во всемъ Государствѣ была одинаковая мѣра. Въ 1331 году Эдуардъ III вызвалъ Фламандскихъ ремесленниковъ въ Англію, для того, чтобы они научили своимъ мастерствамъ нгуземныхъ обитателей. Въ 1337 году Парламентъ установилъ вывозъ Англійской шерсти, снабжавшей Фландрскія фабрики и воспретилъ ввозъ суконъ съ твердой земли на шотъ конецъ, что бы обезпечить выгоду совершеннаго сбыта своеземныхъ произведеній сего рода; онъ даровалъ вольности иностраннымъ рабочишкамъ, дозволивъ имъ селиться въ Англіи. Въ 1381 году положено начало акту мореплаванія въ одномъ законѣ Ричарда II, коимъ дозволено всѣмъ Королевскимъ под-

даннымъ ввозить и вывозить всякой поварь-
шолько на корабляхъ, снаряжаемыхъ съ Ко-
ролевскаго дозволенія, ш. е. исключая ино-
странныхъ. Многие законы того же цар-
ствованія покровительствуютъ рыбной лов-
ль, ограничивающъ дѣйствія исключительна-
го торго (монополіи), учрежденнаго обще-
ствами и дозволяющъ всякому Англичани-
ну вольной вывозъ хлѣба изъ Государства.
Георіихъ VII ограничилъ вредныя преимуще-
ства обществъ, уменьшилъ множество без-
полезныхъ служителей, находившихся при
домахъ вельможъ; облегчилъ усупку имѣ-
ній, бывшихъ до того во владѣніи малаго
числа Бароновъ и покровительствовала раз-
дробленію земель и увеличенію поземельныхъ
ошкуповъ. Георіихъ VIII ободрялъ обрабо-
тываніе конопли и льну, повелѣлъ вымо-
стить улицы и утвердилъ закономъ денеж-
ный ростъ въ 10 процентовъ. Эдуардъ VI
вызвалъ многія тысячи иностранцевъ для
усовершенствованія Англійскихъ ремеслъ;
онъ старался увеличить рыбную ловлю
около Ирландіи, Новой Земли и Исландіи;
отвратилъ спачки работниковъ къ возвы-
шенію заработной платы; наказывалъ; об-
манъ, вкрадывавшійся въ торговлю и по-
кровительствовалъ фабрики, искавъ спосо-
бовъ къ выгодному снабженію ихъ сырыми

веществами, нужными для работы. Огора-
живаніе полей, запрещенное актомъ Георіиха
VIII, разрѣшено въ 1549 году, какъ по-
лезное для земледѣлія, не смотря на недо-
вольствіе черни. Съ 1285 года Эдуардъ I
разпроспиралъ дороги, посредствомъ ко-
ихъ сообщались разные торговые города; а
закономъ Филиппа и Маріи, поставлена въ
обязанность каждому обывателю четырех-
дневная въ теченіе года работа, для содер-
жанія сихъ дорогъ; въ послѣдствіи, при Кар-
лѣ II, узаконенія сіи дополнены успановле-
ніемъ пошланы за проѣздъ, коею произво-
дилась плата дорожнымъ работникамъ. Ели-
савета ввела въ употребленіе награды для
лѣтѣхъ, кои построили корабли во 100 тон-
новъ; а наследникъ ея Іаковъ I, увеличилъ
сіе поощреніе; онъ принялъ надлежащія мѣ-
ры противъ моровой язвы; покровитель-
ствовалъ промышленности противъ исклю-
чительнаго торго; обезпечилъ земледѣльче-
скую собственность; даровалъ всякому Ан-
гличанину безъ различія права свободнаго
торго съ Испанією, Португалією и Фран-
цією. Карлъ I давалъ награжденія въ пять
фуншовъ сперлинговъ всякому, построив-
шему корабль въ 200 тонновъ; онъ пони-
зилъ денежный ростъ до 8 со сна, и покрови-
тельствовалъ населенію Сѣверной Амери-

ки и Антильскихъ острововъ. По возстановленіи Королевскаго Правленія, внутренняя торговля облегчаема была улучшеніемъ дорогъ, открытіемъ каналовъ и ошмѣною нѣкоторыхъ щягосныхъ налоговъ; разными узаконеніями умножаемо было число кораблестроителей и торговыхъ мореходцевъ, и введены въ Великобританіи новыя способы обрабатыванія земли и рукодѣлій. Вильгельмъ III принялъ Французскихъ выходцевъ, которые усовершенствовали фабрики шелковыя и писчей бумаги, въ особенности же выдѣлку шафты. Англійскій Банкъ, основанный въ 1694 году, распространилъ обращеніе народнаго богатства, рыбака ловля и положившия фабрики получали выгоды, которыя способствовали ихъ разширенію. Производство пераца монещъ облегчало внутреннюю и вѣшнюю торговлю. Въ царствованіе Королевы Анны, Англія продолжала пользоваться переселеніемъ и промышленностію Французскихъ Протестантовъ; присоединеніе Шотландіи увеличило ея могущество.

Георгъ I понизилъ законный ростъ до 5 со спа; онъ въ 1716 году основалъ непрѣмный капиталъ, определенный къ постепенному погашенію Государственнаго долга и заключилъ торговый союзъ съ Испанією;

въ 1718 году запретилъ онъ всякому Англійскому подданному производить торговлю въ Индіи подъ чужеспраннымъ флагомъ и освободилъ онъ всѣхъ ошвозныхъ пошлинь подошна, выдѣланныя въ Англіи; онъ разсыпалъ награды заводамъ желзнымъ, бронзовымъ и другихъ мешаловъ; увеличилъ поощреніе за шелковыя издвлія. Чшобы докончить, какъ говаривалъ онъ, благодѣянія свои торговлѣ, усилилъ законы 1672 и 1700 годовъ, и дозволилъ всѣмъ иносранцамъ вывозить безошлинно произведенія Великобританіи, исключая предметовъ продовольствія. Въ царствованіе Георга II, укоренены многіе иносранцы, искусные въ киновой ловлѣ; въ 1754 году основано общество поощренія искусствъ, рукодѣлій и торговли, а Бриганскія поселенія въ Западной Индіи и Сѣверной Америкѣ увеличились селеніями, приобрьшенными отъ Франціи. Наконецъ въ продолжительное, бурное и достопамятное царствованіе Георга III возрасли дѣйствія Бриганскихъ узаконеній, благопріятствовавшихъ торговлѣ, множествомъ покровительственныхъ распоряженій, какихъ только можно ожидать отъ вѣка просвѣщеннаго и народа, способнаго пользоваться опытностію прошедшихъ временъ. Въ 1773 году постановлены правила на возвышеніе цѣны

хлѣба и способовъ запрещенія привозной и отвозной торговли онымъ; въ печеніи шокмо 14 лѣтъ, постановлено 700 законовъ объ огораживаніи земель, осушеніи болотъ, раздѣлѣ и приведеніи въ лучшее состояніе помѣстьевъ, доплатѣ необработанныхъ и бесплодныхъ. Въ 14 Парламентскихъ засѣданій издано 452 закона о строеніи и улучшеніи дорогъ, и 90 о прорытіи каналовъ и приспособленіи рѣкъ къ судоходству. Своеземныя издѣлія ободрены изысканіями, денежными наградами и отвлращеніемъ ввоза обработанныхъ иностранныхъ произведеній, кромѣ сырыхъ, посредствомъ запрещеній и чрезвычайнаго возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Въ продолженіе 25 лѣтъ, выбило на 825 милліоновъ золотой и серебряной монеты, и совокупностію сихъ мѣръ, или содѣйствовавшихъ событіямъ или породившихъ оныя, Великобританія достигла слѣдующаго состоянія:

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка вывозъ ея ограничивался по десятикратней сложности 156 милліоновъ франковъ. Съ 1793 по 1812 годъ составлялъ оны, не смотря на войну, 738 милліоновъ; а съ 1815 по 1822, возвысился при посредствѣ мира до 1294 милліона. Слѣдовательно Англія, при покровительствѣ законовъ, увеличила свою отвоз-

ную торговлю въ девять разъ съ прѣшью противъ того, какъ она была за 110 лѣтъ.

Мореплаваніе, какъ истинное мѣрило успѣховъ торговли, представляешь пропорцію, не менѣе чрезвычайную. Въ 1347 году было 125 купеческихъ кораблей, отправлявшихъ всю Англійскую торговлю. Въ 1615 году, считалось только 884 корабля, изъ коихъ половина служила для перевоза каменнаго угля изъ Нью-Каспла. Въ 1754 году, вѣнцянская торговля занимала 2000 кораблей въ 170 тысячъ тонновъ; шакское же число судовъ было для прибрежнаго плаванія, что все составляло около 320 тысячъ тонновъ груза. Съ 1819 по 1821 годъ, среднее число груза записанныхъ купеческихъ кораблей, возвысилось до 2,600,000 тонновъ; грузъ кораблей пришедшихъ составлялъ 2,300,000, а отшедшихъ 2,200,000 тонновъ.

Изъ новѣйшихъ свѣдѣній видно, что грузъ всякаго рода товаровъ, отпущенныхъ изъ Англійскихъ портовъ, былъ:

въ 1823 году 2,610,000 тонновъ.

— 1824 — 3,182,000 — —

Число кораблей, отшедшихъ подъ Англійскимъ флагомъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ было слѣдующее:

1821 года 9111. 1822 года 9173.

1823 — 9251. 1824 — 11731.

Изъ числа ихъ, купеческіе корабли, построеныя на Англійскихъ верфяхъ, имѣли слѣдующее количество груза:

въ 1823 году	780	кораблей	67,144	тонн.
— 1824 —	847	— —	86,028	— —
— 1825 —	1011	— —	100,000	— —

И такъ, не восходя далѣе 66 лѣтъ, достаточнo сего періода, чтобы показать увеличеніе количества груза Англійскихъ кораблей, превосходящаго въ семь съ половиною разъ изчисленное въ 1754 году. Количество же груза купеческихъ кораблей, построенныхъ въ 1825 году, почти половиною превосходитъ количество груза кораблей, сооруженныхъ въ 1823 году.

Сѣверо-Американскія Соединенныя Области, слѣдуя торговымъ учрежденіямъ и законамъ Великобританіи, получили, кажется, еще большія выгоды, когда разсудимъ, что выгоды сіи приобрѣшены только въ 40 лѣтъ. По словамъ славнаго Бурке, вся цѣна опшозныхъ товаровъ въ Англійскихъ Сѣверо-Американскихъ селеніяхъ, простиралась въ 1775 году до 24 милліоновъ франковъ. Въ 1818 году, она возвысилась до 369,272,000. Грузъ купеческихъ судовъ простирался до 1,350,000 тоннъ, изъ коихъ 1,250,000 были въ дѣлѣ и занимали 62 тысячи машровъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе ме-

нѣ нежели полулѣтъ, изъ коего прешья часпъ была подвержена бѣдственному вліянію войны, Соединенныя Области, при благопріятствѣ торговаго ихъ законоположенія и счастливыхъ обстоятельствъ, увеличили свою опшозную торговлю 345 милліонами, т. е. въ 15 разъ болѣе, нежели имѣли вначалѣ.

Законы, содѣйствовавшіе раскрытію безлѣрныхъ успѣховъ Великобританіи и Соединенныхъ Облаетей, не совершенно различны въ сущности своей отъ законовъ, изданныхъ въ пользу торговли и промышленноспи во Франціи. Таковыя установленія по началу своему болпшею частію принадлежатъ Французамъ (*), и сунъ благодаренія въка Лудовика XIV и шворческаго ума Кольберта. Французы въ Государственныхъ своихъ законахъ, имѣють вѣрныя ручательства, безъ коихъ торговля была бы подавлена по произволу монополіи, банкротспва и шайнаго провоза товаровъ. Въ ихъ гражданскомъ образованіи еспъ все установленія, коихъ нужду доказала опшь. Консульскіе агенты надзирають въ опдаленныхъ спранахъ за торговыми предпріятіями Фран-

(*) Вспомнимъ, что Сочинитель сей спашы Французъ. *Прим. Изд.*

цузскихъ подданныхъ; союзные и дружественныя договоры завѣряющъ въ благопріятномъ пріемѣ; предварительная извѣстность тарифныхъ пошлинъ, дозволяешь расчитываешь вѣроятности успѣха, не опасаясь притѣсненій; судилища Французскія спрогимъ и непристрастнымъ правосудіемъ соглашающъ выгоды, обуздывающъ злоупотребленія и охраняющъ порядокъ и довѣріе. Въ затруднительныхъ случаяхъ, торгующія гильдіи совѣщаются между собою и представляютъ чрезъ просвѣщенныхъ торговцевъ свои разсужденія, копорія пріемлются, какъ совѣты мудрости. Наконецъ, Правительство въ Верховномъ Совѣтѣ своемъ приводитъ въ порядокъ все свѣдѣнія, могущія увеличить богатство торговли, и совѣщанія сіи удостоиваются предсѣдательствомъ самаго Монарха. Какихъ же еще благодѣтельныхъ установленийъ недостаетъ Французской торговлѣ? Въ семъ отношеніи, Французы имѣющъ все, что можешь принести пользу; и свѣдѣнія о гражданскомъ ихъ устройствѣ, представляющъ одну изъ самыхъ высшихъ степеней, до какой только образованіе можешь достигнуть. Совокупность же сего устройства есть одинъ изъ наилучшихъ памятниковъ, коими человеческій разумъ можешь хвалиться и при нѣкопрыхъ по-

выхъ мѣрахъ и пособіяхъ, безъ всякой впрочемъ ошмвы въ законоположеніи, съ твердою увѣренностію должно ожидать всякой защиты, нужной къ усовершенствованію земледѣлія и промышленности и къ успѣхамъ торговли.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Прогулка Ватертонъ по нѣкоторымъ областямъ Южной Америки и Соединенныхъ Штатовъ.

(Продолженіе.)

„Для распространенія познаній въ Естественной Исторіи, я скитался по самымъ дикимъ мѣстамъ равноденственныхъ странъ Южной Америки. Я атаковалъ и убилъ новѣйшаго *пифона*, ѣздилъ верхомъ на крокодилѣ, и былъ въ положеніи совершенно прошивномъ какому нибудь щеголю, развѣзжающему на конѣ предъ красавицами въ Гайдъ-Паркѣ. Босой и одинокой, я вызвалъ спрашную змѣю изъ ея поры; взлѣзалъ на высочайшія деревья, чтобы наловить разнаго

рода лешучихъ мышей, скрывающихся въ щеляхъ. При палачемъ знои, или во время проливнаго дождя, часто заходилъ въ чащу дремучихъ лѣсовъ, для онысканія естественныхъ произведеній, каковыхъ еще я не имѣлъ. Преслѣдовалъ самыхъ лютыхъ звѣрей по горамъ и долинамъ, по оврагамъ и болотамъ; и вечеромъ, изнуренный усталостію и голодомъ, возвращался на свою койку, съѣсть нѣсколько грубой и сухой пищи. "А какъ истребленіе повѣйнаго пифона и поѣдка на крокодилѣ, безъ сомнѣнія, сильно возбуждаютъ любопытство чинашеля, то мы спѣшимъ къ удовольствію его рассказать о сихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ. Многіе, можешь быть, изъявлять свою недовѣрчивость, хотя въ эшомъ нѣтъ ничего совершенно не возможнаго. Кардиналь Рець говоритъ, что одни только возвышенные умы способны различать трудное отъ неудобноисполнимаго. Умы посредственные, напротивъ, починають невозможнымъ все, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ. При повѣствованіи о богатырствѣ Г. Вашерсона, мы будемъ употреблять почти всегда собственныя его выраженія.

Съ великимъ нетерпѣніемъ желалъ она увидѣть змѣю *кулаканару* (*coulacana*), имѣющую не рѣдко отъ восемнадцати до двад-

цати фузовъ въ длину и ширину чрезвычайную. Однажды старый негръ увѣдомилъ его, что нашелъ такую змѣю въ пещерѣ. Надлежало употребить нѣсколько времени для очищенія кузовъ и расчѣпій, заграждавшихъ входъ въ оную. Два негра, находившіяся при Г. Вашерсонѣ, убѣждали его умертвить змѣю, но онъ хотѣлъ взять ее живою, дабы, нисколько неповредивъ кожи, содрать оную, пока еще будешь свѣжа. Онъ приближался между двумя неграми, изъ коихъ одинъ держалъ копье, а другой былъ съ ножомъ, и оба шептались отъ страха. Чудовище лежало свернувшись во многія кольца, и голова его, выходившая изъ подъ впадины сгиба, покоилась на землѣ, въ положеніи весьма благопріятномъ намѣренію Г. Вашерсона. Тихо подкрался онъ съ Неграми, ужасъ коихъ еще болѣе усугубился; онъ схватилъ копье, ударилъ змѣю возлѣ головы и такимъ образомъ, пригвоздилъ ее къ землѣ.

Тотчасъ, говоритъ онъ, Негръ, споявший возлѣ меня ближе, взялъ у меня копье и крѣпко держалъ оное въ прежнемъ положеніи, а я вползъ въ пещеру, чтобы схватить змѣю за хвостъ.

Когда она почувствовала, что была припкнута желззомъ, то зашипѣла такъ спрашно, что собака моя отъ ужаса убѣ-

жала съ воємъ. Мнѣ должно было выдержать весьма трудную борьбу въ пещерѣ. Я бросился на хвостъ чудовища, но будучи не въ силахъ удержатъ его, позвалъ другаго Негра, и приказалъ ему лечь на меня. Сія удвоенная тяжесть оказала мнѣ великую помощь, я наконецъ схватилъ его крѣпко за хвостъ. Послѣ двухъ жестокихъ потрясеній, змѣя, чувствуя превосходство нашей силы, усмирѣла. Тупъ мы ободрились. И между шѣмъ, какъ одинъ изъ моихъ Негровъ по прежнему держалъ копьѣ, а другой сидѣлъ на мнѣ, и кое-какъ доползъ до ея пасти и связалъ оную моими помочами, кои не безъ труда могъ снятъ.

Змѣя, находясь въ мучительномъ положеніи, принималась снова биться, но была уже совершенно въ нашихъ рукахъ. Она обвилась наконецъ вокругъ копьа, и мы понесли ее изъ лѣсу. Я крѣпко подхватилъ голову змѣи подъ свою мышку, между шѣмъ, какъ одинъ Негръ поддерживалъ ея брюхо, а другой хвостъ. Такимъ образомъ, шли мы медленно къ моему жилищу, и пока прибыли на мѣсто, останавливались для отдыха разъ десятъ, ибо змѣя была очень тяжела, и мы не могли перенести ее безъ остановки.“

Сіе чудовище имѣло чашыринадцать футовъ длины, а ширину двадцати чепырехъ футоваго удава. День склонялся къ вечеру и нельзя было заниматься сдираниемъ кожи, а пошому и оставили до другаго дня, съ трудомъ уложивъ его въ большой мѣшокъ.

„Не могу сказать, чшобы я провелъ ночь спокойно. Койка моя расположена была въ избѣ, надъ самымъ шѣмъ мѣстомъ, гдѣ змѣя брошена была подъ полъ; а какъ оный былъ весьма вѣшъ и неполезенъ, шо ничшо и не ограждало меня отъ нея. Она безпрестанно ворочалась. Если бы сама Медуза была моею женою, шо и тогда спальня моя не болѣе была бы оглашаема безпрерывнымъ и ужаснымъ шипѣниемъ. На разсвѣтѣ послалъ я за десятью Неграми, рубившими лѣсъ. Хотя такое число людей было излишне, но благоразуміе пребрвало взять сію предосторожность, дабы удержатъ змѣю, если бы она покусилась уйти при раскрышій мѣшка.“

Однако же ничего не случилось; голову ей опрублили и кровь полилась какъ изъ быка. Спустия нѣсколько времени пушешенникъ нашъ имѣлъ новое дѣло съ молодю кулаканарюю, на которюю набрелъ онъ, когда ползала въ лѣсу.

„Я смѣкнулъ, что она не такъ сильна, чтобы смять мою руку, если бы обвилась вокругъ нея. Не должно было терять ни минуты. Я сжалъ на колено, схватилъ за хвостъ ея лѣвою рукою, а правою подставилъ шляпу на подобіе щипца. Змѣя потчасъ оборотилась, какъ бы вопрошая меня, какъ смѣлъ я пощупать съ ея хвостомъ такъ дерзко. Я позволилъ ей прогнать голову свою на два фута отъ моего лица, и тогда со всей силы ударилъ ее кулакомъ въ челюсть. Оглушивъ ее такимъ образомъ и не давая ни сколько опомниться, схватилъ ее за горло такъ, чтобы не могла меня укусить. Тогда позволилъ ей обвиться вокругъ моего шѣла и пошелъ впередъ съ сею добычею, какъ бы съ шріумфомъ. Она сжимала меня крѣпко, не причиняя впрочемъ никакого беспокойства.“

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ нашъ путешественникъ развѣзжалъ верхомъ на крокодилѣ. При прѣрешей шокмо его поѣздкѣ ошважилъ онъ на сіи два предпріянія, достойныя новаго Геркулеса. „Я провель, говоришь онъ, девять лѣтъ при осадахъ Трои и ничего еще не могу сказать пріятнаго Греціи; *nil decimo nisi dedecus anno.*“ Новый подвигъ неуспрашимости его случился на берегахъ Эссеквебо.

„Солнце давно уже закатилось. Небо было чисто и луна разливала вокругъ меня свѣтъ яркій и пріятный. Въ воздухъ не было примѣшно ни малѣйшаго движенія ветра. Рѣка текла тихо и представляла видъ большого озера рпуши. Отъ времени до времени раздавались стоны непопырей, смѣшавшіеся вскорѣ съ рыканіемъ шигра. Потомъ воцарилась прежняя тишина и безмолвіе, какъ въ полночь.“

„Я могъ различать попеременно голоса крокодиловъ отъ криковъ *гуара* (*), совы и лягушекъ. Шумъ первыхъ необыкновененъ и ужасенъ. Онъ былъ подобенъ гучому воплю и раздавался въ воздухъ мгновенно: гулъ его такъ силенъ, что можно слышать оный за милью. Сперва одинъ подавалъ сей сипрашный голосъ, а потомъ другіе ошвѣчали ему. Смотри на лица моихъ спутниковъ, я ошкрывалъ надежду увидѣть *каимана* (**), въ сію же ночь.“

Г. Вашернонъ нацѣпилъ на уду большую рыбу, кошорую каиманъ пожиралъ сразу чепыре ночи, но за уду не взялся. Не получивъ успѣха въ своемъ намбрѣніи, путешественникъ переправился чрезъ рѣку и

(*) Американскій шигръ.

(**) Крокодилъ Американскій.

встрѣшилъ нѣсколько Индѣйцевъ. Онъ показалъ одному изъ нихъ уду свою, но сей, покачавъ головою, усмѣхнулся. „Вѣроятно, думалъ Г. Вашершонъ, сей бѣдный живель дѣсовъ знаешь другой способъ, лучше моего, что и оправдалось на самомъ дѣлѣ. Индѣецъ сдѣлалъ родъ якоря изъ четырехъ кусковъ швердаго дерева съ вѣшками, и прикрѣпилъ къ нему веревку длиною въ тридцать аршинъ, привязавъ другой конецъ ея къ столбику на берегу. Онъ нацѣпилъ на сѣю уду кусокъ *акуринаго* (*d'acougi*) мяса и повѣсилъ ее на длинный шестъ, цѣлымъ шумомъ выше поверхности воды.“

Когда все было готово, Индѣецъ началъ стучать кололушкою по раковинѣ морской черепахи. Г. Вашершонъ спросилъ его, къ чему такой шумъ? онъ отвѣчалъ: „чтобы возбудить вниманіе каймана.“ Всѣ ушли спать, кромѣ Индѣйца; самъ Г. Вашершонъ отправился на свою койку. На разсвѣтѣ, Индѣецъ поднялъ крикъ, что крокодилъ схватилъ уду. Тогда всѣ бросились къ мѣсту дѣйствія. „Товарищество наше, говорили Вашершонъ, составляли четыре дикіе изъ Южной Америки, два Африканскіе Негра, одинъ Креоль изъ Тринидада и я, бѣлый человекъ изъ Юркшвра.“ Вся шумность заключалась въ шумъ, чтобы вынуть

каймана изъ воды, не повредивъ его чешуи. Индѣйцы не хотѣли вышаскивать его на землю живымъ, говоря, что онъ расперзаетъ ихъ на части и предлагали пустишь въ него десятокъ стрѣлъ. „Но, по словамъ нашего путешественника, это уничтожило бы всѣ шруды. Я прошелъ болѣе прехъ сошь миль, чтобы получить каймана въ хорошемъ видѣ, а не изуродованнаго.“ Онъ сообразилъ, что если возьмешь изъ челнока мачшу, имѣющую восемь фузовъ въ длину, и бросаешь на колено, устлавши ее, какъ создашь шпыкъ, то можешь вонзить оную въ горланъ крокодила, когда сей кинется на него съ разверстою пастию.

„Признайся, я чувствовалъ себя тогда не совсемъ въ пріятномъ положеніи. Люди мои вышинули каймана на поверхность воды; но когда опустили нѣсколько веревку, онъ погрузился съ яростию. Однако жъ я успѣлъ увидѣть его столько, чтобы плънись имъ совершенно. Послѣ сего, я сказала, что готовъ подвергнуться всякой опасности, лишь бы вышацишь его на землю. Работники послушались; и я узрѣлъ: *monstrum horrendum, informe, ingens* (*). Минута восхишительная! Я споялъ по-

(*) Чудовище, страшное, безобразное, огромное.

мыхъ. Такъ оправдываетъ онъ *дятла* (*charpentier*), *полуощника* (*engoulevent*) (*), *тихохода* (*pareseux*), опзываясь довольно выгодно даже о коршунѣ. Ть изъ чипашелей, кои спавушь издѣваться надъ жаркимъ усердіемъ, съ какимъ онъ принялъ ихъ спорону, не поражааясь нисколько искусствомъ его доказательствъ, и не уважая чувствованій доброты, побудившихъ его бышь ихъ заступникомъ, не должны чипашь предлагаемыя нами выписки. Чшо касается до насъ, шо скажемъ рѣшительно, что если бы даже похвалы его тихоходу, были единственныиъ плодомъ *прогулокъ его* въ Южной Америкѣ; шо и тогда оказалъ бы онъ услугу Естествоиспытателямъ и самой Природѣ, представивъ въ насъощающемъ видѣ одно изъ ея швореній, самое жалкое и весьма мало нами уважаемое. Сей мнимый образецъ лѣнноти, естѣ, напрошивъ, какъ доказано имъ, весьма дѣятельное живошное. Оно уподобляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шѣмъ горнымъ жишелямъ, кои питаюшся скудною и грубою пищею и находяшъ удовольствіе, предаваясь безпокойствамъ, и ходя по дорогамъ каменнштымъ и шруднымъ. Слѣдующее описаніе, сдѣланное нашимъ путешеш-

ственикомъ, естѣ образецъ искусства и пріяшности, съ каковыми онъ сообщаешъ наблюденія свои въ области Естествошвенной Ишпоріи :

„Страна сія естѣ ошечество *Тихохода*. Онъ какъ будто вдругъ спарается возбудить состраданіе ваше своими взглядами, движеніями и голосомъ. Эшо сушь единшвенныя орудія, данныя ему природою для защиты. Между шѣмъ, какъ другія живошныя, соединаясь въ стада или спави, бродяшъ вмѣстѣ по симъ дикимъ и величешвеннымъ пущинамъ, Тихоходъ шашся въ уединеніи и почти неподвиженъ, лишенный даже возможности ошъ васъ уйти. Говоряшъ, что жалобныя споны его, смягчаюшъ даже и самаго шигра. Ахъ! не будѣте же вы жестокосерднѣ! не шрѣляйте въ него изъ ружья, не пускайте въ него ядовитой шрѣлы, ибо онъ естѣ живошное самое миролюбивое, никогда не нападающее на другаго!

„Нѣсколько лшшьевъ весьма обыкновенныхъ и грубыхъ, составляюшъ всю его нищу. Сравните Тихохода съ другими живошными, органы его окажутся вмѣстѣ и недоспащочными и излишними. У него нѣшъ переднихъ зубовъ, и хошя имѣете чешыре желудка, но не находимъ у него длинныхъ кишковъ, каковы бываюшъ у живошныхъ съ

(*) *Caprimulgus*.

жвачкою. У Тихохода, какъ и у пшпцъ, одинъ только нижній проходъ. Ноги его безъ плесны, и онъ не можеть шевелить своими пальцами порознь. Шерсть на немъ гладкая и похожа на дервь, изсушенный зимнимъ вѣтромъ. Лапы весьма короткия и, по обыкновенному соединенію съ шѣломъ, весьма безобразны; по видимому, онъ могущъ служить ему только для ползанія по дереву. Онъ имѣеть сорокъ шесть реберъ, между шѣмъ, какъ у слона только сорокъ; когти его величины несоразмѣрной. Если бы вы захотѣли показать относительныя превосходства четвероногихъ животныхъ; то сіе неспрошное и жалкое швореніе, вѣроятно, поставлено будетъ послѣднее на послѣдней степеніи.

„Писавшіе о семъ спранномъ животномъ полагали, что въ медленности его движенія нѣтъ ему подобнаго, и что оно бываетъ какъ будто приковано къ одному мѣсту; что съѣвши всѣ листья на деревѣ, на которое вползло, оно свертывается въ клубокъ и бросается съ него на землю. Все это не вѣрно.

„Когда бы Естествоиспытатели, общившіе извѣстіе о Тихоходѣ, изслѣдовали его качества и дѣйствія въ пустынѣ; то конечно не написали бы ничего подобнаго

вышесказанному. Они убѣдились бы, что ежели всякое другое животное, должно быть описываемо, во время его опдыха на землѣ, то упоминаемое нами надлежитъ разсматривать на шѣнистомъ деревѣ.

„Сей чудный звѣрокъ живеть во глубинѣ дремучихъ лѣсовъ, въ конхъ водятся ужасныя змѣи, а также муравьи и скорпіоны, не менѣе опасныя, и куда заграждень входъ образованному человеку болошами и колючимъ кустарникомъ. Чиная, въ Естествоиспытанной Исторіи, описаніе Тихохода, легко можно замѣшисъ, что сочинявшіе оное не проникали для изслѣдованія свойствъ его въ обитаемыя имъ пустыни, и слѣдовательно не видѣли, почто ли сіе животное, кажущееся намъ шакъ жалкимъ, столь худо сложеннымъ и до шакой степеніи неспособнымъ пользоваться благами, щедро излитыми на всѣ существа, есть погрѣшность самой природы. Мы уже сказали, что у него нѣтъ плесны на ногахъ; а потому, когда спарается пройти по землѣ, то бываетъ въ великомъ затрудненіи и, смотря на васъ, кажешся, говоритъ: *пожалуйте обо мнѣ, я достоинъ вашего состраданія.*

„Тихоходовъ ловящъ Негры и Индѣйцы и доставляющъ ихъ бѣлымъ. Изъ сего можно заключить, что ошибочныя о немъ

расказы, составлены были не съ шѣмъ на-
мѣреніемъ, чшобы обманывать читателя,
или занимать его описаніями необыкновен-
ными; но чшо сіи недоразумѣнія произошли
единственно ошъ шого, чшо Тихоходъ былъ
разсматриваемъ въ шакихъ мѣстахъ и въ
шакое положеніи, кои не согласны съ его
врожденными качествами.

„Но вошь мы шенерь въ его опечесствѣ.
Человѣкъ рѣдко заходитъ въ сіи густыя и
величественныя лѣса, окружающіе меня на
ешоль большое пространство. Эшо насто-
ящее время для наблюденій о Тихоходѣ. Раз-
смотримъ сначала устройство его органовъ,
и шогда мы лучше поймемъ обыкновенныя
его дѣйствія въ мѣстахъ, назначенныхъ ему
природою. Переднія лапы кажутся слиш-
комъ длинны, между шѣмъ, какъ заднія очень
коротки и имѣють нѣкоторое сходство со
шшопоромъ. Толь спиральное образованіе ногъ
причиною, чшо ошъ не могутъ дѣйство-
вать перпендикулярно, и поддерживать его,
подобно прочимъ четвероногимъ. Посему,
когда бываетъ ошъ на землѣ, брюхо его все-
гда до нея касается. Но если бы лапы его
не были шакимъ образомъ расположены, шо
шѣмъ съ большимъ шрудомъ могъ бы ошъ
держаться на нихъ; ибо ноги его безъ пле-
сы, когти же длинны, оспры и загнуты,

шакъ, чшо когда ошъ спойшъ, шо поддер-
живается одними ихъ оконечностями, по-
добно человѣку, кошорый вздумалъ бы опе-
реться на концы своихъ пальцевъ, на ру-
кахъ и ногахъ. Если бы земля была совер-
шенно ровна, шо Тихоходъ не могъ бы сой-
ти съ мѣста; но какъ поверхность оной
вообще кочковата и усыяна камнями и ку-
сиками шравы, а пошому ошъ протяги-
ваетъ свои лапы въ разныя стороны, пока
за чшо нибудъ не удѣпится, и шогда уже
подаешся впередъ, но съ шакою медленно-
стію и неловкостію, чшо эшо самое заспа-
вило дашь ему названіе *Тихохода*. Печаль-
ныя взгляды и вздохи его показывають въ
шое время всю шрудность его положенія.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

Нынешніе Англійскіе Министры.

Въ *Gazette de France* отъ 11 Августа, No 235, помѣщены слѣдующія извѣстія о нынѣшнихъ Англійскихъ Министрахъ, собранныя изъ жизнеописаній, Лондонскихъ Газетъ и разговоровъ съ Англичанами:

Министры Члены Палаты Лордовъ:

Лордъ Годричъ, (извѣстный прежде сего подъ именемъ Робинсона) первый Лордъ Казначейства, имѣетъ 42 года отъ роду, меньшій сынъ Лорда Гранама, женатъ на сестрѣ Маркизы Лондондерри, вдовы Министра. Лордъ Годричъ началъ политическое свое поприще, всступленіемъ въ миссію Лорда Кастельре, при Шашильонскомъ Конгрессѣ въ 1814 году; въ послѣдствіи его назначили Казначеемъ Морскихъ силъ и Вице-Президентомъ Коммерческаго Департамента. Въ 1822, онъ наименованъ Канцлеромъ Финансовъ, и по удаленіи Лорда Ливерпуля, возведенъ въ достоинство Перовъ. Всѣ хваляща въ немъ умѣренность, кошорая въ ны-

нѣшемъ его положеніи, конечно еще увеличился; онъ всегда былъ расположенъ въ пользу уравненія Каполиковъ въ правахъ съ Протестантами.

Лордъ Дудлей и Вардъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, имѣетъ отъ роду 40 лѣтъ. Умѣренные Виги нѣкогда помѣщали его имя въ своемъ спискѣ; со времени кончины его отца, послѣдовавшей за четыре года предъ симъ, онъ принадлежишь къ партіи Тори. Онъ любить Словесность и всегда подавалъ голосъ въ пользу Каполиковъ.

Лордъ Линдгустъ, главный Канцлеръ; отъ роду ему 43 годъ; онъ былъ въ молодости своей отличнымъ адвокатомъ. Онъ родился въ Соединенныхъ Северо-Американскихъ Штатахъ; отецъ его былъ славный Живописецъ Коплей. Онъ всступилъ въ Министрство при Лордѣ Кастельре, и не расположенъ въ пользу дарованія правъ Каполикамаъ.

Герцогъ Портландъ, имѣетъ 54 года отъ роду; Президентъ Совѣта, вмѣсто Лорда Гарробеля. Онъ женатъ на сестрѣ покойнаго Г. Каннинга, и принадлежалъ къ числу умѣренныхъ Виговъ. Его отецъ былъ Министромъ во времена Пишша и Персеваля. Онъ расположенъ въ пользу Каполиковъ.

Лордъ Карлейль, 47 лѣтъ ошъ рожденія; Хранишель печашн. Вигъ умѣренный. Расположенъ въ пользу Каполиковъ, женашъ на сестрѣ Леди Гренвилъ, супруги Посланника при Парижскомъ Дворѣ, и шолько шеперь всшудилъ на поприще подлишки.

Лордъ Бекслей, Канцлеръ Ланкастерскій, извѣсшнй подъ именемъ Вансишарша, весьма свѣдущъ въ Финансахъ; онъ былъ Канцлеромъ Департаментша Финансовъ послѣ Г. Персеваля, умерщвленнаго въ 1812 году, и правилъ сію должность до 1822 года, когда его смѣнилъ Г. Робинсонъ, чшо нынѣ Лордъ Годричъ. Г. Вансишаршъ наименованъ былъ Перомъ, съ оставленіемъ его Членомъ Министерсшва. Ошъ рожденія имѣшъ онъ 64 года. Онъ рѣшительный Тори, но всегда подавалъ зшой голосъ въ пользу Каполиковъ. Лорду Бекслею приписываютъ много опышности въ дѣлахъ Финансовыхъ.

Маркизь Лансдаунъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, имѣшъ 47 лѣтъ ошъ роду, Вигъ умѣренный, и сынъ знаменишаго Маркиза Лансдауна, извѣснаго въ 1761 году Министра, подъ шипломъ Лорда Шельборна. Маркизь Лансдаунъ уже на 26 году ошъ рожденія былъ Канцлеромъ Казначейства, въ крапкое Министерсшво Фокса 1806 года; шогда назывался онъ Сиръ Генри Пеш-

лей. Старшій его братъ былъ шогда живъ и пользовался шипломъ Маркиза. Сей Министръ всегда поддерживалъ шребованія Ирландскихъ Каполиковъ.

Маркизь Энглези, имѣшъ 50 лѣтъ ошъ роду, знаменишый кавалерійскій Генераль, прозванный *Мюратомъ* Англійской арміи. Онъ смѣнилъ Герцога Веллингтона въ званіи Генераль-Фельдцейгмейстера. Онъ рѣшительный Тори, и прошившся дѣлу Ирландскихъ Каполиковъ.

Министры члены Нижней Палаты:

Г. Геррисъ, Канцлеръ Казначейсшва, Тори рѣшительный, имѣшъ ошъ рожденія 48 лѣтъ, племянникъ знаменишаго Банкара сего имени; онъ началъ службу въ Казначейсшвѣ. Въ 1807 году онъ назначенъ былъ частнымъ Секретаремъ Г. Персеваля. По смерти сего Министра, его опредѣлили въ Провіантмейстеры арміи. По заключеніи мира, сія должность прекрашилаь, и Г. Геррисъ помѣщенъ былъ по гражданской частн. По смерти Маркиза Лондондерри, его опредѣлили Секретаремъ въ Казначейсшвѣ и избрали въ Члены Парламентша. Онъ имѣшъ обширныя свѣдѣнія по частн Финансовъ и Политической Экономіи. Онъ обучался въ Германіи, и перевелъ на Англійскій языкъ всѣ сочиненія Г. Генца: о Финансахъ Англии. В

время послѣднихъ преній по дѣлу Ирландскихъ Капюликовъ, Г. Геррисъ подалъ голосъ прошивъ ихъ.

Г. Гускиссонъ, Вигъ умѣренный, Министръ колоній, имѣвшъ осьмь роду 62 года. Весь отдающъ полную справедливость его познаніямъ по всемъ частямъ Финансовъ, Коммерціи и Экономіи Политической. Онъ сынъ Дуврскаго аптекаря, и въ 1791 году прибылъ въ Парижъ, для изученія Хирургіи, находился въ сей столицѣ во время владычества Якобинцевъ и дѣлалъ важныя наблюденія. Г. Питтъ имѣлъ случай оплечить его уже съ сего времени, и лишь только началась война, онъ употребленъ былъ симъ Министромъ. Онъ былъ впорымъ Секретаремъ Министрства Колоній и Иностранныхъ Дѣлъ. Когда Г. Каннингъ, бывшій всегда его другомъ, всунулъ въ Министрство, въ 1807 году, Г. Гускиссонъ назначенъ былъ Секретаремъ въ Казначействѣ; но онъ оставилъ сіе мѣсто, когда Каннингъ вышелъ изъ Министрства послѣ поединка съ Лордомъ Касельере. Въ 1826, Г. Каннингъ снова всунулъ въ Министрство Управляющимъ Ост-Индскими дѣлами, и Г. Гускиссонъ опредѣлился Комиссаромъ лѣсовъ. По смерти Маркиза Лондондерри, его наименовали Президентомъ Де-

партаментна Коммерціи и Членомъ Совѣта. Онъ всегда былъ убѣжденъ въ пользу Ирландскихъ Капюликовъ.

Г. Вейнгъ, Президентъ Департамента Индійскихъ Дѣлъ, смѣнилъ Г. Каннинга въ 1821 году. Онъ въ родствѣ съ фамилією Гревилль, кошорая имѣвшъ сильное вліяніе въ Министрствѣ. Онъ Тори рѣшительный и расположенъ въ пользу Капюликовъ.

Лордъ Пальмерстонъ, Секретарь Военнаго Министрства, имѣющій обширныя свѣдѣнія по сей части управления. Тори, убѣжденный въ пользу Капюликовъ.

Г. Стюрджъ-Бурнъ, богатый помещикъ и другъ покойнаго Каннинга. Тори рѣшительный, но приверженный къ дѣлу Капюликовъ. Онъ Комиссаръ лѣсовъ. Онъ доселѣ никогда не былъ въ Министрствѣ. Его дѣятельность ограничивалась попеченіемъ о пособіи бѣднымъ и о человеколюбивыхъ заведеніяхъ.

Г. Тирней, 64 лѣтъ осьмь рожденія, Директоръ Монетнаго двора. Въ продолженіе 30 лѣтъ онъ участвовалъ во всехъ преніяхъ Нижней Палаты о разныхъ предметахъ Финансовъ. Въ 1787 онъ имѣлъ поединокъ съ Г. Питтомъ. Въ то время онъ придерживался партіи Виговъ, но когда въ 1800 году Лордъ Аддингтонъ (Лордъ Сидмутъ) смѣ-

нилъ Г. Пипша, Г. Тирней, былъ определенъ Казначеемъ Морскихъ силъ. Онъ оставилъ сию должность съ возвращеніемъ въ Министерствѣ Г. Пипша, и былъ смѣненъ Г; Каннингемъ. Онъ не принадлежалъ къ Министерству Фокса. Будучи отличнымъ ораторомъ, онъ почти всегда придерживался партіи Вигговъ и подавалъ голосъ въ пользу уравненія Капшолоковъ.

Г. Грантъ, бывший Вице-Президентъ, нынѣ Президентъ Департамента Коммерціи, Тори рѣшительный. Съ 1817 по 1822 годъ, онъ былъ Спикеръ-Секретаремъ Ирландскихъ Дѣлъ; онъ явный приверженецъ Ирландскихъ Капшолоковъ. Хвалить его свѣдѣнія по части Финансовъ.

Изъ сего явствуетъ, что въ числѣ пятнадцати Членовъ Министерства, находящагося только пять Вигговъ, и четверо дѣйствующихъ противъ сравненія Ирландскихъ Капшолоковъ съ Протестантами.

Журналистикъ (*).

„Порока и глупости не должно представлять въ увеличительныя зеркала: имъ это по рукъ. Они скажутъ: „мы себя здѣсь не узнаемъ“ — и ваши неправильныя мѣры останутся безъ успѣха. — Лучше допрогивайтесь слегка, но задирайте всегда за живое, т. е. за испинное.“

См. М. Т. 1827 года No 3, стр. 237.

„Какъ непостоянно счастье сего міра! какъ ни скоро оно настигаетъ своего любимца, но все кажется скорѣе, или лучше сказать мгновенныя его ославляюща, и припомъ въ ту самую минушу, когда счастливецъ думаешь вознестись на верхъ онаго,“ мысленно повспорилъ я это старинное правило, сидя подъ окошкомъ и дымаясь въ вапшпашфъ. — Небольшой спукъ заспавил меня оглянущаяся, и я съ удивленіемъ увидѣлъ вошедшаго ко мнѣ стариннаго моего знакомца, Г. Б. . . . — Его посѣщеніе, смирен-

(*) Журналистками называются люди, ничего не читающіе кромѣ нѣкоторыхъ Журналовъ, и ничего не знающіе, кромѣ того, что написано въ нѣкоторыхъ Журналахъ.

ная поступь и приходъ пѣшкомъ, меня крайне удивили. — Бывало Б... являлся всюду съ шумомъ, крикомъ, входилъ въ комнату не снимая шляпы, кобенился, ложился на диванъ, хоня при дамахъ; кашался на лихой чѣтверть въ новомодномъ ландо, или мчался на ухарскомъ рысакѣ въ кабриолетъ, сопровождаемый Англійскимъ жокеемъ; а теперь, пѣшечкомъ пришелъ ко мнѣ шакъ смиренно, что я не приметилъ, какъ онъ вошелъ въ комнату, — все это шѣлъ болѣе меня изумило, что я не видалъ его у себя съ шѣхъ поръ, какъ проказница фортуна нарядила его въ куцой фракъ и снабдила рысаками и кабриолетомъ. — „Здравствуй, любезный другъ, сказала мнѣ печально Б...; я виновата предъ тобою; смѣшное щеславіе, которое называюшь причіемъ свѣша, побудило меня разнакомиться съ тобою.“ Вина не велика, ошвѣчалъ я, не ты первый, не ты послѣдній, — сердилъ мнѣ не за что, что ты, сиди въ раззолоченной каретѣ, не замѣчалъ, или лучше сказать ошвоачивался въ снорону, увидя меня, тихо идущаго по тротуару; — скажи мнѣ шолько, ошъ чего въ шебъ такаа перемѣна?

Б. Увы, мой другъ! счастлие бросило меня; я опять сшал по прежнему бѣденъ, шолько сшал богаче прежняго долгами!

А. Ошъ чего шакъ скоро все перемѣнилось?

Б. Тебѣ извѣстно, что спарая Бригадирша Н... была мнѣ родшвенница, я къ ней всячески спарался поддѣльваться; наконецъ успѣлъ шакъ вкраситься къ ней въ любовь и довѣренность, что она взяла меня къ себѣ жить; будучи сама больна, поручила мнѣ въ управленіе все свое имѣніе и доходы, общая по смерти сдѣлать полнымъ своимъ наследникомъ. — Тушь-шо я зажил ухарски! мой экипажъ, лошади, ливрея, были извѣстны цѣлому городу. — Пришелей у меня была куча: поѣшы и прозаики, псовые охотники и игроки, все шолоно валились ко мнѣ; Шампанское лилось у меня рѣкою; уже по милости моей чѣтверки гнѣдыхъ меня принимали вездѣ въ шонныхъ домахъ, называли *jeune homme, comme il faut*; маменьки и дочки, начинали имѣть свои виды на меня, и не одна красавица, любясь подъ Новинскимъ моимъ экипажемъ, желала нѣкогда вздѣшь въ немъ сомною, какъ Г-жа Б...; уже и самъ я надѣялся назвашъ своею одну изъ Княжень Т...скихъ; но Помне propose, Dieu dispose. Оглушенный виномъ и похвалами друзей, я не зашолся о будущемъ, не старался ушронить свои дѣла, подагал, что моя благодѣтельница безшмерш-

на, какъ вдругъ, сверхъ чаянія она впала въ тяжкую болѣзнь и чрезъ недѣлю умерла, не успѣвъ сдѣлать въ пользу мою духовнаго завѣщанія, безъ котораго я не имѣю ни малѣйшаго права быть ея наслѣдникомъ.

А. Признаюсь ошкровенно, хотя ты и не заслуживаешь сожалѣнія; но я все таки о тебѣ сожалѣю. Привыкнувъ жить пышно, и вдругъ впасть въ нищету, имѣя при томъ кучу долговъ и не имѣя средствъ заплашить ихъ, а можешь быть кончить жизнь въ тюрьмѣ, безъ сомнѣнія ужасно. Да скажи мнѣ пожалуй, много ли ты долженъ?

Б. Больше 140 тысячъ рублей.

А. Какимъ же образомъ, и для чего ты задолжалъ такую сумму?

Б. Сначала, когда еще я только что начиналъ поддѣлываться къ своей родственницѣ, не надѣясь на скорый успѣхъ моего предіріянія, я хопѣлъ, между прочимъ, попышашъ счастья въ карточной игрѣ, а для сего мнѣ нужны были деньги. — Наличными мнѣ никто не вѣрилъ, и я принужденъ былъ покупать вещи на заемныя письма дорого, и продавалъ ихъ дешево на чистыя деньги; такъ напр. купилъ я у барышника пару рысаковъ, далъ заемное письмо ему въ 12 тысячъ рублей, а рысаковъ насилу сбывъ за 2 тысячи рублей. Подобныя сей спеку-

ляціи запушали меня въ долги; приобрѣши же довѣренность моей родственницы, я не заботился съ ними расплашиться; поному что заплашить вѣсь кредиторамъ разомъ я не имѣлъ средствъ, а начашъ удовлетворять по одному, невозможно поному, что эшо подало бы поводъ другимъ насюшешельнѣе пребывать съ меня плашы; къ шому же шодпа кредиторовъ въ прихожей, по жалкому мнѣнію модниковъ, придаешъ вѣсь молодому челошкѣ, желающему быть извѣстнымъ въ свѣшѣ.

А. Эхъ! жить бы тебѣ пошепеннѣе, не вѣздишь бы въ модныхъ кабріолешахъ.

Б. Ахъ! не говори объ эшомъ прокляшомъ кабріолешѣ; воспоминаше о немъ сильшо меня шревожмш!

А. Чшо такое?

Б. Кабріолешъ эшошъ купленъ мною на шѣ деньги, кошорыя я получилъ ошъ покойной моей родственницы, для раздачи ея людямъ на жалованье, кошораго они и по сіе время не получали; жалобы и прокляшія ихъ преслѣдуюшъ меня всюду.

А. Вошъ до чего довело шебя швое удалъштво!

Б. Неужели въ моихъ пошупкахъ ешъ удалъштво?

Я. Конечно, как же назовешь их? Плушовсшвомъ, шакъ ты обидишься; впрочемъ удалсшво и плушовсшво, чущь ли не синонимы.

Б. И шакъ мнѣ осмается ушънашься шъмъ, что я по крайней мѣрѣ Поэшь!

Я. Почему же?
Б. Да въ No 10 М. Т. на стр. 119 сказано: „гдѣ ешь удалсшво, намъ свидсшвенно ешь и Поэзія.“

Я. Прекрасная Логика! превосходный комплиментъ нашимъ Поэшамъ; ежели по мнѣнію М. Т. всякой удалецъ ешь Поэшь, гдѣ нѣчего намъ жаловаться на недосшашокъ въ Поэшакъ: стоишь заглянушь въ смиришельные дома, шо нѣкуда будешь дваться ошь нихъ... Послѣ этого, пожалуй, ошь и швое искусство барышничашь лошадами назовешь похваальнымъ.

Б. А что ты думаешь? да! „лучше всего барышничашь и цыганишь лошадами: въ этомъ ремеслѣ, хошь и не совершенно безгрѣшномъ, все ешь какое-шо удалсшво, и свидсшвенно Поэзія!“

Я. Это кто тебѣ сказалъ?

Б. Все шакъ го No М. Т. стр. 119-я. Да что съ тобою говоришь о Лихерашурѣ! ты профанъ, ничего не знаешь; какой ты любишель просвѣщенія! я думаю, ты не

видалъ и Поэмы Пушкина Цыганы, напечатанной на пергаминѣ?

Я. Нѣшь.
Б. Вошь и видно, что ты не библиографъ и не охотникъ до шипографическихъ рѣдкосей.

Я. Что ты хочешь сказать эшымъ?

Б. А вошь что: въ No 7 М. Т. на стр. 235, извѣщаешь Издашель Библиографовъ и охотниковъ до шипографическихъ рѣдкосей, что одинъ экземпляръ Поэмы: Цыганы, напечатанъ на пергаминѣ.

Я. Очень вѣрю, что напечаташь можно всякую книгу на пергаминѣ; но шолько это совсѣмъ не рѣдкосшь. — Пергамину для Поэмы Цыганы, довольно на 2 рубля, а шрифтъ, вѣроятно для одного экземпляра не былъ выписанъ особенный, — шипографшкѣ все равно, что печашашь одинъ экземпляръ, что боо; ибо плаша шипографіею берешся за наборъ, а не за печашь. Издашель Телеграфа вѣрно слыхалъ, что книги, писанныя и печашанныя на пергаминѣ, дорого цвнящеш, подумалъ, что причиною этому пергаминѣ, а не древность книгъ, кошорыя до изобрѣшенія бумаги изъ пряпокъ, обыкновенно писались и печашались на пергаминѣ.

Б. Не можешь спашься, чтобы Г. Издашель М. Т. не зналъ этого; ошь человекъ

ученнѣйшій, знаешь даже Санскритскій языкъ.

Я. Воля шволя, что хочешь говори, а я никогда не повѣрю, чтобы Г. Издашель М. Т. зналъ по-Санскритски.

Б. Почему же?

Я. Пошому, что не у кого было ему учиться этому языку; а самоучкою выучиться не возможно даже и по-Французски; объ этомъ самъ Г. Издашель М. Т. много разъ *рѣшительно* утверждалъ въ своемъ Журналѣ.

Б. Это вамъ; но инымъ — все возможно. Напримеръ, ты, я думаю, не повѣришь, что можно списать портретъ съ одного и того же человека, который будетъ и похожъ и не похожъ?

Я. Какое противорѣчье! можешь ли это быть? Должно быть что нибудь одно: сходство или несходство.

Б. Нѣтъ! можешь быть то и другое вмѣстѣ. Ссылаюсь на No 9 М. Т. на стр. 33.

Я. Что жъ тамъ написано?

Б. А то, что портретъ Пушкина, написанный Г. Тропининымъ, и похожъ и не похожъ; а вошь доказательства: „сходство портрета съ подлинникомъ поразительно.“ Слѣдовательно портретъ похожъ?

Я. Кажется это ясно.

Б. Далѣе о томъ же портретѣ сказано: „Художникъ не могъ совершенно схватить быспроны взгляда и живаго выражения лица Поэта.“

Я. Такъ стало портретъ не похожъ?

Б. Тамъ же напечатано: „Физиогномія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можешь схватить ее.“

Я. Слѣдовательно всякій, знающій свое дѣло живописецъ, можешь написать портретъ Пушкина удачно?

Б. Казалось бы такъ, но въ слѣдъ за симъ Телеграфъ говоритъ, что физиогномія Пушкина „такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположишь, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе.“ И такъ, видишь ли, что я правъ, сказавши, что есть портретъ, который вмѣстѣ похожъ и не похожъ на того, кого онъ изображаетъ.

Я. Ну, братья, все это похоже на пары зыбкаго идеологизма, посягающаго въ оканнъ безпредѣльности.

Б. Не щеголай чужими-то фразами: объ этихъ парахъ точно такъ сказано въ No 3 М. Т. на стр. 239.

Я. Пожалуй, ежели хочешь, я еще сдѣлаю сравненіе: описаніе въ М. Т. портрета

Пушкина, подобно *свѣтлу дню, проникающе-му нечувствительно, или лучше сказать, неизлѣдимо и туда, гдѣ неощутительно, неочевидно непосредственно дѣйствіе лучей его.*

Б. И это не пиво: объ этомъ неощутительномъ и нечувствительномъ свѣтилѣ почто такъ напечатано въ No 7 М. Т. на стр. 195.

Я. Слѣдовательно, кто теперь ни скажетъ какую нибудь несообразность, ты вѣрно назовешь ее заимствованною и укажешь пошчасъ на кошорую нибудь страницу М. Т., гдѣ она уже напечатана?

Б. Нѣтъ! тамъ несообразностей не печатають; въ М. Т. на каждой страницѣ видна *возвышенная стачка гениевъ.*

Я. Ужь и эту стачку ты нашель не въ Телеграфѣ ли?

Б. Именно, въ No 7 на стр. 195. Да что мнѣ спорить съ шобою; мы съ Телеграфомъ любимъ рѣшительно утверждать, а не спорить; ибо въ спорѣ нужны доказательства, а мы ихъ не шерпимъ. Знаешь ли ты, что Пушкинъ не только знаменитый Поэтъ; но онъ даже и знаменитый воинъ?

Я. Знаю, что Пушкинъ превосходный Поэтъ, но въ первый разъ слышу, что онъ

воинъ; пошому что онъ никогда и не служилъ въ военной службѣ.

Б. Въ М. Т. въ No 10 на стр. 115 сказано, что „Пушкинъ въ удачномъ завоеваніи присвоилъ себѣ племя Цыганъ съ оригинальною ихъ физиогномією и покоришь оное владычеству Поэзіи.“

Я. Я очень радъ, что наконецъ эти бродяги попались *въ добрыя руки*, авось ихъ приучаешь заниматься чѣмъ-либо полезнымъ.

Б. Видишь ли, правду говоришь Издапель Телеграфа въ No 10 на стр. 122, что „Пушкинъ можетъ еще плышь далѣе въ глубь и полноводіе.“

Я. Безъ сомнѣнія для новыхъ завоеваній?

Б. Конечно, онъ опличивѣйшій Поэтъ; скажи, кто ему равень?

Я. Не говоря о древнихъ, можно назвать тебѣ опличивѣйшихъ Поэтовъ, жившихъ въ наши времена, напр. Шиллеръ.

Б. Хотя въ No 1 М. Т. на стр. 58 сказано, что: „Шиллеръ всегда опличный Поэтъ, истинный пророкъ изысчнаго,“ — но далѣе доказываешься, что все его трагедіи не хороши.

Я. Какъ же это такъ? Шиллеръ писатель опличный, а сочиненія его дурны? Это

бращь прошиворвчїе! Напримьрь, его прагедїя Разбойники; не ужели не хороша?

Б. Въ М. Т. Но 8 на стр. 294 сказано: что „въ ней бѣдносьть дѣйствїя, несообразности характеровъ и много промаховъ прошивь правдоподобїа.“

А. Ну, а Заговоръ Фїеска?

Б. М. Т. въ Но 8 на стр. 295, говоритъ, что эша прагедїя не хороша потому, что „въ ней Веррико оставилъ Берту совершенно одну, даже безъ какой-нибудь спарухи, копорая бы могла закричать: *караулъ*.“ А припомъ характеръ Фїеска *списанъ* Шиллеромъ съ Димитрія Самозванца Сумарокова.

А. Славныя доказательства! Что же ты мнѣ скажешь о прагедїа: Коварство и любовь?

Б. М. Т. въ Но 8 на стр. 299 говоритъ, что она „не есть прагедїя, потому что ходъ ея не правдоподобенъ и невѣрояшенъ.“

А. Уже ли и Донъ Карлосъ не хороши?

Б. М. Т. въ Но 8 на стр. 300 и 301, говоритъ, что „въ Донъ Карлосъ, Шиллеръ слишкомъ заговорился, что онъ унижилъ нравственнїй характеръ Донъ Карлоса, представилъ его самымъ ментальнымъ любовникомъ, копорого любовь испаряется въ словахъ и вздохахъ.“

А. Ты вѣрно, шупя, говоришь, что эшо напечатано въ М. Т., пошому, что въ твои сужденїя о прагедїяхъ Шиллера сушь подражанїе сужденїю о классикахъ Г. Поккокуранте въ Вольперовомъ Кандидѣ.

Б. Нѣшь, все сказанное мною, я чиналь въ М. Т. сего 1827 года. Да мало ли ешь шамъ новаго; напримьрь: „многіе Геше, по какому-то *темному слуху*, называюшь величайшимъ генїемъ, съ копорымъ нельзя сравнїшь Шиллера.“

А. Почему же?

Б. М. Т. въ Но 1 на стр. 59 говоритъ: „я думаю, нельзя пошому, что не должно.“

А. Только пошому?

Б. Чего же шебъ больше? Геше пошому шолько хваляшь въ Германїи, какъ говоришь въ М. Т. Но 6 на стр. 93, что „уши Нѣмцевъ уживчивѣе.“

А. Помилуй! неужели у Нѣмцевъ нѣшь человека, копорый бы могъ справедливо оцѣнїшь произведенїя своихъ соошечественниковъ; на пр. Шлегель, копорый показаль ошличнїй образецъ своихъ сужденїй, не шолько о Нѣмецкомъ, но даже и о Французскомъ шеапръ?

Б. М. Т. въ Но 6 на стр. 92 говоритъ, что „Шлегель судїшь о Французскомъ ше-

апрѣ, не какъ знапокъ, или охощникъ, но какъ заимодавецъ подъ вещи.“

Я. Послѣ шакихъ приговоровъ Шиллеру, Гете и Шлегелю, нѣчего ожидаешь добраго и Вальшеру Скопшу.“

Б. М. Т. въ No 11 на сгр. 256 говоришь, „что Вальшеръ Скопшъ носитъ желчныя очки, и что онъ, воюя съ непріятелемъ, хочешь бишь его чѣмъ ни попало, и дѣдовскимъ копьемъ и кухоннымъ сковородникомъ.“

Я. Эшо съ чего взялъ швой М. Т.?

Б. Какъ съ чего? Издашель Телеграфа *хорошо знаетъ* Англійскій языкъ; онъ читалъ сочиненія В. Скопша въ подлинникъ, а не въ Русскомъ переводѣ, просьянномъ сквозь рѣшето Французской прозы.“

Я. Гдѣ ты доспалъ эшо рѣшето Французской прозы?

Б. Все таки въ М. Т. No 11 на сгр. 257. Да ты, брашець, я вижу приспращенъ къ иностранцамъ, въ тебѣ вовсе нѣтъ *какаго патриотизма*, изобрѣшеннаго въ No 11 М. Т. на сгр. 232. Я думаю, тебѣ не поправился, что въ No 7 М. Т. на сгр. 199 сказано, что Элегія Барашинскаго сушь „ничто иное, какъ яркое шипье искусной золотопшвейки.“

Я. Помилуй, какъ можно Поэша сравнивать съ золотопшвейкою? гдѣ тушь истина?

Б. М. Т. No 7 на сгр. 197 говоришь, что „истина брошена долу на драку мелочнымъ спрассямъ.“

Я. Признаюсь, я эшо въ первый разъ слышу.

Б. Мало ли чего ты не слыхалъ? Извѣстно ли тебѣ, какъ сказано въ No 7 М. Т. на сгр. 193, что „Мицкевичъ, Польскій Поэшь, *задираетъ* насъ обольстительною *ожливостію*.“

Я. Какимъ же образомъ?

Б. „Печашая свои сонешы въ Москвѣ.“

Я. Чшо жъ тушь удивительнаго? Мицкевичъ живешь въ Москвѣ, слѣдовательно, ему удобнѣе напечатать свои сонешы въ Москвѣ, нежели посылать ихъ для напечатанія въ Варшаву.

Б. Эшо тебѣ неудивительно; а М. Т. въ No 7 на сгр. 191 называешь эшо печашаніе „явленіемъ необычайнымъ и удовлетворительнымъ.“

Я. Издашель М. Т. есть геній, имьющій свой покррой, *свое чутье излицнаго* (*).“

(*) Сіи выраженія заимствованы изъ сочиненій Князя П. А. Вяземскаго, напечатанныхъ въ Дамскомъ Журналѣ Князя П. И. Шаликова.

Б. А знаешь ли ты, какъ М. Т. въ No 1 на стр. 59 опредѣляетъ гений?

Я. Не знаю.

Б. Онъ говоритъ, что „гений есть не квадратная миля.“

Я. Вѣрно М. Т. хочешь мѣрить гений аршиннами; можно ожидать, что онъ скоро начнетъ размѣнивать славу?

Б. Не только начнетъ, а уже началъ; ибо въ No 2 М. Т. на стр. 158 сказано: „въ нашъ вѣкъ литературная слава размѣнивается на мелочь.“

Я. Поздравляю себя съ пріобрѣтеніемъ шапкихъ познаній; удивляюсь только тому, какъ ты самъ не вздумаешь издавать Журнала, или не завербуешься въ сотрудники къ какому нибудь Журналисту; при своихъ разсиренныхъ дѣлахъ это лучшее средство. Почему знаешь? Можешь быть, тебѣ удалось бы заплатить свои долги журнальнымъ рапоборствомъ.

Б. Да чѣмъ же я худой сотрудникъ? Журналъ будешь у насъ славный; я буду завѣдывать полемикою; а М...скій поэзіею, и въ шляпъ дѣло. — Прощай! пора мнѣ домой. Спасибо тебѣ за совѣшь.

Я. Желаю тебѣ успѣховъ; только смотри пиши кристики *своеобразные*; и М...

скому скажи, чтобы онъ не зажигалъ Фемю огарка.

Пустынный.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

Поэзія.

35. *Братья разбойники*, соч. А. Пушкина (писано въ 1822 году). М. въ типогр. Августа Семена, 1827, въ 8, 16 стр.

(Поэзія и Музыка производятъ очаровательное, можно даже сказать чудное дѣйствіе на душу человѣка. Первая возбуждаетъ въ насъ иногда соучастіе къ лицамъ и предметамъ, кои, въ обыкновенномъ о нихъ понятіи, болѣе способны внушать намъ негодованіе, даже отвращеніе, нежели какое либо чувство доброжелательства; вторая, нерѣдко выражая звуками нестройство, плѣняетъ насъ гармоніею самаго разногласія. Таково волшебство *Изычныхъ Искусствъ!*

Они наспроивають душу на шопть ладъ, на кошорый хоптъль ее навеспи своенравный геней Поэша или Сочинишеля Музыки. Мы негодуемъ на пороки дѣйсвующаго лица Поэмы — и невольню удляемъ ему вздохъ сожалѣнїя; досадуемъ на нѣкошорые звуки, оскорбляющіе нашъ слухъ, — и не можемъ себѣ дасть опчеша, почему въ *дѣломъ* они намъ нравятся? Небольшая Поэма Пушкина: *Братья разбойники*, служишь новымъ подкрѣпленіемъ сей задачи. Въ сей Поэмѣ, разбойникъ, недавно завербовавшійся въ шайку разврашной вольницы, рассказываетъ удаюю свою жизнь, набѣги, грабежи и убійства: ни одна добрая наклонность, ни одно доброе дѣло не искупають пороковъ его и злодѣйствъ. Наконецъ онъ, вмѣстѣ съ брашомъ своимъ и поварищемъ въ разбояхъ, попадающся въ руки правосудїя, закованы и брошены въ шюрьму, ожидая достойной мзды своихъ преспуленїй. Брашъ его, младшїй годами, не могъ перенести униченства; онъ впалъ въ шяжку болѣзнь, и въ бреду горячки, между усшрашающими его призраками, видишь нѣкогда зарѣзаннаго ими старца и умоляешь браша пощадишь сѣдїны его.

„Но молодость свое взяла:

большой выздоравливаешь. Брашьямъ разбой-

никамъ удаешся обманушь своихъ спражей; они переплывають черезъ рѣку, опбиваюпса опъ погони и уходящъ. Но шупъ младшїй снова впадаеш въ недугъ — шумираеш. Старшїй предаеш бездушный шрупъ землѣ, совершивъ надъ нимъ *грѣшную молитву* и снова опправляешся на промыселъ. Не ша уже для него жизнь; нѣтъ прежней, буйной радости: „*могила брата все взяла*“ говоришь онъ, и послѣдняя жалость замерла въ его сердцѣ.

„Но иногда щажу морщины:
Мнѣ жалко рѣзашъ старика;
На беззащитныя сѣдины
Не поднимаешся рука.“

И эшимъ онъ плашишь данъ памяти своего браша, кошорый умолялъ его въ шюрьмѣ за старца. — Въ характерѣ сего разбойника, при всей его жестокости и разврашности, видимъ одно господствующее чувствво природы — любовь брашскую: она, за недосшаткомъ добродѣтели, за опсуществїемъ совѣспи, сдерживаеш иногда въ немъ порывы кровожадности; и она-шо, выраженная очаровашельными стихами Пушкина, пробуждаеш въ насъ минушное чувствво жалости, даже къ разбойнику. Вошь нравшвенная спорона сей Поэмы, изъ кошорой можно вывеспи послѣдствїе, что человекъ, да-

же въ крайнемъ униженіи своемъ , не вовсе еще ошмешаетъ тѣ чувствованія, копорыи Милосердый Промысль влилъ въ душу его при самомъ рожденіи.)

Конецъ сто четырнадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

		Стран.
I.	Изящная Словесность.	
1.	Дружба на Сѣверѣ	5
	(Прод.)	97
	(Оконч.)	197
2.	О нынѣшнемъ сословіи Нѣмецкаго Театра	228
II.	Народное Просвѣщеніе.	
	Объ устройствѣ Училищъ	35
III.	Критика.	
1.	Андромаха, Трагедія	78
	(Оконч.)	164
2.	Отвѣтъ Г. Толмачеву	259
IV.	Воспитаніе.	
	О выгодахъ общественнаго воспитанія	145
V.	Корреспонденція.	
	Письмо изъ Севастополя	242
VI.	Естественная Исторія.	
	Прогулка Вашшерсона	278
	(Прод.)	359
VII.	Словесность.	
	О дѣйствіи Словесности и Искусствъ на характеръ народа	293

